САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

04201004221

На правах рукописи

РОДИОНОВА
Екатерина Михайловна

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ АРМЯНО-ИРАНСКИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В XVII ВЕКЕ

Специальность 07.00.03 – всеобщая история
(древность, античность, средние века, новое время)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Кандидат исторических наук Сергей Евгеньевич Григорьев

Санкт-Петербург
2010

ВВЕДЕНИЕ **4**

ГЛАВА 1. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ АРМЯН В НАЧАЛЕ XVII В., ФОРМИРОВАНИЕ АРМЯНСКОЙ ТОРГОВОЙ КОЛОНИИ НОВАЯ ДЖУЛЬФА В ИРАНЕ **25**

1. Ирано-турецкое противостояние 16-17 вв. и Армянское нагорье 26
2. Переселение армян в Иран и создание Новой Джульфы 36
3. Основные причины переселения армян в Иран 49
4. Последствия «великого сургуна» для Ирана 60

ГЛАВА 2. АРМЯНО-ИРАНСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В 1604-1629 ГГ. **64**

1. Особые связи шаха Аббаса I с влиятельными членами армянской общины Новой Джульфы 64
2. Влияние коммерческой и дипломатической деятельности армян-христиан на контакты Ирана с Европой 80
3. Этнокультурные особенности армян Ирана в рассматриваемый период 84
4. Армяне, обращенные в ислам 87

ГЛАВА 3. АРМЯНО-ИРАНСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В 1629-1700 ГГ. **94**

1. Отношения сефевидских шахов с Новой Джульфой 1629 – конец XVII в. 94
2. Влияние коммерческой деятельности армян-христиан на контакты Ирана с Европой 98
3. Этнокультурные особенности армян Ирана и их посредническая роль 102
4. Изменение положения армян, обращенных в ислам 114

ГЛАВА 4. АРМЯНО-ИРАНСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В XVII В. И РОССИЯ 118

1. Роль армян в становлении ирано-российских отношений 118
2. Армяне в ирано-российских отношениях XVII в. 121
3. Отношения армян с Российским государством 128
4. Начало нового этапа армяно-российских отношений при Петре I 132

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 139

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 144

ПРИЛОЖЕНИЯ

Введение

Актуальность темы. Армяно-иранские этнокультурные связи имеют давнюю историю. Армения долгое время входила в состав различных государств, политический центр которых находился в Иране. Как известно, значительные армянские общины существуют в Иране на протяжении более чем 1700 лет.[1] Некоторые армянские историки даже утверждают, что ни одна нация в истории не сделала столько в географическом, духовно-культурном и другом плане для армянского народа, сколько сделал Иран и иранский народ, ведь Армения «начиная с далекого прошлого, подвергалась иранскому влиянию и, в свою очередь, обменивалась с Ираном своими культурными ценностями».[2]

При изучении данной темы XVII в. особенно важен как период наиболее тесных армяно-иранских этнокультурных связей. Именно тогда обмен духовными ценностями между двумя культурами шел наиболее интенсивно и многие элементы «чужой» культуры в процессе переработки становились «своими».[3]

В рассматриваемый исторический период выживание армян как этноса во многом зависело от их взаимоотношений с Ираном, место которого в начале

---

[1] Dekmejian R.H. The Armenian diaspora. The Armenian people from ancient to modern times. – Volume II.: Foreign Dominion to Statehood: The Fifteenth century to the Twentieth Century. / edited by Richard G. Hovannisian, professor of Armenian and Near Eastern History. – Los Angeles: University of California – New York: St. Martin's Press. – 1997. – C. 421-422.

[2] Байбурт'йан В. Хай-иранакан хараберут'йуннерэ Хайастани анкахут'йан дзеркберумиц хето. // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Выпуск XVII / под ред. Н.Х. Ованисян, М.Х. Хамоян, Г.Х. Саркисян, А.В. Косьян. – Ереван: Издательство «Гитутьюн» НАН РА. – 1998. – С. 5

[3] Ср.: Нагорная А.В. Русско-иранские культурные связи в конце XIX – начале XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М. – 1988. – С. 1.

XVIII в. заняла Россия. В иранской исторической науке XVII в. считается временем максимального сближения армян и персов-мусульман. По словам современного иранского исследователя, «...во времена шаха Аббаса армяне и персы жили как братья, мы должны брать с них пример».[4]

В современной политической ситуации изучение особенностей армяно-иранских этнокультурных связей в XVII в. приобретает особое значение и для российской науки: оно помогает понять, как могут развиваться армяно-иранские отношения в дальнейшем. Разумеется, механическая экстраполяция выводов об армяно-иранских связях XVII в. на современные отношения Ирана и Армении вряд ли окажется плодотворной.

Объектом данного исследования является история формирования и развития армяно-иранских этнокультурных связей в XVII в.

Предметом исследования стали особенности положения армян в сефевидском Иране, их роль в общественно-политической и культурной жизни Ирана, а также исторические причины ослабления армяно-иранских связей в конце XVII в. и начала «переориентации» армян на Россию.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1604 по 1701 гг. Начальная дата – год, когда сефевидский шах Аббас I (1587-1629) *(см. Приложение 1)* начал насильственно переселять армян из Закавказья в Иран (событие, получившее в историографии название «великий *сургун*» – осман. 'переселение'). В результате этого переселения армяне заняли особое место в иранском социуме, сформировался тип армяно-иранских этнокультурных связей, характерный для всего XVII в. Конечная дата – начало переговоров Петра I (1682-1725) с представителем карабахских меликов Исраелом Ори (1658-1711), на которых обсуждалась помощь России армянам при их освобождении от власти Османской империи и сефевидского Ирана. С этого момента армяне начинают переориентироваться на связи с Россией,

---

[4] Der-Huhāniyān H. Tārix-e Jolfā-ye Esfahān. – Esfahān: Našr-e zenderud bā mošārekat-e entešarāt-e naqš-e xoršid/ -1379. – C. 4-5.

армяно-иранские отношения меняются, заканчивается период тесных армяно-иранских этнокультурных связей. Таким образом, исследование почти не выходит за пределы XVII в. – особого периода армяно-иранских этнокультурных связей.

Территориальные рамки данного исследования преимущественно ограничены ареалами сефевидского Ирана и Закавказья. Необходимо также пояснить, что в некоторых цитируемых работах под термином «Армения» понимаются территории Закавказья с преобладающим армянским населением. Несмотря на отсутствие в описываемый период у Армении государственности, общеизвестно, что армянский народ представлял собой устойчивую этнокультурную общность и продолжал проживать в Закавказье достаточно компактно (на территории современных Армении, Азербайджана, Ирана и Турции). К тому же, топонимы «Восточная Армения», «Западная Армения», «Малая Армения» (Киликия) гораздо шире географически, чаще употребляются армянскими и европейскими хронистами XVII в., современными ираноязычными исследователями (Х. Фармайан, А. Нуризаде, А. Хувьян), а также османским хронистом XVII в. Кятибом Челеби, и более устойчивы, чем использовавшиеся в сочинениях ирано- и тюркоязычных авторов Ширван, Чухур Са'ад и т.д. Так, область Чухур Са'ад включает в себя только Ереванскую область, т. е. Араратскую равнину с окрестностями;[5] в армянских источниках она называется Сахт'а п'ос, по имени правившего здесь «туркменского владыки Амир Са'да»,[6] и это название употребляется только с конца XIV в. Строго говоря, Чухур Са'ад – не название (топоним), а эпитет (прозвище-*лакаб*) области. В XV – XIX вв. персы очень часто давали такие эпитеты городам, например, Дар ас-Салтана = Исфахан, Дар ас-Сафа = Хой,

---

[5] Сафаров Р. История Азербайджана. Политическая игра на перепутье интересов. – URL: http://www.azeri.ru/AZ/history/polit_igra.html (дата обращения: 31.07.2008)

[6] Папазян А.Д. Аграрные отношения в Восточной Армении и XVI – XVII вв. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1972. – С. 50.

Дар аль-Ислам = Хорезм, Умм аль-Билад = Балх, Балда-йи Тайиба = Хамадан, Арз-и Мукаддас = Мешхед.

Термины «иранский» и «персидский» в лингвистическом смысле применяются в значении, принятом отечественными востоковедами, – как родовое и видовое понятия.[7] В остальных случаях термин «иранский» используется в значении «принадлежащий государству Иран».

Степень научной разработанности темы. Хотя в современной историографии отсутствуют работы, полностью посвященные армяно-иранским этнокультурным связям, литература, затрагивающая упомянутую тему, многочисленна и неоднородна. Немногие труды посвящены именно культурологической составляющей проблемы: чаще всего речь идет об истории армян в Иране, об экономическом и политическом положении армянской торговой колонии Новая Джульфа, о правовом статусе армян-христиан сефевидского Ирана.

Для изучения армяно-иранских этнокультурных связей в XVII в. необходимо, прежде всего, ознакомиться с литературой о роли армян в общественно-политической и культурной жизни Ирана описываемого периода.

По этой теме важнейшим трудом является двухтомное сочинение А. Тер-Ованянца «История Новой Джульфы»,[8] созданное в конце XIX в. Написанный на грабаре (древнеармянском языке), в XX в. труд Тер-Ованянца был переведен на персидский язык.[9]

Автор этого сочинения произвел фундаментальное исследование архивов Исфахана и Новой Джульфы, в особенности их армяноязычной части. В книге

---

[7] Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в. – Л.: Издательство ЛГУ. – 1949. – С. 4-5.

[8] Тэр-Ованеанц Х. Патмут'ивн Нор Джуґайу. – Т. I. – Новая Джульфа. – 1880. – 492 с.; Т. II. – Новая Джульфа – 1881. – 317 с.

[9] Der-Huhāniyān H. Op. cit.

подробно рассказывается о взаимоотношениях армян Ирана с сефевидским двором, а также о положении в армянской апостольской церкви в XVII в. Некоторым недостатком работы является ограниченное привлечение европейских материалов.

Значение труда Тер-Ованянца столь велико, что, несмотря на хронологические рамки, армянская исследовательница Лоретта Данегян и грузинский историк К.К. Куция называют «Историю Новой Джульфы» источником, поставив в один ряд с творениями «... Искандара Мунши, Кятиба Челеби, Мустафы Наима, Ибрагима Печеви, грузинского анонимного автора (возможно, имеется в виду анонимный грузинский «Хронограф» первой половины XIV в. - *Е. Р.*), Шараф-хана Бидлиси... Григора Даранахци...», армянскими мелкими хрониками и другими источниками, а также с рукописями Матенадарана им. Маштоца и указами сефевидских шахов.[10]

Несомненно, важен для понимания роли армян в общественно-политической и культурной жизни Ирана XVII в. изданный на русском языке крайне своеобразный труд С.В. Тер-Аветисяна «Город Джуга».[11]. Ценный своими цитатами из малодоступных источников (таких как произведения армянского историка XVII в. Григория Даранагци), он обладает и недостатками. Автор не всегда различает Новую и Старую Джульфу, названия глав не всегда соответствуют их содержанию, цитаты иногда приписываются другим авторам.[12] Хронология в его труде также довольно часто бывает нарушена.

---

10 Данегйан Л. Хайери брнагагт'н Иран 17-рд дарум (А. Даврижецу твйалнеров). // Вестник общественных наук. – №8. – Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР. – 1969. – С. 207.

[11] Тер-Аветисян С.В. Город Джуга. – Тбилиси: Издательство грузинского филиала Академии Наук. – 1937. – 242 с.

12 Там же. С. 85.

Пример обобщения и систематизации материала – книга В.А. Байбуртяна «Армянская колония Новой Джульфы в XVII веке (Роль Новой Джульфы в ирано-европейских политических и экономических связях)».[13] Уделяя основное внимание экономической жизни Новой Джульфы и религиозным противоречиям иранских армян и католической церкви, не заостряя внимания на собственно армяно-иранских этнокультурных связях, автор использует и обобщает все основные источники и литературу, относящиеся к армянам в Иране XVII в., гармонично сочетает сведения из армянских и персидских хроник с европейскими путевыми заметками.

Из англоязычных исследований наиболее важны две работы.

Первая – фундаментальное исследование В.С. Гукасяна «Возникновение армянской епархии Новой Джульфы»,[14] посвященное истории армянской апостольской церкви в Иране.

Вторая – коллективный труд американских ученых С. Бабаи, К. Бабаян, И. Багдиянц-Мак-Кейб, М. Фархада «Шахские рабы. Новые элиты сефевидского Ирана».[15] В нем речь идет о проникновении армян в сефевидскую администрацию, о влиянии армянских купцов-христиан и обращенных в ислам армян-гулямов на международную торговлю Ирана.

---

[13] Байбуртян В.А. Армянская колония Новой Джульфы в XVII веке (Роль Новой Джульфы в ирано-европейских политических и экономических связей). – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1969. – 167 с.

[14] Ghougassian V.S. The Emergence of the Armenian Diocese of New Julfa in the Seventeenth Century. / Armenian texts and studies. – Pennsylvania: University of Pennsylvania. – 1998. – 326 с.

[15] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Slaves of the Shah. New elites of Safavid Iran. – London-New York: I.B. Tauris. – 2004. – 218 с.

Обе работы используют малодоступные армянские и персидские источники. Уникальный материал и оригинальные выводы придают им ценность.

На современном армянском языке написано фундаментальное исследование армянского историка Лоретты Данегян «Сочинение Аракела Даврижеци как первоисточник сефевидской иранской историографии XVII в.»[16] В нем сведения Аракела Даврижеци сравниваются со сведениями персидских источников, а также отмечаются недостатки некоторых европейских работ по армяно-иранским отношениям.

Для изучения собственно армяно-иранских связей чрезвычайно важен второй том работы персидского историка середины XX в. Насруллы Фальсафи «Жизнь шаха Аббаса Первого».[17] В нем автор рассказывает о правлении Аббаса после великого *сургуна*. Опираясь не только на персидские, но и на армянские хроники, Фальсафи воссоздает картину армяно-иранских этнокультурных связей в первые десятилетия XVII в. Недостатки его труда типичны для большинства персидских сочинений. Прежде всего, это стремление представить сефевидскую власть в лучшем свете, в том числе и скрыть все репрессии, которым подвергались в описываемый период армяне-христиане.

Таковы основные работы, в которых поднимается вопрос армяно-иранских связей. Изучение этой проблемы невозможно без привлечения некоторых сочинений армянских исследователей: А. Д. Папазяна,[18] Л. Х. Тер-Мкртичян,[19] П. Чобаняна,[20] крупного советского историка-медиевиста

---

[16] Данегйан Л. Указ. соч.

[17] Falsafi, Nasrulla. Zendegāni-ye šāh-e Abbās-e awwal. – Ĵeld-e dowwom. – Tehrān: Entešārat-e dānešgāh-e Tehrān. – 1337. – 448 c.

[18] Папазян А.Д. Указ. соч.

[19] Тер-Мкртичян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии VIII-XVIII вв. – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1985. – 190 с.

И.П. Петрушевского,[21] искусствоведов – англичанина Дж. Карсвелла «Армянские церкви и другие постройки»[22], и армянки иранского происхождения Л. Мелкониан «Армянские церкви Ирана»,[23] иранских историков А. Нуризаде «История культуры Армении с древних времен до наших дней»[24] и И. Ишраки «Значение торговли шелком в период Сефевидов».[25]

Для понимания специфики армяно-иранских связей чрезвычайно важны работы авторов, затрагивающих тему ирано-азербайджанских отношений в

---

[20] Чобанян П. Этноконфессиональные процессы в Закавказье XVII – XVIII вв. // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. – Т. XVIII. / под ред. Н.Х. Ованисян, М.Х. Хамоян, Г.Х. Саркисян, А.В. Косьян. – Ереван: Издательство «Гитутьюн» НАН РА. – 1999. – С. 151-161.

[21] Петрушевский И.П. Указ.соч.

[22] Carswell J. New Julfa, the Armenian Churches and other Buildings. – Oxford: Clarendon Press. – 1968. – 100 c.

[23] Melkāniyān L. Kelisāhā-ye arāmene-ye Irān. – Tehrān: Markaz-e beynolmelāli-ye goftogu-ye tamaddānhā. – 1380. – 120 c.

[24] Nurizāde A. Tārix wa farhang-e Ārmanestān az āqāz tā emruz. – Tehrān: Čāpxāne-ye heydāri. – 1374. – 648 c.

[25] Ešrāqi E. Ahammiyat-e tejārat-e abrišam dar zamān-e Safawiye // Irān šenāxt. – № 5. – 1356. – С. 130-152.

описываемый период. Это, прежде всего, М.Х. Гейдаров[26], А.А. Рахмани[27] и А.М. Фарзалиев.[28]

Таким образом, ряд проблем армяно-иранских этнокультурных связей получили освещение в работах российских, армянских, иранских, американских и азербайджанских исследователей.

Хорошо изучена история армянского народа в XVII в., в том числе армян Ирана, а также история заселенных армянами областей, принадлежавших династии Сефевидов. Великий *сургун* – насильственное переселение армян в Иран, его политические, экономические и культурные последствия стали темой многих исследований. В силу определенных причин особенно подробно была представлена история армянской церкви, а также описание отношений иранских армян с католическими миссионерами в Иране XVII в. Подробно разработаны также вопросы экономической жизни Новой Джульфы, участия армян-христиан во внешней торговле Ирана в описываемый период и их посреднической роли в контактах Ирана с европейскими державами. Несколько хуже освещены проблемы ассимиляции армян в иранском обществе, а также положение при шахском дворе обращенных в ислам армян-гулямов и служителей гарема (в качестве отдельного аспекта своего исследования эту

---

[26] Гейдаров М.Х. Ремесленное производство в городах Азербайджана в XVII в. – Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР. – 1967. – 200 с.

[27] Рахмани А.А. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. – Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР. – 1960. – 192 с.

[28] Фарзалиев А.М. Торгово-экономические связи государства Сефевидов с Западной Европой в конце XVI – первой половине XVII вв. Учебное пособие. – СПб: Издательство Филологического факультета СПбГУ. – 2005. – 48 стр.; Фарзалиев А.М. Дипломатические отношения государства Сефевидов с Западной Европой в конце XVI – первой половине XVII в. Учебное пособие. – СПб: Издательство Филологического факультета СПбГУ. – 2005. – 58 с.; Фарзалиев А.М. Южный Кавказ в конце XVI века (Османо-сефевидское соперничество). – СПб: Издательство СПбГУ. – 2002. – 156 с.

проблему выделяют только С. Бабаи, К. Бабаян, И. Багдиянц-Мак-Кейб, М. Фархад)[29]. Еще меньше внимания уделяется культурной жизни армян в Иране, в особенности вне пределов Новой Джульфы. Много работ русскоязычных авторов посвящено армянскому движению за выход из-под контроля исламских держав и российско-армянским связям, но в них не всегда анализируются причины, по которым армяне стремились наладить контакты прежде всего с Россией.

Таким образом, представленный историографический обзор свидетельствует о том, что в отечественной и зарубежной историографии, отсутствует комплексное исследование армяно-иранских этнокультурных связей в рассматриваемый период.

Цель и задачи исследования. Целью данной работы является комплексное исследование основных тенденций и направлений армяно-иранских этнокультурных связей в XVII в. Для реализации цели решались следующие задачи:

- выявление особых связей Сефевидской династии с влиятельными членами армянской торговой колонии Новой Джульфы в Иране,
- описание влияния коммерческой и посреднической деятельности армян-христиан на контакты Ирана с Европой в XVII в.,
- определение значения деятельности армян, обращенных в ислам, в системе армяно-иранских связей в описываемый период,
- изучение роли армян в ирано-российских торговых и культурных контактах.

Источниковая база диссертации представлена широким кругом материалов, которые тематически делятся на следующие группы:

1) армянские и иранские хроники,

2) описания посещений Ирана и Закавказья европейскими путешественниками,

---

[29] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit.

3) архивные документы и материалы,

4) опубликованные документы и материалы.

1. Армянские и иранские хроники XVII в.

Армянский историк XVII в. Аракел Даврижеци в своем произведении «История»[30] дает подробное описание насильственного переселения армян в Иран, создания армянской торговой колонии Новая Джульфа в Иране и прочих значимых событий в период с начала XVII в. по 60-е гг. того же столетия. Общепризнано, что его труд также играет важную роль в изучении истории Ирана, и соседних народов – армян, грузин, азербайджанцев, турок.

Для нашей темы чрезвычайно важно в частности и то, что Даврижеци уделяет много внимания описанию и собственно армяно-иранских связей, раскрывает отношения армян Ирана с шахами династии Сефевидов, приводит интересные психологические характеристики различных исторических персонажей. Особую ценность «Истории» Даврижеци придает необычная для XVII в. научная точность и добросовестность. Не принимая никаких сведений на веру, Даврижеци пользуется проверенными данными, прилагает усилия для уточнения фактов, цифр, имен и дат. Объективность Даврижеци проявилась особенно ярко при сравнительном анализе его «Истории» с трудом иранского автора Искандер-бека Монши (Торкемана) «Украшающая мир история Аббаса».[31] Доказано, что оба автора не имели доступа к трудам друг друга и, тем не менее, приводимые ими сведения часто совпадают.[32]

---

[30] Даврижеци Аракел. Книга историй. – М.: ГРВЛ издательства «Наука» – 1973. – 623 с.

[31] Eskandar-bek Torkman (Monši). Tārix-e ālamārā-ye Abbāsi. – Nim-e jeld-e dowwom wa sewwom. – Tehrān: Čāpxāne-ye mowsuyi. – 1334-1336. – C. 610-1235.

[32] Петрушевский И.П. Указ. соч. – С. 35.

Армянский хронист XVII в. Закарий Канакерци также приводит в своей «Хронике»[33] многочисленные сведения по интересующему нас вопросу.

Он в основном концентрируется на социально-экономической и культурной истории армян XVII в., как и Даврижеци, подробно останавливаясь на отношениях армян с шахским двором Сефевидов.

Основное отличие «Хроники» Канакерци от «Истории» Даврижеци в том, что повествование первого носит несколько «анекдотический» (в историческом смысле) характер. Молва и слухи служат для Канакерци полноценным источником, он не пытается определить, что достоверно и что ложно. Таким образом, его «Хроника» показывает народные представления об армяно-иранских связях XVII в., является ценным источником по фольклору и этнографии описываемого периода.

Армянские источники XVIII в., осмысляющие и обобщающие более ранние исторические события весьма полезны для изучения армяно-иранских этнокультурных связей XVII в. В «Повествовании» Абраама Кретаци,[34] «Джамбре» Симеона Ереванци,[35] «Путевых заметках» Симеона Лехаци,[36] «Краткой истории страны албанской» Есаи Хасан-Джалала,[37] «Истории Индии»

---

[33] Канакерци Закарий. Хроника. – М.: Издательство «Наука». – 1969. – 320 с.

[34] Кретаци Абраам. Повествование. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1973. – 312 с.

[35] Ереванци Симеон. Джамбр. Памятная книга, зерцало и сборник всех обстоятельств Святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей. – М.: Издательство восточной литературы. – 1958. – 400 с.

[36] Лехаци Симеон. Путевые заметки. – М.: Издательство «Наука». – 1965. – 322 с.

[37] Хасан-Джалал Есаи. Краткая история страны албанской (1702 – 1722). – Баку: Издательство «Элм». – 1989. – 45 [1] с.

Товмаса Ходжамаляна,[38] и др. дается множество сведений, имеющих прямое и косвенное отношение к армяно-иранским этнокультурным контактам в XVII в.

Армянские источники подробно освящают проблему армяно-иранских этнокультурных взаимоотношений, в них приводятся ценные и редкие факты, они дают наиболее полное представление о неофициальной истории взаимоотношений двух народов. Вместе с тем, недостатки большинства армянских источников – необъективность, смешение фактов и фольклора, предвзятое отношение к персам-мусульманам.

Из иранских источников основным для указанного периода является «Украшающая мир история Аббаса» Искандер-бека Монши (Торкемана).[39] Это произведение посвящено в основном истории шаха Аббаса I и его предшественников, во второй и третьей части его книги немало сведений об армяно-иранских отношениях. Мунши дает уникальные сведения, в частности, об истории походов в Армению 1605 – 1625 гг., а также о массовой депортации армянского населения в Персию в начале XVII в. Несмотря на то, что для Мунши армяне не представляли специального интереса, он упоминает о них довольно часто. Сравнение его данных со сведениями, приводимыми армянскими источниками, позволяет в некоторой степени восстановить ход реальных событий, взглянуть на них с разных сторон.

Для понимания предыстории армяно-иранских связей, характерных для XVII в., значителен также труд Шараф-хана Бидлиси «Шараф-наме» (Книга Шарафа),[40] в котором речь идет главным образом о событиях конца XVI в. «Шараф-наме» – первый и основной источник по средневековой истории

---

[38] Ходжамалян Товмас. История Индии. // Армянские источники XVIII в. об Индии. / под ред. Р. Абрамяна. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1968. – 297 с.

[39] Eskandar-bek Torkman (Monši). Op. cit.

40 Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. / перевод, предисловие, примечания и приложения Е.И. Васильевой. – Т. 2. – М.: Издательство «Наука». – 1976. – 350 с.

курдского народа. Передавая историю происхождения курдских племен, автор описывает их перемещения по территории Армении, рассказывает о социально-правовом положении армян.

Таким образом, иранские источники не дают столь полной и подробной картины жизни армян, как источники армянские, но, вместе с тем, приводимые ими сведения позволяют выстроить более целостную картину связей двух народов.

Отдельные ценные факты об армяно-иранских связях можно почерпнуть также из турецких и азербайджанских источников, таких как «Джихан-нюма» и «Фезлеке» Кятиба Челеби.[41], «История» Ибрагима Печеви,[42] «Книга Орудж-бека Байата, Дон-Жуана Персидского».[43] Часто турецкие и азербайджанские авторы видят взаимоотношения армян и персов-мусульман со стороны.

2. Описания посещений Ирана и Закавказья европейскими путешественниками

Эти источники представляют собой дневники и путевые заметки путешественников из разных стран Европы, посетивших Иран в описываемый период. В них даются главным образом сведения о внутреннем устройстве сефевидского Ирана.[44] Европейские путешественники селились среди иранских армян, которые служили им проводниками и переводчиками, вели с ними

---

[41] «Джихан-нюма» и «Фезлеке» Кятиба Челеби как источник по истории Армении (XVII в.). / предисловие, перевод и комментарии А.А. Папазяна. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1973. – 189 с.

[42] Печеви, Ибрагим Эфенди. История. – Баку: Издательство «Элм». – 1988. – 98 с.

[43] Орудж-бек Байат. Книга Орудж-бека Байата, Дон-Жуана Персидского. – Баку: Издательство «Язычы». – 1988. – 215 с.

[44] Minorsky V. Tadhkirat al-muluk. A manual of Safavid administration. Introduction. – L.: Messers, Luzac and Co. – 1943. – P. 6.

торговые дела. Для европейцев в Иране армяне-христиане были посредниками между ними и шахским двором, а также мусульманским большинством Ирана в целом. Таким образом, путешественники из Европы могли не только наблюдать со стороны за армяно-иранскими отношениями, но и участвовать в них.

Жан-Батист Тавернье (1605 – 1689) – автор книги «Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию»,[45] одного из важнейших источников по армяно-иранским связям середины XVII в. Несколько раз посетив Иран, Тавернье завел тесные связи с армянской торговой общиной Ирана. Ему удалось собрать обширные сведения по истории и этнографии армян, по их взаимоотношениям с персами как в современную ему эпоху, так и в более ранние исторические периоды.

Жан Шарден (1643 – 1713), автор записок «Путешествия шевалье Шардена в Персию и другие страны Востока»,[46] оставил в своих записках сведения об иранских армянах второй половины XVII в.

Особенно подробно он рассказывает о положении в армянской церкви, о деятельности католикоса, об отношениях армян с католическими миссионерами, ведущими свою деятельность в Иране в указанный период. Как и Тавернье, Шарден также уделяет особое внимание этнографии армян, описывая их национальный костюм и обычаи. Он подчеркивает особенный статус армян, их отличия от персов-мусульман. Ему принадлежат также подробные описания Еревана, Джуги и других городов Закавказья, населенных армянами.

Адам Олеарий (1603 – 1671), написавший путевые заметки о посещении Ирана в 30-х гг. XVII в.,[47] также подробно рассказывает об армяно-иранских

---

[45] Tavernier J.-B. Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier en Turquie, en Perse et aux Indes. – Paris. – 1930. – 351 c.

[46] Chardin J. Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient. – Vol. II. – Amsterdam. – 1735. – 359 c.; Vol. III – Amsterdam. – 1735. – 324 c.

связях, анализирует отношения иранских армян с персами-мусульманами и с европейцами, передает много ценных сведений по этнографии армян.

Ценные сведения об армянах в Иране можно почерпнуть также из записок европейских путешественников Георга Тектандера[48] и Людвига Фабрициуса,[49] в разные годы XVII в. посетивших Иран.

Каждый из европейских источников добавляет определенные детали к картине армяно-иранских связей. Имея возможность наблюдать со стороны, европейцы замечают многие вещи, кажущиеся несущественными самим армянам и персам. Будучи в большинстве случаев протестантами, авторы путевых заметок могут также взглянуть со стороны на отношения армянской торговой общины Ирана с католическими миссионерами, что, безусловно, также важно для понимания роли европейцев в армяно-иранских взаимоотношениях.

Вместе с тем, записки европейских путешественников в качестве источников по армяно-иранским связям, имеют свои явные недостатки. Жанр дневников и путевых заметок предполагает рассказ, прежде всего, о собственных впечатлениях, передачу непроверенных рассказов.

---

[47] Olearius A. The voyages and travels of the ambassadors from the Duke of Holstein, to the Great Duke of Muscovy and the King of Persia. Begun from the year M. DC. XXXIII. and finished in M. DC. XXXIX. Containing a complete History of Muscovy, Tartary, Persia, and other adjacent Countries. – L.: For Thomas Dring and John Starkey – 1662. – 424 c.

[48] Тектандер Георг фон дер Ябель. Путешествие в Персию через Московию. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602 – 1603 гг. / под ред. А.И. Станкевича. – М.: Императорское общество истории и древностей Российских. – 1896. – 62 с.

[49] Фабрициус Людвиг. Записки. Записки иностранцев о восстании Степана Разина. (Тексты, переводы и исследования). / под ред. А.Г. Манькова. – Т. 1. – Л.: Издательство «Наука». – 1968. – 174 с.

Большую роль играли личные отношения европейских путешественников с армянами. Если Тавернье и Шарден отзываются о последних в целом благосклонно, то Олеарий многократно высказывает недовольство «хитростью» и «коварством» армян.[50] Тавернье пишет о необразованности и отсутствии культуры у армян, [51] что противоречит всем армянским источникам.

3. Архивные документы и материалы.

В работе использовались материалы Российского Государственного архива древних актов (РГАДА)[52] и Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА).[53] В архивах собраны разнообразные документы и материалы, относящиеся к участию армян в ирано-российских отношениях. Это, прежде всего, торговые дела и договоры, записи о торговле, сведения об армянах, посетивших Россию, жалованные грамоты царя армянам.

В течение всего XVII в. армяне служили посредниками в ирано-российской торговле, они посещали Россию с дипломатическими целями, пытались заручиться поддержкой российского правительства в борьбе за независимость. Уникальное, промежуточное положение России в армяно-иранских связях позволило собрать в документах многие ценные сведения об этой проблеме.

4. Опубликованные документы и материалы

Не менее важными оказываются и источники четвертой группы – сборники опубликованных документов и материалов, посвященных российско-

---

[50] Ghougassian V.S. Op.cit. C. 14.

[51] Tavernier J.-B. Op.cit. C. 108.

[52] Фонд 77. Сношения России с Персией; Фонд 100. Сношения России с Арменией.

[53] Фонд 482. Кавказские войны.

иранским,[54] а также российско-армянским[55] связям. В советское время материалы, относящиеся к истории Восточной Армении, а значит и иранских армян, были хорошо изучены в научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Еревана, опубликованы и переведены на русский язык. Основное внимание уделялось свидетельствам национально-освободительной борьбы армянского народа и подтверждению пророссийской направленности всей деятельности армянских купцов, менее изученными оказались материалы, связанные с религией. Но и при этих понятных недостатках колоссальный труд составителей сборников документов был чрезвычайно важен для изучения данной темы.

Армянские, иранские, русские, турецкие, азербайджанские, европейские источники с разной степенью подробности и последовательности освящают армяно-иранские этнокультурные связи. Только изучение комплекса всех имеющихся источников позволяет компенсировать недостатки отдельных работ и составить целостную картину проблемы.

Новизна и научная значимость работы состоит в следующем:

- Впервые в отечественной историографии комплексно рассмотрен особый тип армяно-иранских этнокультурных связей, характерный для XVII в.
- Впервые предпринята попытка наиболее полно раскрыть причины, побудившие шаха Аббаса I избрать армян на роль «торгового меньшинства» в сефевидском государстве.

---

[54] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. // История Ирана. / редакторы С.А. Шумов, А.Р. Андреев. – Киев-Москва: Издательство «Альтернатива-Евролинц». – 2003. – С. 329-358.

[55] Армяно-русские отношения в XVII в. / сборник документов под редакцией В.А. Парсамяна. – Т. 1. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1953. – 233 с.; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. / под ред. А. Иоаннисяна. – Т. II, ч. I. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1967. – 396 с.

- Выявлены и названы основные характерные признаки армяно-иранских этнокультурных связей XVII в.: тесные связи армянской торговой колонии Новая Джульфа с шахским двором; «вписанность» армян-христиан в общественно-политическую и культурную жизнь Ирана, их посредническая роль при контактах персов-мусульман с европейцами; участие армян, принявших ислам, в делах армянской христианской общины; интерес персов-мусульман к христианской обрядности, формирование близких взглядов персов-мусульман и армян-христиан на нормы поведения в обществе и семейную жизнь.
- Новизна исследования связана в том числе и с выбором хронологических рамок исследования – четко заданы временные рамки существования армяно-иранских этнокультурных связей, характерных для изучаемого периода, описан переход от «проиранской» к «пророссийской» ориентации у армян.

Методологической основой диссертации явились принципы историзма, научной объективности и системности. Принцип историзма позволил изучить исследуемые явления и процессы в их конкретно-исторической обусловленности, развитии и соотношении с другими явлениями. Принцип научной объективности способствовал максимальному приближению к действительной картине прошлого вопреки пристрастным оценкам и трактовкам. С помощью принципа системности, подразумевающего исследование исторических явлений с точки зрения их системной взаимосвязи, сделана попытка из множественных фрагментов изучаемой проблемы воссоздать обобщенную картину событий и выявить определенные закономерности исторических фактов и процессов.

Применение системного подхода способствует многомерному анализу межкультурных контактов (включая семиотические механизмы культуры по Ю.М. Лотману и влияние контактов на основные компоненты культуры этноса

по Ю.И. Мкртумяну),[56] а также синтезу логического и исторического подходов, что в свою очередь позволяет изучать такие сложные явления, как этнокультурные связи.

При решении поставленных задач использовалось сочетание историко-типологического и историко-сравнительного методов; это помогло структурировать материал хронологически, выделяя наиболее важные закономерности и тенденции в развитии армяно-иранских этнокультурных связей.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что полученные в ходе исследования фактический материал и теоретические обобщения могут быть использованы при разработке учебных курсов по истории Ирана и Закавказья в эпоху Сефевидов; по истории армянского народа, а также армяно-иранских и частично ирано-российских отношений.

Апробация исследования. Основные положения и выводы исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока СПбГУ, на VI конгрессе антропологов и этнографов России (Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.), на международной конференции «Иран: Культурно-историческая традиция и динамика развития» (Москва 14-15 февраля 2006 г.), на международной научной конференции «Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы», посвященной 150-летию Восточного факультета СПбГУ (4-6 апреля 2006 г.); на XXIV международной научной конференции «Источниковедение и историография стран Азии и Африки» (10 – 12 апреля 2007 г.), а также содержатся в публикациях автора.

---

[56] См.: Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПБ». – 2004 – С.163-177, 268-276, 371-389, 425-427, 462-504, 639-668; Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнической культуры. Материалы симпозиума. – Ереван. – 1978. – С. 42; Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. – М.: Изд-во «Весь мир». – 2004. – С. 77-79, 140; Burke P. What is Cultural History? – Cambridge: Polity Press. – 2004. – С. 27-33, 56-60, 118-121.

Структура исследования. Поставленные цель и задачи исследования определили структуру диссертации, которая состоит из введения, четырех глав (Глава 1. Переселение армян в начале XVII в., формирование армянской торговой колонии Новая Джульфа в Иране; Глава 2. Армяно-иранские этнокультурные связи в 1604 – 1629 гг.; Глава 3. Армяно-иранские этнокультурные связи в 1629 – 1700 гг.; Глава 4. Армяно-иранские этнокультурные связи XVII в и Россия и заключения, списка источников и литературы, а также приложений, включающих в себя, прежде всего, иллюстративный материал и копии документов. Работа строится по проблемно-хронологическому принципу.

Транслитерация, термины, даты. Все топонимы, названия, термины, имена собственные даны в соответствии с принятыми в русском языке нормами. Цитаты из иноязычных источников и литературы переведены на русский язык. Цитаты на русском языке приводятся в авторской орфографии, в том числе устаревшей.

Выходные данные источников и литературы на персидском языке (фарси) транслитерированы в соответствии с правилами, изложенными в книге Ю.А. Рубинчика «Грамматика современного персидского литературного языка».[57]

Выходные данные источников и литературы на армянском языке и на грабаре транслитерированы в соответствии с правилами, изложенными в книге К.Н. Юзбашяна «Введение в арменистику».[58]

Даты даны по европейскому летоисчислению, в библиографических данных источников и литературы на персидском языке – по солнечной хиджре, а в специально оговоренных случаях – по лунной хиджре.

---

[57] Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. – М.: Издательская фирма «Восточная литература». – 2001. – С. 67.

[58] Ивзбашеан, Карэн. Хайагитут'йан нерац'ут'йун. – Ереван. – 2006. –С.42-43.

Глава 1. Переселение армян в начале XVII в., формирование армянской торговой колонии Новая Джульфа в Иране

Массовое насильственное переселение армян из Закавказья в Иран, предпринятое в первые годы XVII в. иранским шахом Аббасом I, положило начало новому этапу армяно-иранских этнокультурных связей. Армянская диаспора, в особенности торговая община Новой Джульфы, стала играть важную роль в жизни сефевидского Ирана. Именно тогда армяне-христиане вступили в тесные отношения с сефевидским государством и с политическими, общественными, административными, экономическими кругами Ирана, сыграв важную роль в жизни страны.[59]

Конечно, армяно-иранские контакты начались значительно раньше, еще до исламизации Ирана и христианизации Армении. Часто указывают, что между армянами и персами есть историческая и культурная близость, которая «...коренится в их общем зороастрийско-арийском прошлом, несмотря на последующее религиозное размежевание».[60] Иногда армян даже называют самым древним этнорелигиозным меньшинством на территории Ирана.[61]

По словам армянского историка А.У. Мартиросяна, «...летопись жизни местного армянского населения в качестве религиозного (христианского)

---

[59] Papazian H. Armeno-Iranian relations in the Islamic Period. // Encyclopaedia Iranica / edited by Ehsan Yarshater. – Volume II, Fascicle 5.: Armenia and Iran IV – Art in Iran I. – L.: Routledge and Kegan Paul. – 1986. – C. 472.

[60] Dekmejian R.H. Op.cit. C. 421-422.

[61] The Armenians of Iran. The Paradoxical Role of a Minority in a Dominant Culture: Articles and Documents. / edited by Cosroe Chaqueri. – Harvard: Harvard Middle Eastern Monographs (XXX). – 1998. – Preface of the Editor. C. XV.

меньшинства в мусульманском Иране...»[62] началась в эпоху правления династий Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу.

XVII в. стал новым этапом взаимодействия двух народов, временем их максимального сближения. Его часто рассматривают как переходный этап от «темных» XV – XVI вв. к «просвещенному» XVIII в., но подробное изучение всех обстоятельств дает понять, что его значение отнюдь этим не исчерпывается. Начало этому новому этапу развития армяно-иранских связей было положено во время правления шаха династии Сефевидов, Аббаса I. Основными вехами армяно-иранских взаимоотношений того времени были: переселение армян в Персию, основание армянской колонии Новая Джульфа и внедрение армянских купцов в экономику сефевидского Ирана. Благодаря этому в последующие десятилетия стали возможны многочисленные перемены в международных торговых связях Ирана, изменение маршрутов экспорта ближневосточного шелка в Европу, формирование новой торговой элиты в Иране.

Эти события послужили также взаимному обогащению армянской и иранской культур.

Переселение армян по решению иранского шаха Аббаса I с завоеванных им территорий в центральные области Ирана, получившее название «великий *сургун*», было одним из важнейших событий в истории династии Сефевидов. Оно было подготовлено событиями истории XVI в.

1. Ирано-турецкое противостояние XVI – XVII вв. и Армянское нагорье

В течение всего правления династии Сефевидов (1501-1736) продолжались войны Ирана с османской Турцией. Армянский историк

---

[62] Мартиросян А.У. Армянские поселения на территории Ирана в XI – XV вв. – Ереван: Издательство «Айастан». – 1990. – С. 8.

М.К. Зулалян считает основными причинами военных столкновений османов с сефевидами следующие:

- Борьба за овладение транзитными путями торговли и, следовательно, за экономическое и политическое господство на Ближнем Востоке.
- Боязнь османских правителей, что шиизм будет и дальше распространяться в Малой Азии и, следовательно, число сторонников шаха Исмаила I увеличится.
- Возможность объединения сефевидского государства с европейскими государствами: турецкие султаны всегда боялись борьбы на два фронта.
- Стремление турок захватить Армянское нагорье как важный стратегический пункт для дальнейшей экспансии на Востоке.[63]

Таким образом, Армения оказалась ключевой областью для обеих противоборствующих сторон. Города и местности, населенные армянами, выступали в качестве спорной территории. Завоевание Армянского Нагорья Сефевидами закрывало путь Турции к Ираку и частично к Сирии и ставило турецкую Анатолию под удар кызылбашей. Для сефевидского государства необходимо было захватить Армению ввиду угрозы экспансии турок на востоке. То, что завоевание и удержание Армении было важнейшей причиной османо-сефевидских войн, признает и современный иранский ученый Ахмад Нуризаде.[64]

Первый эпизод османо-сефевидских войн на территории Армении произошел еще до объявления Исмаила I Сефеви (1501 – 1524) шахом Ирана. Весной 1501 г. караманские (Караман – город в западной Армении) беи

---

[63] Зулалян М.К. Армения в первой половине XVI в. – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1971. – С. 65.

[64] Nurizāde A. Tārix wa farhang-e Ārmanestān az āqāz tā emruz. – Tehrān. Čāpxāne-ye heydāri. – 1374. – C. 75.

выступили против господства Османов в Анатолии, заручившись поддержкой Исмаила. Тогда территория Армении перешла в руки кызылбашей. Затем, в 1508 – 1509 гг., возобновились военные действия между Османами и Сефевидами в районах Байбурта и Эрзинджана. Сын османского султана Баязида II (1481 – 1512) Селим, будущий османский султан Селим Явуз (1512–1520), неоднократно нападал на позиции кызылбашей в районе Трапезунда и грабил их. Последствия этих военных столкновений в 1510 г. усугубились еще и массовым падежом скота и голодом.

Новое обострение отношений между шахом Исмаилом и Османами началось с восшествия на престол Селима Явуза в 1512 г. С этого времени Иран и Турция с переменным успехом отвоевывали друг у друга страны Закавказья и, в том числе, Армению.

Чрезвычайно важным был «восточный поход» Селима, в результате которого значительная часть Закавказья попала под власть Османской империи. Он проходил по маршруту Эрзинджан – Терджан – Эрзурум – Чалдыран. В битве при Чалдыране в 1514 г. османская армия разбила кызылбашей и открыла дорогу к тогдашней столице сефевидского государства – Табризу. Там османы собрали несколько тысяч мастеров-ремесленников, среди которых было много армян, и отправили в Стамбул. Чалдыранская битва ослабила позиции кызылбашского государства. Она дала возможность османам окончательно завоевать территорию, исторически заселенную армянами.

В 1515 г. между шахом Исмаилом и султаном Селимом был заключен мир, по которому к Османской империи отошел Эрзурум и северная часть Месопотамии до Мосула. Большая часть Закавказья осталась за Сефевидами.

Затишье в османо-сефевидских войнах продолжалось до 1532 – 1534 гг., когда на территории Армении вновь начались военные действия. Они шли главным образом в окрестностях озера Ван. Потери среди местных жителей от османов и кызылбашей насчитывали 15 – 16 тысяч человек. Свою роль сыграли длительная осада крепости Ван, многократный переход ее из рук в руки и ущерб, причиненный армянскому народу мором, который был следствием

войны.[65] Военные действия и осада крепости Ван не принесли Османам желанного результата. За исключением Терджана, Эрзерума, Карса, области, исторически заселенные армянами, продолжали находиться в руках Сефевидов.

В 1547 – 1549 гг. второй шах из династии Сефевидов Тахмасп I (1524 – 1576 гг.) потерпел ряд поражений от османских войск. События разворачивались в Закавказье. Непосредственным следствием разрушений были, опять же, эпидемия и голод среди местных жителей, главным образом, армян. В 1548 г. шах Тахмасп I перенес столицу из Табриза в Казвин, подальше от арены боевых действий.

Следующий этап военных действий между Османской империей и Сефевидами на территории Закавказья приходится на 1551 – 1555 гг. На этот раз военное вторжение начала сефевидская сторона. Эти действия имели особенно пагубные последствия, большая часть Закавказья лежала в руинах. Были разорены такие важные для армян города как Эрзерум, Битлис, Нахичевань и Ереван.

В 1555 г. в Амасии был заключен мирный договор. По нему к Османской империи отошли Западная Армения и часть Южной. Восточная Армения, Восточная Грузия и весь Азербайджан остались в руках Сефевидов. Между государствами была создана также специальная «вымороченная территория»: договором было предусмотрено, чтобы область города Карс, находящаяся между османскими и кызылбашскими владениями, оставалась безлюдной, и обе стороны не должны были стараться заселить ее.[66] Действие этого мирного договора продолжалось 23 года.

Новые военные действия начались в 1578 г., когда османские войска снова вторглись в Закавказье. Военные действия велись главным образом на территории современного Азербайджана и части Турции, где проживало много армян. Население спорных территорий страдало от холода, голода и

[65] Зулалян М.К. Указ. соч. С. 70.

[66] Зулалян М.К. Указ. соч. С. 82.

эпидемий.[67] В течение 12 лет вторжение османских войск сопровождалось грабежами и угоном в плен жителей захваченных областей. Все исследователи сходятся на том, что к этому времени Османская империя имела большое техническое преимущество перед сефевидским государством, которое было сглажено только благодаря военно-административным реформам Аббаса I. Тем не менее, в 1579 – 1581 гг. перевес временно оказался на стороне кызылбашей, не в последнюю очередь благодаря армянам и грузинам Закавказья, выступившим на их стороне. Однако Сефевидам не удалось закрепить свои достижения, и в 1582 г. Османы захватили покинутый жителями и опустевший город Ереван и построили там крепость.

В 1583 г. военные действия на территории области возобновились с переменным успехом,[68] османские войска, завоевав ранее Грузию, Азербайджан, Дагестан и Армению, оставили Закавказье. Их уход несколько облегчил положение местного населения, однако не освободил их от османского присутствия.[69] Осада Османами Табриза в 1585 – 1586 гг. также трагически отразился на жизни населения региона, в том числе и армян.

Приход к власти сефевидского шаха Аббаса I ознаменовал новый этап в истории Ирана. Мирные переговоры с Османской империей были приостановлены, и в 1588 г. османо-сефевидская война 1578 – 1590 гг. перешла к своему завершающему этапу. В 1590 г. был заключен провальный для сефевидского государства мирный договор, согласно которому Армения, Азербайджан и Грузия были переданы Османской империи.

Во всех этих войнах оба государства преследовали целый ряд значительных целей. Однако для нашего исследования наиболее важно то, что и для османской Турции, и для сефевидского Ирана в их борьбе за Закавказье

---

[67] Фарзалиев А.М. Южный Кавказ … С. 76.

[68] Там же. С. 112.

[69] Там же. С. 118.

особое значение имел город Джуга (арм. *Джуга́*, перс. *Джулах*). Он расположен на левом берегу Аракса и до XVII в. был заселен преимущественно армянами (сейчас Джульфа – центр Джульфинского района Нахичеванской автономной республики в составе Азербайджана). Благодаря своему географическому положению этот город на протяжении длительного времени играл важную роль в экономической жизни всего региона.

Армянское село Джуга было известно еще в ранний период. «Отец» армянской историографии Мовсес Хоренаци в своей «Истории Армении», написанной в V в., упоминает поселок Джуга, населенный армянами.[70] В X – XIII вв. Джуга упоминается как поселок, а в XV – XVII вв. – как город. После разорения в 1236 г. монголами армянской столицы Ани туда переселились многие ее жители, что послужило развитию торговых контактов Джуги с Крымом.[71] С этого же времени ведет начало торговое сотрудничество джугинских армян с венецианцами и генуэзцами. В то время Джуга подчинялась династиям, правившим в Иране. По утверждению А.Д. Папазяна, хранящийся в Матенадаране «...древнейший указ, данный султаном Джаханшехом Кара-Коюнлу в 1453 году, относится к взимаемым с армянской общины Старой Джуги налогам».[72]

Впоследствии, при ранних Сефевидах, с начала XVI в. Джуга стала значительным торговым центром и транзитным пунктом между северо-западным Ираном, Закавказьем, Центральной Азией и Ближним Востоком.[73]

---

[70] Хоренаци Мовсес. История Армении. / под ред. С. Аревшатяна. Ереван: Издательство «Айастан». – 1990. – С. 45.

[71] Тер-Аветисян С.В. Указ. соч. С. 10.

[72] Папазян А. Д. Аграрные отношения ... С. 28.

[73] Байбуртян В.А. Армянская колония Новой Джульфы в XVII веке (Роль Новой Джульфы в ирано-европейских политических и экономических связей). – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1969. – С. 12.

Армянские купцы, ведущие крупную международную торговлю, стали называться *ходжа* (арабо-персидское слово, в данном случае означающее «богатый, влиятельный, известный человек»). Статус *ходжи* обеспечивал армянским купцам неприкосновенность и финансовую независимость.

Джугинцы закупали шелк в самом крупном иранском центре торговли шелком – в Гиляне. Близость Джуги к Табризу – тогдашней столице Ирана – позволяла джугинским купцам поддерживать тесные взаимовыгодные связи с Ираном. Еще с начала XI в. джугинцы начали переселяться в Табриз, где они сформировали табризскую армянскую общину.

Во время османо-сефевидских войн джугинцы благодаря своему богатству сохранили привилегированное положение и продолжали вести торговлю. Завоевание и удержание за собой Джуги имело стратегическое значение для двух соперничающих государств. В XVI в., после возвышения Джуги, османо-сефевидские войны приняли особо ожесточенный характер.

После переноса иранской столицы из Табриза в Казвин в 1548 г. армянские купцы Джуги приобрели торговые связи в новой столице через своих торговых представителей.[74] Сам город, однако, не стал международным торговым центром, он оставался складом товаров и местом проживания купцов. Многие источники утверждают, что вплоть до разорения Джуги в начале XVII в. город был населен исключительно армянами.

Город Джуга обладал статусом *хассе*, который выводил его из-под контроля местных правителей, заставляя напрямую подчиняться верховной власти страны. И в Османской империи, и в сефевидском Иране этим статусом наделялись целые области, стратегически важные для султана и шаха. Налоги, собираемые с этих областей, поступали не в государственную казну, а в особое ведомство, осуществлявшее управление землями *хассе*.

Вклад города Джуги в экономику обеих стран был весьма велик. Несмотря на то, что в ходе османо-сефевидских войн город постоянно

---

[74] Тер-Аветисян С.В. Указ. соч. С. 41.

переходил из рук в руки, его жители пользовались определенной независимостью. В фирмане от 1001 г. лунной хиджры (1592 г. от Р. Х.) на имя джугинского купца *ходжи* Назара шах Аббас запрещает «всем слугам своего государства» препятствовать торговле *ходжи* Назара и вмешиваться в его торговые дела.[75]

Жители Джуги организовали городское самоуправление, во главе которого стоял старшина города.[76] Должность была наследственной, наследование осуществлялось последовательно от старшего брата к младшим. Таким образом, у армян сохранялся принятый еще во время правления династии Багратидов (886-1045) тип наследования по коллатеральной линии (лат. collateralis – 'боковой, окольный'): старший брат – младший брат – племянник (сын старшего брата).

Благодаря своему богатству и торговым связям Джуге удалось сохранить относительную независимость. Город также значительно более удачно, чем соседние территории (например, крупный торговый центр Акулис), пользовался привилегиями своего статуса *хассе* (завоеванная Османами Джуга принадлежала лично матери султана), избавляясь от произвола местных правителей области.[77]

В конце XVI в. Джуга превратилась в связующее звено между рынками Ирана и европейских стран. Джугинские купцы опосредованно, через Ближний Восток, вели торговлю с Западной Европой. В.А. Байбуртян называет среди причин, не позволявших европейским державам вести торговлю напрямую с Ираном, частые ирано-турецкие войны, небезопасность турецких транзитных

---

[75] Тэр-Ованеанц Х. Указ. соч. С. 158-159.

[76] Тер-Аветисян С.В. Указ. соч. С. 32.

[77] Там же. С. 60.

путей, а также недостаток опыта сухопутной торговли.[78] Армянские купцы из Джуги также торговали с Индией через Иран. Перевалочными пунктами были города Шираз и Бендер-Аббас.[79]

Главным предметом торговли был шелк-сырец. Его вывозили в Европу, где он обрабатывался на мануфактурах. Шелковые ткани, а также разного рода сукна, в свою очередь, были предметом европейского экспорта на Ближний и Средний Восток. Важную долю экспорта составляли также драгоценные камни, предметы роскоши, меха, ковры, изделия из шерсти и шелка.[80] Контакты с европейцами имели не только коммерческое, но и культурное значение. Помимо европейских товаров и последних новостей, джугинцы привозили домой идеи европейского просвещения и новые армянские книги, которые печатались в Венеции и Амстердаме.[81]

На рубеже XVI и XVII вв. армянские торговцы Джуги несли европейскую культуру в Иран и одновременно усваивали иранскую культуру. В своих домах они все устраивали на иранский манер, по замечанию С.В. Тер-Аветисяна, там чувствовалось влияние персидской культуры, языка, образа жизни, искусства.[82] Стены их жилищ были покрыты изречениями на персидском языке. Джугинские купцы предпочитали также иранский костюм. Они одевались в длинные халаты, носили чалмы. Иранская культура повлияла и на семейный уклад армянских торговцев, на отношение к женщине. По сведениям ученого-армениста XVII в. Иоанна Шредера, рядовой джугинский купец считал, что

---

[78] Байбуртян В.А. Армянская колония … С. 13.

[79] Huwiyān A. Armaniyān-e Irān. – Tehrān: Markaz-e beynolmelāli-ye goftogu-ye tamaddānhā bā hamkāri-ye entešārāt-e xormos. – 1380. – С. 11.

[80] Карнеци, Акоп. Мелкие хроники XIII-XVIII вв. / сост. В. А. Акопян. – Т.II. – Ереван. – 1956. – С. 568. Цит. по: Зулалян М.К. Указ. соч. С. 33.

[81] Тер-Аветисян С.В. Указ. соч. С. 14.

[82] Там же. С. 37.

неприлично разговаривать с женой на людях, потому что «здесь не Франгистан» (Европа – *Е. Р.*).[83]

Международная торговля и культурные контакты способствовали росту города. По сведениям английского путешественника Джона Картрайта, посетившего Джугу в 1590 г., в то время город состоял из 2000 домов, в нем проживало 10000 человек, дома все были каменные, а жители отличались учтивостью и любезностью, а также «винолюбием, которое никогда не переходило в пьянство».[84] В самом городе находились монастырский комплекс Аменап'ркич, постоялый двор, караван-сарай. Западнее, на огромной территории, располагалось знаменитое кладбище Джуги. В городе были развиты ремесла: ювелирное дело, обработка драгоценных камней, художественная роспись и т. д.

В то время «джугинцами» именовали также купцов из окрестных населенных пунктов Нахичеванского района, таких, как города Азад-Геран, Вананд, Бист, Дашт, Акулис, Парака. Акулис был вторым центром после Джуги, давшим ряд крупных торговцев со странами Востока и Запада. Природные условия этих мест не способствовали развитию земледелия, и практически все местное население (в большинстве своем армяне) было занято торговлей. Следует упомянуть, что, говоря о торговом значении Джуги, мы имеем в виду также торговый капитал соседних городов и деревень. В XVI – начале XVII вв. «...под общим названием «джугинцев» на рынках Востока и Запада были известны купцы, происходившие из ряда населенных пунктов

---

[83] Шредер И. Грамматика армянского языка. – Амстердам. – 1711. – С. 363. Цит. по: Тер-Аветисян С.В. Указ. соч. С. 39.

[84] Cartwright J. The Preachers Travels to the East Indies, through Syria, Mesapotamia, Armenia, Media, Hircania and Parthia. – London – 1611. – с 35-36. Цит. по: Carswell J. New Julfa, the Armenian Churches and other Buildings. – Oxford: Clarendon Press. – 1968. – С. 73.

Нахичеванского района, как, например, селений: Астапат, Акулис (Дашт), Вананд, Шорот, Шахкерт, Казанджи, Бист...»[85]

Таким образом, значение Джуги для экономической жизни всего региона неуклонно возрастало, и к началу XVII в. город стал одной из важнейших причин столкновений Османской империи и государства кызылбашей.

В 1603 г., воспользовавшись беспорядками в Турции, шах Аббас I двинулся на Закавказье и завладел Азербайджаном, а также значительной частью Армении. Избегая сражения с превосходящими силами врага, Аббас решил отступить, разрушая и опустошая на пути ряд областей, чтобы наступающие турки оказались без продовольствия и пристанища.

2. Переселение армян в Иран и создание Новой Джульфы

Под властью Османов все Закавказье испытывало экономический и политический кризис. Недовольство турками было велико среди всех слоев населения, в особенности среди христиан-армян и грузин.[86] Население угнетали тяжелые налоги, разруха и отсутствие каких-либо гарантий личной безопасности. Несмотря на то, что их торговые дела были подорваны войной, джугинцы во многом сохраняли свое привилегированное положение и «...в самые критические моменты преследования армянского населения турками-османами они осмеливались выступать в его защиту и путем подкупов выручать жертв турецких пашей».[87]

На этом этапе войны местные жители переселялись в Иран добровольно. По сведениям армянского историка XVII в. Аракела Даврижеци, в 1603 г. значительная часть жителей области Дизак и примерно треть жителей области

---

[85] Тер-Аветисян С.В. Указ. соч. С. 1.

[86] Рахмани А.А. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. – Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР. – 1960. – С. 79-80.

[87] Тер-Аветисян С.В. Указ. соч. С. 64.

Дашт решили переселиться в Исфахан (в 1598 г. ставший столицей сефевидского государства) из-за грабежей и притеснений Османов.[88] По словам европейского путешественника Георга Тектандера, участвовавшего в военной кампании шаха Аббаса в 1603 г., города и села подчинялись персам добровольно, без всякого противодействия, местное армянское население приветствовало иранские войска, входящие в Нахичевань и Джугу.[89]

В это время армянские мелики (правители) Сюника и католикос Эчмиадзина Мелкисет вместе с несколькими епископами, стремясь освободиться от притеснений и непосильного налогового бремени османов, обратились к шаху Аббасу с приглашением властвовать над Арменией. По утверждению С. В. Тер-Аветисяна, Аббас I начал новый этап войны не в последнюю очередь из-за армянских эмигрантов из османских владений, которые убеждали шаха, что ему удастся без серьезных усилий отнять у османов все области от Тавриза до Карса.[90] Таким образом, можно утверждать, что представители армянской верхушки были среди тех, кто, преследуя собственные цели, подтолкнул шаха Аббаса к началу насильственного переселения жителей Армении в Персию.

Вместе с тем, некоторая часть армянской элиты поддерживала турецкую сторону в османо-сефевидском противостоянии. Турецкий хронограф первой половины XVII в. Кятиб Челеби указывает, что армяне, помогая туркам бороться с войсками шаха Аббаса в Закавказье, не ограничивались пассивной ролью, а зачастую брали на себя руководство военно-тактическими операциями. Например, при осаде крепости Реван «командующие и армяне» из числа осажденных нашли способ добывать в крепость воду из реки Зангу.[91]

---

[88] Даврижеци Аракел. Указ.соч. С. 47.

[89] Тектандер. Указ. соч. С. 33.

[90] Тер-Аветисян С.В. Указ. соч. С. 65.

[91] «Джихан-нюма» и «Фезлеке» … С. 125.

Автор также подтверждает сведения армянских источников о том, что в ходе османо-сефевидских войн армянское население страдало от злоупотреблений иранских воинов. По его словам, при завоевании шахом Аббасом Нахичевани, как «...мусульмане, так и неверные (христиане – *Е. Р.*) подверглись угнетению; бедствия достигли крайнего предела».[92]

По приказу шаха в 1604 – 1605 г. были разрушены многие села и города Закавказья, а их жители насильно переселены во внутренние провинции Персии. Шах Аббас объявил, что люди будут перемещены временно и на небольшое расстояние. Согласно сведениям Даврижеци, он обратился к старейшинам городов и сёл со следующей речью: «...сочувствуя вам, я хочу спасти вас таким образом: пусть селяне и жители страны вашей, поднявшись со своих мест, немного продвинутся и пройдут путь нескольких дней, а мы приостановим продвижение османов, вступим в бой с ними. И если Господь дарует нам [успех], вы вернетесь на свои места и будете нашими подданными, а если Господь даст [победу] им (османам – Е. Р.), мы уйдем, и вы вернетесь к себе и будете их подданными».[93] Согласно современнику событий, иранскóму придворному историку Искандеру Монши, шах Аббас призывал жителей пограничных территорий стать гостями в его доме.[94] Привело это, по словам Даврижеци, к тому, что «...персидские войска, посланные выселять народ, подняв, изгоняли его из деревень и городов, предавали огню и безжалостно сжигали все поселения, дома и обиталища. А также заготовленные впрок сено и солома, пшеница и ячмень и другие припасы – все было уничтожено и предано огню».[95] Возвращаться местным жителям было уже некуда.[96]

---

[92] Там же. С. 112.

[93] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 61-62.

[94] Eskandar-bek Torkman (Monši). Op. cit. C. 643.

[95] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 63.

Вначале все население согнали в район Эчмиадзина, а позже довели до Нахичевани, откуда переправили через реку Аракс (Ерасх у Даврижеци, Арс у Туркемана) в Иран. В ходе этой переправы из-за сильного течения было много человеческих жертв: «Не умеющие плавать и немощные: старики и старухи, мальчики, девочки и младенцы – сплошь устилали реку, и она, подхватив их, несла, подобно соломинке в весеннее половодье».[97] По сведениям армянского историка XVIII в. Абраама Кретаци, мост через реку Аракс был разрушен Аббасом в то время, когда он угнал население Джуги.[98]

Далее в Иран армян повели через Табриз по труднопроходимым горным дорогам, чтобы скрыться от османов, пока не «...привели... в область, называемую Тарумхалхал, а также в Агар, Мушкун и их окрестности и поселили их там на несколько месяцев из-за жестокого зимнего холода, мешавшего продвигаться».[99] Весной возобновился поход в Исфахан, и там, наконец, поселили горожан, а селян и крестьян разместили в гаварах (областях – *Е. Р.*) вокруг города Исфахана: в Лнджане и Алнджане, в Гандимане и Джлахоре, в Пари и Бурвари.[100]

Армянский историк XVII в. Закарий Канакерци (Саркаваг) называет следующие населенные пункты, жители которых были угнаны в Иран: Ехегнадзор, Гехам, Лори, Хамзачиман, Ниг, Шарапхана, Ширак, Заришат, села Карса и ущелье Кагзувана, Алашкерт, Маку, Албак, Салмаст, Хой, Урми, пределы Табриза, Араратская долина, город Ереван, область Котайк,

---

[96] Floor W. Safavid Government Institutions. – Costa Mesa: Mazda Publishers Inc. – 2001. – С. 246.

[97] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 65.

[98] Кретаци Абраам. Указ. соч. С. 229.

[99] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 66.

[100] Даврижеци Аракел. Там же.

Цахкунацдзор, Гарнудзор, Урнадзор и области Карина и Басена, Хнус и Маназкерт, Арцке и Арчеш, Беркри и все области Вана.

По его же сведениям, в Иране армяне были расселены в следующих населенных пунктах: Ардебиль, Ахар, Апахр, Казвин, Хамадан, Шираз, Гулпекан, Керман, Исфахан, Хунсар, Силахор, Париа, Пуавари, Гентуман, Лнчан, Алинджан, Хойикан, Шехшебан и другие области Персии.[101] В Шираз было переселено примерно 500 армянских семей, для того чтобы улучшить экономическое положение этой провинции. Часть армян-ремесленников была перемещена в Шемаху.[102] Несколько тысяч армянских семей было переселено в Гилян и Мазендаран, провинции, где выращивалось большая часть иранского шелка.

Различные источники по-разному оценивают общее количество армян, переселенных в Иран в первом десятилетии XVII в. Армянские и европейские авторы дают цифру в 70-80 тысяч семей либо в 400 тысяч человек. Современник событий Искандер Монши, сообщает о 3000 семейств из Джуги,[103] и о 2 – 3 тысячах человек из «Карса и окрестностей», прибывших в Иран.[104] Иранский историк XX в. Насрулла Фальсафи пишет о том, что в 1012 г. по лунной хиджре (1603 – 1604 г. Р.Х.), «жестокой зимой», шах Аббас переселил в Иран 12 тысяч семей из Нахичевани, Джуги и Еревана (без указания этноконфессиональной принадлежности переселяемых).[105] Однако

---

[101] Канакерци Закарий. Указ. соч. С. 47.

[102] История Азербайджана. В 3 томах. / под ред. академиков АН АзССР И.А. Гусейнова, А.С. Сумбат-заде, к.и.н. А.Н. Гулиева, Е.А. Токаржевского. – Т. 1. – Баку: Издательство АН Аз.ССР. – 1958. – С. 266.

[103] Eskandar-bek Torkman (Monši). Указ. соч. С. 668.

[104] Там же. С. 666.

[105] Falsafi N. Op. cit. C. 138.

другой современный иранский историк Ахмад Нури-заде, не ссылаясь на источник, приводит цифру в 350 тысяч человек.[106]

Сильно варьируются и сведения о человеческих потерях, понесенных в ходе переселения. Армянские источники обычно указывают на то, что погибло несколько тысяч человек, главным образом женщин, детей и стариков.

Большинство армян поневоле покорилось великому *сургуну*. Но жители некоторых населенных пунктов оказывали сопротивление иранским войскам, изгоняли их, скрывались в неприступных горах и ущельях. В окрестностях Гарни, в пещере Яхышхан собралось около тысячи человек. После ожесточенного сопротивления мужчины были перебиты, а женщины и дети угнаны в рабство.[107]

Пленение и рабство были частыми эпизодами армянской истории. По утверждению А.У. Мартиросяна, насильственные переселения армян в Иран во все исторические периоды имели свои особенности. Так, в сельджукский период «...характер переселения армянского населения в Иран коренным образом отличался от переселений в другие страны и регионы. Если в эти места армяне, спасаясь от физического истребления и чужеземного ига, вынуждены были уходить сами, то в Иран они переселялись насильственным путем как часть захватываемой сельджуками военной добычи».[108]

Армянские историки, рассказывая о разных случаях порабощения и насильственного переселения армян, сравнивали судьбу армянского народа с судьбой древних иудеев.

Армянский летописец XIV в. Нерсес Палиенц, описывая захват египетским султаном Ашрафом в 1292 г. армянского патриаршего замка Ромкла близ Эдессы, пишет о том, что тогда увели в плен в Египет свыше

---

[106] Nurizāde. Op. cit. C. 76.

[107] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 69-71.

[108] Мартиросян А.У. Указ. соч. С. 18.

30 тысяч человек, часть из них продали в рабство и так «...увел в Вавилон [пленных] этот высокомерный, второй Багдасар».[109]

Также и в XVII в. для Даврижеци современные ему события великого *сургуна*, представляются новым пленом вавилонским, так как армян «...подобно древнему Израилю, гнали в плен рукою вторых вавилонян...»[110]

Однако насильственное переселение армян из Закавказья в Иран отличалось от пленения и угона в рабства более раннего периода. При переселении жители расселяемых территорий были предупреждены заранее, им разрешили взять с собой движимое имущество, семьи не разлучали. Впоследствии за жителями Новой Джульфы закрепили все льготы, связанные с правом *хассе*. Джульфинские купцы получили статус *азат* – свободный.[111] Важным отличием великого *сургуна* от плена и угона в рабство было также то, что церкви и монастыри остались в неприкосновенности.[112] Движимое и недвижимое имущество как мусульманских, так и христианских учреждений в сефевидском Иране являлось *вакфом* – неотчуждаемым имуществом, предназначенным для строго определенных целей. В Армении в *вакф* были переданы, прежде всего, монастырские земли с прикрепленными к ним зависимыми крестьянами. Они были освобождены от податей и в значительной мере защищены шахским покровительством от разграбления и разорения.

Насильственные переселения, не связанные с пленением и угоном в рабство, как уже говорилось, происходили в истории армян и ранее: например,

---

[109] Палиенц Нерсес. Летопись. Цит. по: Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII-XIV вв. / перевод с древнеармянского, предисловие и примечания А.Г. Галстяна. – М.: Издательство восточной литературы. – 1962. – С. 93.

[110] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 65.

[111] Тэр-Ованеанц Х. Указ. соч. С. 45.

[112] Артемий Араратский. Жизнь Артемия Араратского. – Л.: Издательство «Наука». – 1980. – С. 23.

их переселяли на границы Византийской империи, обеспечивая земельными наделами – армяне воспринимались как укрепляющий империю элемент.[113] Однако великий *сургун* был наиболее массовым и длительным из таких переселений. Выселение жителей пограничных областей в центральные области Ирана продолжалось около 8 лет, до заключения в 1612 г. мирного договора с Турцией. И в более поздний период население некоторых областей Армении перемещали в район Исфахана.

Насильственное переселение из Закавказья в Иран в 1604 – 1612 гг. – трагический эпизод истории армянского народа, но следует упомянуть, что в тот момент в Иран угоняли не только армян. Даврижеци пишет, что шах Аббас «...приказал выселить всех жителей Армении – и христиан, и евреев, и магометан – в Персию...»[114] Под именем «христиан» он объединяет армян и грузин, а также подробно рассказывает о потерях грузин в ходе переселения из восточной Грузии в Иран, произошедшего в те же годы.

Косвенно великий *сургун* впоследствии привел и к насильственному переселению персов-мусульман, живших в пригороде Исфахана. Для того, чтобы дать кров армянам и создать армянскую торговую колонию в Иране, шах Аббас насильственно выселил жителей из тех мест, где затем возникла Новая Джульфа.[115]

Шах приказал также изгнать из Джуги всех, кому удалось там задержаться, а сам город сжечь, так что там не сохранилось ни одного целого здания: все было разорено и осквернено.[116] Тем не менее, Даврижеци отмечает

---

[113] Морозов М.А. Военные реформы Никифора II Фоки. // Никифор II Фока. Стратегика. / перевод со среднегреческого и комментарии А.К. Нефедкина. – СПб.: Издательство «Алетея» . – 2005. – С. 169.

[114] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 61.

[115] Там же. С. 79.

[116] Там же. С. 77.

особое положение джугинцев в ходе великого *сургуна*. Как отмечает Л. Данегян, он неслучайно упоминает об их переселении отдельно, подробно разъясняя его причины.[117]

Первое время после переселения в Иран джугинцы жили в Исфахане, в квартале Шамс-абад.[118] В 1605 г., шах Аббас даровал им участок в пригороде Исфахана, на берегу реки Зайендеруд, на своих личных землях категории *хассе* для строительства Новой Джульфы, выселив его прежних обитателей. По свидетельству Аракела Даврижеци, получив участки для застройки, джугинцы сразу же «...застроили их своими домами и жилищами – прекрасными сооружениями, сводчатыми [торговыми] рядами, дворцами с пристройками и летними беседками, стройными и величественными строениями, затейливо украшенными разнообразными и ласкающими взор золотыми и лазурными цветами. Построили также дивно убранные церкви, достойные славы Господа, с небоподобными хоранами, (декоративными арками – *Е. Р.*) высоченными куполами, сплошь раскрашенными разноцветными красками, золотом и лазурью, с [изображениями] страстей Господних и ликами святых. И на маковке купола каждой церкви на гордость христианам, венчая церковь, был воздвигнут образ Святого Креста».[119] Армянские переселенцы из других населенных пунктов, главным образом ремесленники, были поселены в самом Исфахане среди персов-мусульман.

Несмотря на все перенесенные лишения, уже в 1606 г. в Новой Джульфе было много богатых купцов, «...которые стали расширять сферу своей деятельности помимо традиционных путей ливанской торговли».[120] По

---

[117] Данеӣйан, Лоретта. Указ. соч. С. 68.

[118] Huwiyān A. Указ. соч. С. 12.

[119] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 78.

[120] Floor W. The economy of Safavid Persia. – Wiesbaden: Reichert. – 2000. – С. 16.

сведениям из того же источника, в это время численность населения Новой Джульфы составляла от 5 до 10 тысяч человек.[121]

Новая Джульфа сразу получила определенную автономию: находясь на землях категории *хассе*, город принадлежал непосредственно шаху, как ранее Джуга на Араксе. Армянская община Новой Джульфы избирала старосту-*калантара*, который осуществлял контакты с властями. В сефевидском Иране *калантар* подчинялся лично шаху, его пост часто был наследственным. Первыми *калантарами* Новой Джульфы стали *ходжа* Сафар и *ходжа* Назар, сыновья *ходжи* Хачика – градоначальника Старой Джульфы.

После них, в 1636 г., *калантаром* был назначен *ходжа* Сафар, сын *ходжи* Назара. Род *ходжи* Хачика существовал вплоть до1708 г.[122] Помимо *калантара*, в системе самоуправления Новой Джульфы действовали также старосты ремесленников и управляющие отдельных кварталов, избиравшиеся из представителей наиболее богатых и известных семей.[123]

Армянское купечество Новой Джульфы интегрировалось в экономику Ирана. Купцы брали шелк из шахских кладовых, чтобы продавать его в Европе. Затем армяне изменили всю схему традиционной иранской торговли. Вскоре после начала XVII в. они стали участвовать в торговле с Европой напрямую, вместо того, чтобы по-прежнему «...продавать и покупать товары у европейских купцов, чаще всего венецианцев. Армяне занимали такое

---

[121] Там же.

[122] Тэр-Ованеанц Х. Указ. соч. С. 92-93.

[123] Хачикян Ш.Л. Армянское купечество Новой Джульфы и его роль в армяно-русских торговых отношениях (VII-XVIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1983. – С. 8.

лидирующее положение в международной торговле, что, казалось, они монополизировали ее...»[124]

В отличие от Европы, в сефевидском Иране не было четкого разделения на служилое и торговое сословие, армянские купцы, экспортирующие шелк, участвовали одновременно и в коммерческих, и в политических делах.[125] Выполняя представительские функции, например, «... в составе шахской свиты они зачастую участвовали в различных торжествах, устраивавшихся для иностранных представителей».[126]

Купец из Новой Джульфы *ходжа* Сафар, отправленный в 1608 г. шахом Аббасом в составе посольства в Европу, выполнял многие поручения, вел переговоры с испанским королем, венецианским дожем, папой Римским, главой кармелитского ордена в Италии. Его целью было заручиться поддержкой европейцев в борьбе Ирана с Османской империей, а также заключить с европейскими странами договор на вывоз из Ирана шелка-сырца.[127]

Экспорту иранского шелка придавалось такое первостепенное значение, потому что «...шах Аббас понимал, что в торговом отношении нет товара ценнее шелка».[128] Он контролировал производство шелка во всем Иране, принуждая крестьян заниматься шелководством.

Начиная с 1600 г. армяне играли ведущую роль в торговле шелком, как в Персии, так и в Алеппо и Измире.[129] В XVII в. «...их предприимчивость была эффективно использована для того, чтобы способствовать обмену персидского

---

[124] Floor W. Op. cit. C. 17.

[125] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit. C. 51.

[126] Байбуртян В.А. Армянская колония ... С. 64.

[127] Там же. С. 35.

[128] Ešrāqi E. Op.cit. C. 142.

[129] Floor W. Op.cit. C. 17.

шелка на зарубежное серебро».[130] Иран нуждался в драгоценных металлах, так как из-за непрерывных войн с Османской империей и дорогостоящих реформ казна была истощена. Во время правления шаха Аббаса I для того, чтобы пополнить запасы золота и серебра, предпринимались попытки увеличить добычу металлов и минералов.[131] Но предприятие оказалось нерентабельным, и наиболее надежным способом обогащения была признана торговля шелком, для развития которой шах создал армянскую торговую колонию Новой Джульфы.

Армянские купцы Новой Джульфы брали шелк из шахских кладовых и продавали их в европейских странах, возвращая большую часть прибыли в шахскую казну. Этот шелк становился инструментом международной политики: на серебро, вырученное с его продажи, вооружали армию, в том числе и для борьбы с Османской империей.[132] Важность торговли шелком для Ирана XVII в. подтверждается и тем, что в то время, помимо армянских торговцев, только английская и голландская фактории имели право вывоза шелка-сырца из этой страны.[133]

Продавая шелк в Европу, армянские торговцы взамен привозили не только золото и серебро, но и европейскую одежду, стекло, зеркала, телескопы, картины, книги и часы.[134]

Несмотря на то, что, по утверждению Тавернье, шах Аббас был противником развития ирано-индийских отношений,[135] после 1622 г. армянские

---

[130] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit. C. 9.

[131] Мамедов С.А. Исторические связи азербайджанского и армянского народов (вторая половина XVII в. и первая треть XVIII в.). – Баку: Издательство «Элм». – 1977. – С. 87.

[132] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit. C. 52.

[133] Пигулевская Н.В. Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. История Ирана с древних времен до начала XVIII века. – Л.: Издательство ЛГУ. – 1958. – С. 289.

[134] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit. C. 58-59.

купцы добились возможности вести морскую торговлю с Индией.[136] Оттуда они стали экспортировать в Иран и Европу специи, слоновую кость, черное дерево, орехи, хлопок и драгоценные камни.[137] Все эти товары пользовались в Европе большой популярностью.

Новая Джульфа интенсивно развивалась и богатела, а Джуга на Араксе так и не была восстановлена в прежнем виде. По прошествии нескольких лет после великого *сургуна* некоторые джугинцы вернулись на родину, надеясь получить обратно спрятанные перед переселением ценности. Только в 1641 г. на месте разрушенного города образовалось новое поселение, ведущее торговлю с Турцией.[138] В 1670-х гг. население Джуги составляло всего около 30 армянских семейств.[139] В начале XX в. в Джуге не было христианского храма, тогда как по другую сторону Аракса, на территории, принадлежащей Ирану, была построена мечеть.[140] Долгое время важным историческим памятником оставалось кладбище Джуги. После разрушения города там находилось порядка 10 тысяч хорошо сохранившихся *хачкаров* (каменных крестов).[141]

---

[135] Tavernier J-B. Op. cit. C. 158.

[136] Абрамян Р. Армянские источники XVII в. об Индии. – Ереван.: Издательство АН АрмССР. – 1968. – С. 12.

[137] Baibourtian V. International Trade and the Armenian Merchants in the Seventeenth Century. – New Delhi: Sterling publishers private limited. – 2004. – C. 207.

[138] Тер-Аветисян С.В. Указ. соч. С. 80.

[139] Chardin J. Op. cit. T. II C. 251.

[140] Гурьев Б.М. Поездка в Тавриз // Исторический вестник. – 1912. – №6. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XX/1900-1920/Gurjev_B_M/text1.htm (дата обращения: 16.03.2008)

[141] Айвазян А. Симфония погибших хачкаров Джуги. – Ереван.: Авторское издание. – 2007. – С. 23.

В первые десятилетия XVII в. стремление вернуться на родину носило у армян, переселенных в Иран, отвлеченный характер. В большинстве своем джугинцы продолжали жить в Новой Джульфе, ведь, как отмечал Даврижеци, «...старики, переселившиеся из Армении и знавшие прелесть Армении, умерли там, а те, кто родились, были вскормлены и обучены там, привыкли к той стране, полюбили ее и свыклись с ней, так как к этому они были приучены, поэтому там остались и живут по сей день».[142]

Таким образом, благодаря переселению Аббасом армян из Закавказья в Персию и созданию армянской общины Новой Джульфы, в начале XVII в. в Иране сложилась ситуация, характерная для последующих ста лет истории страны: армяне, оставаясь неполноправным религиозным меньшинством, вели международную торговлю и выступали посредниками в контактах персов-мусульман с европейцами.

События 1604 – 1605 гг. чрезвычайно важны для истории сефевидского Ирана. Насильственное переселение армян в Персию было подчинено многим целям и повлекло за собой многие последствия.

3. Основные причины переселения армян в Иран

Военно-стратегические. В ходе затяжных османо-сефевидских войн земли, населенные армянами, постоянно переходили из рук в руки. Не имея возможности победить в открытом бою, шах Аббас стремился разорить и ослабить спорные территории, оставить противнику «выжженную землю». По словам Даврижеци, «... персы разорили и опустошили страну из-за османских войск, дабы не осталось ничего для прокормления их и они оказались бы в опасности. А также чтобы у изгнанного населения при виде этого дрогнуло бы сердце и оно не вернулось бы обратно».[143] Именно для того, чтобы оставить турок без продовольствия, шах Аббас переселил в Иран все население спорных

[142] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 80.

[143] Там же. С. 63.

областей, как христиан и иудеев, так и мусульман. Иранский историк Рула Абисааб утверждает, что насильственное переселение жителей и тактика «выжженной земли» были основными мерами шаха Аббаса в борьбе с экспансией Османов.[144] Есть сведения также и о том, что подобная тактика использовалась в османо-сефевидских войнах еще в их начальный период, в битвах основателя династии Сефевидов шаха Исмаила с османским султаном Селимом I[145], а также в войнах шаха Тахмаспа I (1524 – 1576 гг.) с Османами.[146] В ходе османо-сефевидского военного противостояния обе стороны насильственно переселяли мирное население завоеванных территорий. Так, Канакерци пишет, что во время великого *сургуна* шах Аббас «...угнал в страну персов всех: как тех, коих он сам покорил, так и тех, коих пригнали ханы из другой страны».[147]

Вместе с тем, по свидетельству очевидца событий Аракела Даврижеци, разорение Джуги и угон населения в Иран произвели на Османов сильное впечатление, и они не преследовали персов и армян.[148]

Политические. Нужно было укрепить центральные районы Ирана, ослабить области, населенные неиранскими народами, чтобы в будущем уменьшить опасность сепаратистских выступлений. Переселение армян в Персию было не единственным мероприятием, направленным на усиление центра Ирана и ослабление его окраин. Этой же цели служило перенесение столицы Ирана из Казвина в Исфахан в 1597 – 1598 гг. В целом, как отмечает

---

[144] Abisaab R.J. Converting Persia. Religion and power at the Safavid Empire. – London-New York: I.B. Tauris. – 2004. – C. 61.

[145] Орудж-бек Байат. Указ. соч. С. 72-73.

[146] Рахмани А.А. Указ. соч. С. 50.

[147] Канакерци Закарий. Указ. соч. С. 47.

[148] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 73-74.

И.П. Петрушевский, «в экономической политике шаха Аббаса заметно стремление развить производительные силы центральных областей Ирана, обогатив их за счет завоеванных стран и окраинных областей».[149] Поэтому очевидно, что шах не мог примириться с существованием армянских торговых колоний на спорной пограничной территории между сефевидским Ираном и османской Турцией.

Экономические. Аббас намеревался основать армянскую колонию в Иране, чтобы использовать армян для развития внешнеэкономических связей и перенести центр международной торговли из Старой Джульфы в Иран, изменить направление караванных путей, чтобы не дать османам обогатиться впоследствии за счет джульфинских купцов. К принятию этого решения его подтолкнули особые обстоятельства, которые будут рассмотрены в конце первой главы.

С конца XIII в. армянские ремесленники, также как и армянские торговцы, расселились в иранских городах и поселениях вблизи крупных торговых путей,[150] их деятельность была широко известна.

Аббас собирался использовать искусных армянских ремесленников на строительных работах в Исфахане.[151] В этом случае он мог руководствоваться примером из недалекого прошлого. Почти за сто лет до описываемых событий, в 1514 г., в битве при Чалдыране османская армия разбила кызылбашей и открыла перед султаном Селимом дорогу к Табризу. Там турки собрали тысячи мастеров-ремесленников, среди которых было много армян-строителей, и отправили их в Стамбул.

---

[149] Петрушевский И.П. Очерки ... С. 82.

[150] Мартиросян А.У. Указ. соч. С. 50.

[151] Gregorian V. Minorities of Isfagan: The Armenian Community of Isfagan. // The Armenians of Iran. The Paradoxical Role of a Minority in a Dominant Culture: Articles and Documents. / edited by Cosroe Chaqueri. Harvard: Middle Eastern Monographs (XXX). – 1998. – С. 35.

Даврижеци считает, что важную роль в решении о переселении армянского населения в Иран сыграли их «богатство и роскошь». Действительно, в 1603 г., шах Аббас провел три дня у правителя Джуги ходжи Хачика Сафраза и был восхищен пышностью приема. По словам Даврижеци, «...когда они достигли городка Джуги, все многочисленное и разнообразное население города, заранее подготовившись, вышло навстречу шаху, как и подобало [встречать] царя. Знать – как старые, так и молодые, разряженные и вооруженные, облаченные в чудесные златотканые одежды, – шествовала навстречу [шаху]. И юные отроки подносили сладкое, благородное вино в золотых чашах. Священники с зажженными свечами, ладаном и фимиамом и светские певчие, шествуя впереди, пели благозвучными голосами. Путь царя был украшен: от берега реки до дворца ходжи Хачика дорога была устлана коврами, драгоценной, прекрасной парчой, по которым царь прошествовал и вступил в дом ходжи Хачика. А дома ходжа Хачик, вручив сыну своему золотое блюдо, полное золотых [монет], преподнес [его] царю. Все вельможи джугинские тоже преподнесли дары, подобающие царю. Шах оставался там три дня, и джугинцы потчевали его прекрасными, изысканными яствами и благоуханным вином».[152]

Даврижеци пишет, что во время пребывания в Джуге, «Шах Аббас же, этот *вишап* (дракон – *Е. Р.*) из преисподней, издревле исполненный змеиной ненависти к христианам, увидев такое богатство и благосостояние христиан, почувствовал зависть. И стал выискивать в уме повод и удобный случай, чтобы предать их. Однако, утаив на время яд, внешне притворялся довольным».[153] При переселении армян в Персию «...накопленные издавна горький яд и

[152] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 52

[153] Там же. С. 53.

ненависть к Джуге, сокрытые в сердце шаха, нашли здесь случай открыто проявиться».[154]

Богатство джугинцев, нажитое международной торговлей, резко отличалось от бедности сельскохозяйственных районов Закавказья. Такого роскошного приема шах Аббас I не мог встретить и в центральных областях своего государства, ослабленных экономическим кризисом 1580-х гг.

Подробный анализ всех причин и предпосылок великого *сургуна* необходим для того, чтобы показать, насколько противоречивое отношение к армянам сложилось у шаха Аббаса к началу XVII в. Он видел в них одновременно и бесправное население завоеванных территорий, и умелых ремесленников, и предприимчивых богатых купцов, способных переменить к лучшему экономическое положение Ирана.

В последнем случае, он возлагал особые надежды на население Джуги. Даже в тяжелых условиях насильственного переселения, джугинцы обладали некоторыми преимуществами перед жителями других армянских городов и сел. Согласно сведениям Даврижеци, шах обязал воинов помочь джугинцам при переправе через реку Аракс.[155] Исследовательница трудов Аракела Даврижеци Лоретта Данегян утверждает, что так выражалась экономическая заинтересованность Аббаса в жителях Джуги, и что шах Аббас не мог позволить, чтобы джугинцы утратили свое имущество при переходе через Аракс.[156]

Существует и более радикальный взгляд на положение жителей Джуги во время насильственного переселения армян в Иран. Английский историк Перси

---

[154] Там же. С. 74.

[155] Даврижеци. Указ. соч. С. 76.

[156] Данегйан Л. Арак'ел Даврижецу еркэ орпес сефйан Ирани XVII дари патмут'йан скзбнагбйур. – Ереван: Хайкакан ААХ ГА Хратаракчут'йун. – 1978. – С. 94.

Сайкс отрицает какие-либо потери армян в ходе великого *сургуна.*[157] В книге Инны Багдиянц-Мак-Кейб «Шахский шелк в обмен на европейское серебро – евроазиатская торговля шелком джульфинских армян (1530 – 1750)» переселение армян представляется как взаимовыгодное соглашение одной из джугинских семей с шахом.[158]

Можно предположить, что здесь авторы опираются на иранские источники. Искандер Монши подтверждает, что жители некоторых областей не хотели переселяться и прятались «в горах и труднодоступных местах».[159] Но, по его словам, «...жители Джуги, хотя и были привязаны к своему древнему обиталищу, однако в то время, ради защиты своего имущества, добровольно переселились...в пределы государства Сефевидов».[160]

Однако армянские источники также дают разноречивую картину событий. Историк XVII в. Григор Даранахци, описывая современное ему переселение жителей Джуги в Персию, утверждает, что шах Аббас «...армянскому народу не причинил вреда, а только выселил их...» в Исфахан.[161] Даврижеци, также бывший очевидцем событий, рассказывает, однако, о том, что жители Джуги в ходе переселения испытывали не меньшие трудности, чем угоняемые в Персию жители других областей. В Джугу

---

[157] Sykes P. A history of Persia. – Volume II. – L.: Macmillan and Co. Limited. – 1930. – С. 181.

[158] Baghdiantz Mc Cabe I. The Shah's Silk for Europe's Silver: The Eurasian Silk Trade of the Julfan Armenians (1530-1750) University of Pennsylvannia. Armenian series 15. (Atlanta GA: Scolar's Press 1999) Цит. по: Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Указ. соч. С. 55.

[159] Eskandar-bek Torkman (Monši). Op. cit. C. 643.

[160] Ibidem. C. 668.

[161] Даранаʻци Г. Жаманакагрутʻйун Григор вардапети Камахецвʻой кам Даранаʻцвʻой. – Ерусаʻем. – 1915. – С. 38-32. Цит. по: Тер-Аветисян С.В., Указ. соч. С. 90

прибыло иранское войско, солдаты грабили и портили имущество жителей.[162] Джугинцы были обязаны собраться в путь в течение трех дней, ибо шахский приказ гласил: «Приказ великого царя шаха Аббаса вам, всем жителям Джуги, подняться с мест жительства своего и двинуться в страну персов. И если вы выступите в течение трех дней – будет вам снисхождение, а того, кто будет обнаружен здесь через три дня, убьют, семью же и имущество захватят в плен, [в случае] же если кто убежит или спрячется, имущество [убежавшего] перейдет к тому, кто указал, а голова – к царю».163 Перевозочных средств у жителей Джуги было недостаточно, поэтому все, что не могли унести с собой, они были вынуждены спрятать, зарыв в землю. На переправе через Аракс, под предлогом помощи иранские воины похищали армянских девушек и юношей, а «... те, кто был слаб, падали в воду и, барахтаясь и крича, неслись по течению реки; многие тонули и умирали. На обоих берегах реки валялись тела и трупы утонувших людей».[164]

Вместе с тем, очевидно, что для шаха Аббаса I потери при переселении армян из Закавказья в Иран не имели существенного значения, если это позволяло основать в Иране процветающую торговую колонию.

Решение шаха Аббаса создать в Иране армянскую торговую общину было обусловлено многими причинами. Он придавал большое значение налаживанию торговли и внешнеэкономических связей Ирана. Как известно, шах Аббас получил прозвище «князь торговцев».[165] По словам К. Патканова «...в своих земляках шах не замечал особенной ловкости и склонности к

---

[162] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 75.

[163] Там же.

[164] Там же. С. 76-77.

[165] Abisaab R.J. Op. cit. C. 55.

торговым занятиям».[166] Иранские купцы-мусульмане занимались в основном внутренней торговлей, их выезд заграницу, в особенности в Европу, был сопряжен со многими трудностями.[167]

Можно утверждать, что шах Аббас избрал армянских купцов на роль новой торговой элиты Ирана по двум причинам.

Прежде всего, как мы упоминали, армяне являлись «торговым народом» и были признаны хорошими торговцами во всем регионе.

Христианское вероисповедание, широкое расселение в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке давали армянам определенные преимущества. К XVI в. они уже выступали в роли торговой элиты по всему Ближнему и Среднему Востоку, в частности, в Османской империи, которой Армения тогда была завоевана. Их экономические связи были крепки и обширны, армянские купцы торговали на всем Ближнем и Среднем Востоке, в Индии, в Европе,где были влиятельные армянские общины, занимающиеся торговлей. Это был именно тот случай, когда «...связи, основанные на общей культуре, религии, лояльности помогали концентрировать финансовые ресурсы, гарантировали взаимный кредит, в какой-то мере обеспечивали безопасность жизни и имущества, позволяли успешно конкурировать с другими общинами».[168]

Иранский историк Ихсан Ишраки пишет, что шах Аббас выбрал для международной торговли джугинских армян, поскольку они обладали такими качествами, как крепкое здоровье, неутомимость в путешествиях, знали цену деньгам и, так как сами были христианами, лучше знали, как вести торговлю с

---

[166] Гиланенц Петрос Ди Саркис. Дневник осады Испагани афганами веденный Петросом Ди Саркис Гиланенц в 1722 и 1723 годах. Материалы для истории Персии. – СПб.: Типография императорской Академии Наук. – 1870. – Предисловие К. Патканова. С. XIII.

[167] Байбуртян В.А. Армянская колония ... С. 24-25.

[168] Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? (Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки). – М. – 1996. – С. 14.

христианскими государствами.[169] Он почти дословно повторяет определение К. Патканова, опустив лишь одно перечисленное им качество армян – трезвость.[170]

Умеренность в путевых расходах, способность довольствоваться невысоким уровнем комфорта, запасать необходимую провизию на длительный срок также была признана практически всеми исследователями в качестве отличительной черты армянских купцов.

Армян отличала общинная солидарность, которая для торгового народа была «...не только единственно возможной, естественной формой устройства жизни, не только условием выживания в чужом и враждебном мире, средством интеграции в принимающее общество, но важнейшей предпосылкой делового успеха».[171]

К тому же армяне никогда не жили в диаспоре замкнуто[172]. Не испытывая сложностей в адаптации, они осуществляли разнообразные контакты с местным населением, осваивали язык и обычаи окружавших их народов, так как для них «...жить сразу в нескольких социокультурных, языковых мирах было делом привычным и обыденным, нормой...»[173] Этому можно найти косвенные подтверждения. Например, Шараф-хан Бидлиси, курдский историк, государственный и военный деятель конца XVI – начала XVII в., упоминает в своей хронике, что часть населения крепости Даир-дих, принадлежащей городу

---

[169] Ešrāqi E. Op.cit. C. 146.

[170] Гиланенц П. Указ. соч. – Предисловие К. Патканова. С. XIII.

[171] Дятлов В.И. Указ. соч. С. 212.

[172] Чумалов М.Ю. Этнокультурное развитие армян в Абхазии (к проблеме стабильности этнодисперсной группы). // Малые и дисперсные этнические группы в европейской части СССР. / под ред. Е.М. Поспелова. – М.: МФГО. – 1985. – С. 107.

[173] Дятлов В.И. Указ. соч. С. 221.

Джезире – арабы, поэтому большинство местных армян говорят по-арабски.[174] Армянские торговцы в Табризе, Султанийе, Хое, Маку говорили также по-персидски и по-татарски.[175]

Способность «...жить в чужом мире, относительно легко переходить из одних условий в другие, с одного языка на другой, готовность к освоению нового – обязательное качество членов «торговых меньшинств».[176]

Таким образом, у армян присутствовало уникальное сочетание необходимых для ведения международной торговли качеств – бережливости, практической смекалки, общинной солидарности, знания местных рынков, легкости в установлении контактов с местным населением. Это объективно давало армянам возможность играть роль привилегированного торгового меньшинства в сефевидском Иране.

Вторая причина избрания армянских купцов на роль новой торговой элиты Ирана заключалась в том, что именно армянская диаспора заняла привилегированное положение в международной торговле Ирана; сыграли роль и особые отношения, которые связывали династию Сефевидов с армянами с момента ее основания. Многие армянские источники утверждают, что шах Исмаил Сефеви до конца жизни оказывал особое покровительство армянскому католикосу и вообще духовенству именно в знак благодарности за свое спасение в детстве на острове Ахтамар. Первые Сефевиды не раз опирались на армян в борьбе с османской Турцией, использовали их как посредников для взаимодействия с европейскими державами. Поэтому христиане во время правления династии Сефевидов не подвергались столь крупным гонениям, как иудеи и мусульмане-сунниты.

---

[174] Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. / перевод, предисловие, примечания и приложения Е.И. Васильевой. – Т. 2. – М.: Издательство «Наука». – 1976. – С. 178.

[175] Мартиросян А.У. Указ. соч. С. 99.

[176] Дятлов В.И. Указ. соч. С. 211.

Традиция использовать армян для установления дипломатических контактов с европейскими державами существовала у правителей Ирана и в более ранний, досефевидский период. Узун-Хасан (1453 – 1458), султан из династии Ак-Коюнлу, опасаясь продвижения османов по направлению к Армении, после завоевания ими Константинополя в 1453 г. стремился разгромить османскую державу в союзе с европейскими государствами. В контактах с Европой, посылая в европейские страны посольства, он использовал армян в качестве дипломатов. Одним из них был крупный армянский купец, глава табризской общины Ходжа Мирак, «верный слуга и сановник» Узун-Хасана.[177]

Ходжа Мирак на протяжении долгого времени играл важную роль в развитии торговых отношений Ирана со странами Западной Европы,[178] обеспечивая также защиту интересов армянской общины, основной задачей которой в тот момент было обеспечение безопасности торговли, проходившей через Иран.[179]

Сам Аббас I также еще в конце XVI в. начал пользоваться услугами лояльных ему купцов из Старой Джульфы при переговорах с Венецианской республикой.[180] Армяне должны были помочь сефевидской державе сблизиться с европейскими державами не только для торговли, но и для дальнейшей борьбы с Османской империей. Как часто случается в истории торговых меньшинств, выбор фаворитов среди общин определялся и геополитической доктриной правителя.[181]

---

[177] Зулалян М.К. Указ. соч. С. 59.

[178] Мартиросян А.У. Указ. соч. С. 161.

[179] Там же.

[180] Baibourtian V. Op. cit. P. 31-32.

[181] Дятлов В.И. Указ. соч. С. 18.

Шах Аббас I, безусловно, учел все вышеперечисленные факторы, его решение переселить армян в Иран было продуманным и осознанным, однако он, конечно, не мог предусмотреть все последствия великого *сургуна*.

4. Последствия великого сургуна для Ирана

Последствия великого *сургуна* для Ирана были крайне многообразны. Среди них:

Военно-стратегические. Переселение жителей Закавказья в Иран дало временный военный успех, когда Османы, потрясенные зрелищем горящей Джуги, не преследовали иранцев и армян. Впоследствии это переселение не помогло шаху Аббасу в борьбе с Турцией, но открыло ей путь к побережью Каспийского моря.[182]

Политические. Не увенчались успехом и дальнейшие попытки правительства Аббаса I изменить торговые пути Ирана. Турецкий путь остался основным. Иранский шелк поступал в Европу преимущественно через османские города Алеппо, Измир, Бурса. Таким образом, посредничество джугинцев, традиционно имевших крепкие связи с армянами Османской империи, было необходимо и для торговли шелком на этом направлении.

Экономические. Организация армянской торговой колонии Новая Джульфа принесла Ирану большую экономическую выгоду. Будучи участниками экономической жизни Ирана, ведя международную торговлю шелком и осуществляя торговые и дипломатические контакты с иностранцами, джульфинские купцы на протяжении всего последующего столетия богатели сами и обогащали иранскую казну. Таким образом, «...Новая Джульфа своей торговой славой и богатством затмила старую Джугу, особенно тогда, когда джульфинцы завязали тесные торговые сношения с отдельными мелкими

---

[182] Тер-Авакимова С.А. Армяно-русские отношения в период подготовки Персидского похода. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1980. – С. 13.

государствами Индии, в торговле с которыми они наживали колоссальные богатства».[183]

Однако экономический эффект великого *сургуна* не был однозначно положительным. Децентрализация и запустение земель, населенных армянами, не принесла сефевидскому Ирану экономической выгоды. Напротив, Иран потерял значительные доходы, которые приносила плодородная Араратская долина.[184]

Не удался также эксперимент по улучшению шелководства в северных областях Ирана. Так, армянские переселенцы в Мазендаран спустя 50 лет полностью вымерли из-за нездорового климата и тяжелых условий жизни.[185]

Культурные. В основном армяне, переселенные в Иран, относительно легко укоренились в иранском социокультурном пространстве благодаря интересу шаха Аббаса к армянским обычаям и христианской обрядности. То, что армяне быстро приспособились к новым условиям жизни, подтверждают как Искандер Монши, так и армянские историки. Армяне не только перенимали иранские традиции и образ жизни, они знакомили персов со своими обычаями и зачастую выступали посредниками в культурных контактах персов с европейцами.

Таким образом, насильственное переселение армян из Закавказья в Иран в начале XVII в. привело к разнообразным политическим, экономическим и культурным последствиям. Некоторые политические и экономические последствия великого *сургуна* были для шаха Аббаса неожиданными и нежелательными. Но, судя по его последующим действиям, в целом он остался доволен полученным результатом. Важнее других последствий великого

---

[183] Тер-Аветисян С.В. Указ. соч. С. 86.

[184] Тер-Авакимова С.А. Указ. соч. С. 13.

[185] Тер-Аветисян С.В. Указ. соч. С. 79.

сургуна для Ирана оказались торговые и дипломатические успехи армянской общины Новой Джульфы.

Для армян последствия также не были однозначными. Тяжелые человеческие потери, понесенные в ходе переселения в Иран, разрушение и упадок многих городов, исторически населенных армянами, необходимость жить во враждебном окружении персов-мусульман сразу после переселения были единственными итогами великого *сургуна* для армян. Однако через несколько лет они отступили на второй план по сравнению с личным покровительством шаха, определенной политической самостоятельностью, экономическими выгодами международной торговли.

Переселив армян в различные области Ирана и создав армянскую торговую общину в Новой Джульфе близ Исфахана, шах Аббас дал толчок развитию армяно-иранских этнокультурных связей XVII в. Он высоко оценил своеобразную экономическую культуру армян, их широкие и крепкие торговые связи в Европе и на Ближнем Востоке.

Предпосылки для начала процесса выделения армян в качестве основного «торгового меньшинства» в Иране закладывались с самого начала существования династии Сефевидов. Можно сказать, что переселение армян из Закавказья в Иран и создание христианской торговой колонии Новая Джульфа завершили этот процесс. Здесь сыграло роль сложное сочетание этноконфессиональных качеств «исходного материала»[186] и политической воли шаха.

Благодаря личному вмешательству шаха в дела армянской торговой общины сложились такие условия армяно-иранских отношений, характерные для всего XVII в., как близость армянской торговой общины Новой Джульфы к шахскому двору, ведущая роль армянских купцов в международной торговле Сефевидов, участие армян в ирано-европейских торговых и дипломатических контактах, взаимное обогащение армянской и иранской культур. Участие армян

---

[186] Дятлов В.И. Указ. соч. С. 209.

в общественно-политической и культурной жизни сефевидского Ирана сделало возможными многие события иранской и армянской истории XVII в.

Особенности армяно-иранских этнокультурных связей, сложившихся в XVII в. после великого *сургуна*, будут рассмотрены в следующих главах.

Глава 2. Армяно-иранские этнокультурные связи в 1604 – 1629 гг.

Армянская торговая колония Новая Джульфа сыграла исключительную роль в армяно-иранских этнокультурных связях. Во время правления шаха Аббаса I они определялись следующими обстоятельствами: особыми отношениями шаха Аббаса с влиятельными членами армянской общины Новой Джульфы; влиянием коммерческой деятельности армян-христиан на контакты Ирана с Европой и посредничеством армян при контактах европейцев с Ираном; государственной деятельностью армян, обращенных в ислам.

1. Особые связи шаха Аббаса I с влиятельными членами армянской общины Новой Джульфы

Особые отношения Аббаса I с армянской диаспорой Ирана стали складываться еще в конце XVI в. и окончательно оформились в первом десятилетии XVII в. Абсолютная власть предполагает личное попечение правителя о его подданных и обо всех важных вещах, происходящих в стране. Неудивительно, что шах Аббас I, переселив армян в Иран и создав торговую колонию Новой Джульфы, стал контролировать жизнь армянской диаспоры.

Понимая, что христианская религия является важнейшей частью духовной жизни армянского народа как особой этноконфессиональной общности, Аббас решил позволить армянскому населению торговой колонии Новой Джульфы продолжать исповедовать христианство. Армяне-христиане, однако, были поставлены им в жесткие условия. В 1608 г., когда армянская община еще не оправилась от тягот великого *сургуна* и нуждалась в средствах для налаживания экономических связей, шах Аббас дал армянам Новой Джульфы 400 туманов в долг сроком на три года. Они должны были либо вернуть деньги, нажив их торговлей, либо по окончании установленного срока перейти в мусульманство, либо отдать Аббасу в услужение своих детей.[187] Следует уточнить, что «...туман времени шаха Аббаса I равнялся 50 аббаси, по

[187] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 138.

4,5 г серебра в каждом. Согласно де Лету (de Laet), 1 туман = 40 флоринам; согласно Олеарию, 1 туман = 200 рейхсталеров, согласно Шардену, 1 туман = 45 ливрам».[188]

Но, вместе с тем, шах ограждал христиан своей страны от произвола: «...если случались какие-либо ссоры и распри христиан с магометанами либо другое подсудное дело – большое или маленькое, христиан он оправдывал, магометан – осуждал».[189]

В этом он даже частично пошел вразрез с нормами шариата, повелев: «...ежели христиане станут мусульманами и потом [пожелают] вновь обратиться в веру свою, не препятствуйте и не мучайте их, но дайте им возможность оставаться в вере своей...»[190] Привело это к невиданному в то время религиозному равноправию, когда «...если на площади или рынке случалась ссора или распря христиан с магометанами, они одинаково без страха били и ругали друг друга».[191]

Благодаря личному вмешательству шаха Аббаса выносились многие решения в пользу армян при разбирательствах и тяжбах христиан с персами-мусульманами.[192]

Предоставляя армянам определенные права и свободы, Аббас I, безусловно, преследовал свои цели. Сознавая пользу от создания на территории Ирана армянской торговой колонии, «... шах Аббас, будучи рассудителен, мудр, попечителен, изыскивал различные способы, чтобы удержать армянское

---

[188] Петрушевский И.П. Народное восстание в Гиляне в 1629 г. // Ученые записки Института Востоковедения (Академии Наук СССР). – Т. III. – 1951. – С. 242.

[189] Там же. С. 79.

[190] Канакерци Закарий. Указ. соч. С. 49.

[191] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 79-80.

[192] Тэр-Ованеанц Х. Указ. соч. С. 46-47.

население, ибо, если бы он так не старался, [армяне] там не остались бы».[193] В отношении шаха к армянам свою роль играло также и желание показать веротерпимость представителям европейских стран.

Однако нам представляется, что отношение Аббаса к армянам и к христианству нельзя объяснить только практическими соображениями. Он был связан с армянской общиной более тесными узами, дружил со многими жителями Новой Джульфы.[194] Он часто «...приходил к ним домой, ел и пил с ними все без разбору».[195] Шах Аббас не только ел приготовленную не по исламским законам пищу, но и пил вместе с христианами вино. Историк Даврижеци подчеркивает, что шах также приглашал армян «...к себе домой, к столу своему, и воздавал им почести наряду с вельможами своими, и своим *нахарарам* наказал поступать также».[196]

Продолжалась дружба Аббаса с семьей правителя Джуги *ходжи* Хачика Сафраза, его сыновьями *ходжой* Сафаром и *ходжой* Назаром – первыми *калантарами* Новой Джульфы. В это время проведение театрализованных представлений становится обязанностью армян-христиан.[197] Когда шах Аббас посещал армян Новой Джульфы, специально для него устраивали чтения стихов и танцевальные представления. Как утверждает Насрулла Фальсафи, армянские девушки и женщины, желая увлечь шаха, читали стихи и пели даже в церкви.[198]

---

[193] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 79.

[194] Там же.

[195] Там же.

[196] Там же.

[197] Гоян Г. 2000 лет армянского театра. – Т. 2.: «Театр средневековой Армении». – М.: Государственное издательство «Искусство». – 1952. – С. 269.

[198] Falsafi N. Op. cit. C. 237.

Среди этих женщин была армянка Гозаль, в ходе великого *сургуна* переселенная из села Астабад в Джульфу. Аббас заметил ее во время очередного посещения армянской общины и забрал в свой гарем. Женщина была красива, «...с широким лбом, сросшимися бровями, густыми волосами, танцовщица и песенница; ... когда она принималась танцевать и пела плясовые песни, и двигала станом, и изгибалась, шах смеялся и радовался, глядя на нее».[199]

Гозаль оставалась христианкой и через некоторое время решила уйти в монастырь. Узнав об этом, Аббас не стал ей препятствовать. Он пожертвовал на монастырь 10 литр (*литра* – мера веса, равная примерно 4,077 кг – *Е. Р.*) риса, 5 литр масла, 3 вьюка пшеницы, а самой Гозаль дал 50 золотых и «грамоту вольности», «...дабы, где бы она ни была, исповедовала веру христианскую, и пусть никто не преследует ее из-за веры, ибо она христианка. Если кто из мусульман назовет ее мусульманкой, [пусть знает], что она не мусульманка, и если христиане назовут ее мусульманкой, да станут они сами мусульманами».[200]

Этот эпизод – одно из ярких доказательств веротерпимости шаха Аббаса и, в частности, его терпимого отношения к христианам. Очевидно, что в этом случае он действовал по личному побуждению, а не под влиянием практических соображений.

Также трудно объяснить одним расчетом особую приверженность Аббаса христианским обрядам и традициям. По свидетельству Даврижеци, «...он благоволил к христианам и сам увещевал их строить церкви. А в дни великих праздников – Воскресения, Вознесения и других – приходил в церкви и радовался [вместе] с христианами».[201]

---

[199] Канакерци Закарий. Указ. соч. С. 59.

[200] Там же.

[201] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 79.

Наказ Аббаса строить христианские церкви, опять же, идет вразрез с нормами мусульманского права, всячески затрудняющими для *зимми* (христиан и иудеев, находящимся под покровительством мусульман) возведение культовых построек.

Армянский историк XVII в. Ованнесик Тцареци отмечает также: «... И царь Аббас был настроен очень миролюбиво, особенно по отношению к христианам; торговые люди говорят, что он в своей казне имел святой крест и с почетом его хранил и в часы войны на груди своей держал».[202]

Сразу после переселения армян в Иран отношения армянской христианской общины с живущими по-соседству персами-мусульманами были довольно напряженными. Очевидно, что строительство христианских церквей в Исфахане, звон колоколов, религиозные шествия, а так же и употребление вина армянами раздражали мусульманское население города.[203] Своим личным примером шах Аббас I смягчал отношение персов-мусульман к армянам, способствовал интересу и большей терпимости к христианской религии. Например, многие правители областей, где жили армяне, подражая шаху, стали посещать церковный праздник Водосвятия.[204]

Канакерци рассказывает, что фанатично настроенные мусульмане, во главе с неким епископом-вероотступником по имени Чачин, пытались помешать совершению обряда в праздник Водосвятия в селе Хнкелодзор, но персы-мусульмане знатного происхождения остановили их, заявив: «Вы хотите погубить все наше племя? Они устраивают это по повелению шаха для нашего

---

[202] Хроника Ованесика Тцареци. // Мелкие хроники. / сост. В.А. Акопян. - Т.II. – Ереван. – 1956. – С. 246. Цит. по Тер-Мкртичян Л.Х. Указ. соч. С. 101.

[203] Ghougassian V.S. Op. cit. C. 34.

[204] Канакерци Закарий. Указ. соч. С. 134.

развлечения. И вот хан ожидает их там. Вы же действуете против шаха и хана».[205]

По словам иранской исследовательницы Лины Мелкониан, во время правления шаха Аббаса I отношения между христианами и мусульманами были настолько близки, что они могли участвовать в совершении некоторых обрядов друг у друга.[206] У нас нет сведений о том, что христиане в сефевидском Иране могли посещать мечети, либо каким-то иным способом принимать участие в отправлении мусульманского культа. Однако то, что персы-мусульмане посещали армянские церкви, признавали христианские праздники и обычаи, представляется важным для характеристики этнокультурных связей двух народов.

Отношения шаха Аббаса с армянской колонией Новой Джульфы влияли и на его отношения с армянским духовенством. Все высшие церковные посты занимались лишь с его одобрения. Например, католикос Мовсес возвысился благодаря тому, что на исповеди дал мудрый совет свояченице Амиргуна-хана, который за это «...полюбил его превыше меры. И это было началом, [после которого] познакомился *вардапет* с шахом и стал католикосом».207

Известно, что шах Аббас I разрешил возводить в Новой Джульфе христианские храмы. В течение 100 лет после возникновения Новой Джульфы, там было построено 24 церкви.[208] Первой была церковь Сурб (святого) Акопа, возведенная на главной площади Новой Джульфы в 1607 г., последней –

---

[205] Там же. С. 135.

[206] Melkāniyān L. Op. cit. C. 37.

[207] Канакерци Закарий. Указ. соч. С. 77.

[208] Huwiyān A Op. cit. C. 141.

церковь святого Нерсеса, воздвигнутая на улице Назар в 1669 г.[209] Джон Карсвелл датирует возведение церкви Сурб Акопа 1606 годом.[210]

Не случайно армянские церкви Новой Джульфы похожи на современные им мечети – это знак близости армянского и иранского искусства, единообразия архитектурного языка и строительных технологий.[211] Этот тезис может быть наглядно проиллюстрирован, в том числе, современными фотографиями культовых (*см. Приложения 3- 4*), а также бытовых зданий Новой Джульфы (*см. Приложения 6-7*). При постройке армянских церквей Новой Джульфы использовались также иранские приемы изготовления кирпичей.[212]

Желание переместить центр армянской духовной жизни из Армении в Иран заставило шаха Аббаса задуматься о переносе резиденции католикоса всех армян в столицу Ирана. Для этого предполагалось разрушить Эчмиадзин и из его камней построить монастырь на территории Исфахана. Шах Аббас собирался «...возвести там Новый Эчмиадзин, чтобы там восседал католикос и оттуда распространялось миро по всему свету, дабы тем самым население армянское оставить в Персии, а также чтобы прибыли и доходы со всего света стекались в город его для народа его».[213]

В 1614 г. в Исфахан были перевезены 50 камней, извлеченных из здания эчмиадзинского храма (*см. Приложение 2*), а также священные предметы и реликвии, такие как десница святого Григория Просветителя (*Лусаворича*), крестителя армян. Среди священных предметов были авторские произведения,

---

[209] Ibidem. C. 141-142.

[210] Carswell J. Op. cit. C. 19.

[211] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit. C. 12.

[212] Ghougassian V.S. Op. cit. C. 178.

[213] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 172.

например, иллюминированные Евангелия армянского миниатюриста Месропа Хизанци (1590-1652).[214]

План Аббаса не был воплощен, в том числе благодаря сопротивлению армянского духовенства, а также богатых торговцев Новой Джульфы во главе с *калантаром ходжой* Назаром. Когда епископы, *вардапеты* и крестьяне узнали, что в монастырях святых Гаяне и Рипсиме раскапывают землю, чтобы перевезти в Иран мощи святых, среди армян вспыхнули волнения.

Церковь так и не построили, а десница Григория Просветителя хранилась в доме *калантара* Новой Джульфы *ходжи* Сафара до 1638 г., когда католикосу Пилипосу удалось, преодолев много трудностей, добиться возвращения реликвии в Эчмиадзин.[215]

Отношения шаха Аббаса с армянской общиной Ирана не были ровными. На них влияли отношения правителя Ирана с представителями европейских государств. В 1613 г. шах Аббас помешал прибывшим с миссией августинцам обратить иранских армян в католичество.[216] Затем в 1622 г. Аббас изгнал португальцев с острова Ормуз, разрушил португальский форт на острове Кишм, тогда же он стал насильственно обращать в ислам обитателей островов. Насильственная исламизация христиан была реакцией на отказ португальских властей Ормуза выдать иранским властям пятерых мусульман, перешедших в католичество.[217]

---

[214] Canby S. R. Shah 'Abbas. The remarking of Iran. - L: The British Museum Press. - 2009.- C. 68.

[215] Ереванци Симеон. Указ. соч. С. 92.

[216] Ferrier R.W. The Armenians and the East India Company in the Seventies and Early Eighteenth Centuries. // The Economic History Review, New Series. – vol. 26. – (1973). – C. 79.

[217] Семенова Л.А. Орден кармелитов как орудие проникновения европейцев в Иран (по материалам «Хроники кармелитов»). // Ближний и Средний Восток. Сборник статей. – М: Издательство Восточной Литературы. – 1962. – С. 97.

Сразу после этих событий религиозным преследованиям подверглась армянская община Ирана.[218] Более всего от этого пострадали армяне, живущие вне Исфахана. Армян, переселенных Аббасом I в Мазендаран и Бахтиарию, постоянно пытались обратить в ислам. Из семей забирали красивых юношей и девушек для гаремов. В 20-е гг. XVII в. армян, переселенных в Мазендаран и на границы Бахтиарии, стали насильственно (под угрозой смерти) обращать в мусульманство. Их заставляли исполнять мусульманские обряды, ходить в мечети, учить Коран.[219]

Насрулла Фальсафи так объясняет причину начала гонений: шах Аббас «...разгневался оттого, что некоторые армянские женщины, жившие в этой области, плохо отзывались о нем».[220] Трудно понять, насколько Аббас I руководствовался в своих действиях импульсивными порывами. Во всяком случае, насильственная исламизация армян Бахтиарии не принесла ему никакой практической пользы. Она вызвала беспокойство армян всего Ирана. Купцы Новой Джульфы перестали возвращаться из заграничных поездок, международной торговле был нанесен заметный ущерб, в особенности пострадала торговля шелком. Абисааб объясняет попытку исламизации армян тем, что Аббас таким образом хотел избежать чрезмерного усиления армянской общины, заручиться ее политической лояльностью: «...возможно, что некоторые женщины и дети были готовы перейти в ислам для того, чтобы получить определенные преимущества и защиту, но большинство населения было обращено насильственно».[221]

Не добившись желаемых результатов, шах отменил собственный приказ, призвал к себе тогдашнего *калантара* джульфинских армян *ходжу* Назара и

---

[218] Abisaab R.J. Op. cit. C. 80.

[219] Eskandar-bek Torkman (Monši). Op. cit. C. 960.

[220] Falsafi N. Op. cit. C. 134.

[221] Abisaab R.J. Op. cit. C. 80.

заверил его, что никогда не будет принуждать жителей Новой Джульфы менять веру.[222] Вскоре после этого шах Аббас продемонстрировал религиозную терпимость и по отношению к другим христианским группам. Так, 17 ноября 1623 г., заключая договор с Нидерландами, он гарантировал голландцам, живущим в Иране, свободу исповедания христианства и даже, вразрез с шариатом, позволил им подвергать судебному преследованию своих соотечественников, перешедших в ислам.[223]

При этом Аббас не отказался от практики использования принудительной исламизации в качестве средства наказания и усмирения немусульман. Современники событий, в особенности армянские хронографы Даврижеци и Канакерци, упоминают многочисленные случаи, когда шах лично силой или обманом обращал христиан, а также иудеев в ислам.

Веротерпимость Аббаса была столь нехарактерна для того времени, что породила среди европейских путешественников и дипломатов многочисленные слухи о желании главы шиитской Персии принять христианство. Пренебрежение как мусульманскими, так и христианскими запретами, использование насильственных обращений в ислам в качестве наказания позволяет предположить, что шах Аббас был равнодушен к вере и тем более далек от мысли изменить государственную религиозную доктрину Ирана. На протяжении всего срока своего правления он использовал приверженность армян христианству, извлекая из нее пользу для Ирана, а значит, в первую очередь, для персов-мусульман.

Источники по-разному оценивают отношение Аббаса к армянам. Некоторые авторы объясняют его благосклонность сугубо прагматическими причинами, другие, напротив, преувеличивают его «христианолюбие». Нам представляется наиболее интересным психологически объяснение Аракела

---

[222] Falsafi N. Op. cit. C. 135.

[223] Floor W., Faghfoory M.H. The First Dutch-Persian Commercial Conflict. The Attack on Qeshm Island, 1645. – б. м. – 2003. – C. 15.

Даврижеци: «... царь шах Аббас знал, с какими злоключениями переселили народ армянский в Персию и все те горести, которые он сам причинил народу армянскому, поэтому сочувствовал и жалел армян и выказывал любовь, хоть и лживую, суетную и неверную, однако любовь».[224]

Личное участие шаха Аббаса I в жизни армянской общины Ирана являлось чрезвычайно важным фактором ее существования. Отношения шаха с армянами-христианами были переменчивы, зависели как от экономических и политических соображений, так и от личного произвола правителя. Шах Аббас I, создавший армянскую торговую колонию Новой Джульфы, поддерживавший ее развитие и процветание, постоянно подвергал армян разнообразным испытаниям. Однако переселенные в Иран армяне получили в лице шаха определенную поддержку. Он позволял им исповедовать христианство, предоставлял денежные ссуды для торговли, защищал от произвола местных властей и ненависти фанатичных мусульман. Благодаря своему авторитету и дружеским связям с шахом Аббасом богатые и знатные семейства Новой Джульфы имели возможность влиять на политическую и экономическую жизнь сефевидского Ирана.

В целом политика Аббаса по отношению к армянам сводилась к тому, чтобы «...поддерживать вокруг «торговых меньшинств» обстановку напряженности и в то же время сохранять их, обеспечивая им поддержку и покровительство».[225] Подобная тактика «кнута и пряника» позволяла властям успешней управлять меньшинствами, извлекая из ситуации максимальную выгоду.

Во время правления Аббаса I армянская торговая колония Новой Джульфы обладала определенными правами и привилегиями благодаря личной заинтересованности шаха в ее делах. Высшее духовенство также пребывало под

---

[224] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 81-82.

[225] Дятлов В.И. Указ. соч. С. 233.

особой шахской защитой. Другие категории армянского христианского населения – ремесленники и крестьяне, жители завоеванного и разоренного Закавказья, которых шахское покровительство не охраняло от произвола, находились в значительно более стесненных условиях.

Очевидно также, что и население Новой Джульфы состояло не из одних купцов. Американский специалист по эпохе Сефевидов, Уильям Флур, выделяет следующие социальные категории: духовенство (католикосы, примасы, епископы, монахи, священники); дворянство, богачи, среди них и представители элиты и богатые купцы; купцы в целом, квалифицированные ремесленники – живописцы, декораторы, скульпторы, золотых и серебряных дел мастера и представители прочих престижных профессий; простые ремесленники, такие как сапожники, каменотесы, кузнецы, свечники, плотники; сельскохозяйственные работники и крестьяне, которые обрабатывали землю для нескольких классов · землевладельцев, и, наконец, слуги и рабы.[226] Армянский историк, изучающий наследие Аракела Даврижеци, Лоретта Данегян утверждает даже, что во время правления шаха Аббаса I большинство иранских армян составляли ремесленники, хотя первостепенная роль принадлежала крупному купечеству.[227]

Очевидно, что во время правления Аббаса I, помимо богатых купцов Новой Джульфы, относительно защищены были также армяне – высококвалифицированные ремесленники, работавшие при дворе шаха. Все остальные категории армянского христианского населения Ирана сталкивались с разнообразными сложностями – социальными и экономическими.[228]

---

[226] Floor W. The economy … C. 16-17.

[227] Данеґйан Л. Указ. соч. С. 213.

[228] Ghougassian V.S. Op. cit. C. 70.

Во время правления Аббаса I армяне, жившие вне Исфахана и Новой Джульфы, выдержали несколько насильственных обращений в ислам. От окончательной исламизации их спасало лишь заступничество джульфинцев.[229]

Иранские армяне сталкивались также с угрозой обращения в католичество. Католические миссионеры еще в XIV в. успешно обращали в свою веру жителей севера Ирана.[230] С начала правления шаха Аббаса I они направили свои усилия на армян. Это в меньшей степени касалось армян Новой Джульфы, пользовавшихся прямой поддержкой шаха, в основном внимание миссионеров было направлено на армян-христиан, живущих в удалении от Исфахана. Смена конфессии, так же, как и принятие господствующей религии, могла повлечь за собой отпадение от армянской общины. До сих пор «...признак конфессиональной принадлежности выделяется среди других категорий ценности культуры и чаще играет роль определяющего фактора самосознания для групп, близких к армянам, и этноконфессиональных, периферийных и локальных диалектных групп армян».[231]

Перешедших в католичество армян в XVII в. называли *ахтарма* – 'отступник', этим же словом называли колдунов.[232] Часто, перейдя в католичество, армяне впоследствии принимали ислам.[233]

---

[229] Falsafi N. Op. cit. C 135.

[230] Ghougassian V.S. Op. cit. C. 127.

[231] Григорян К.Э. Изучение и классификация этнических групп армян в конце XX в. // Музей. Традиции. Этничность. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского Этнографического Музея. – Санкт-Петербург – Кишинев. – 2002. – С. 188.

[232] Ароян С.А. Краткая история армянской католической церкви. URL: http://www.armeniancatholic.ru/ru/library/armenrus.html (дата обращения 01.09.2008)

[233] Мартиросян А.У. Указ. соч. С. 89.

Мусульмане использовали также экономические стимулы для обращения в ислам иноверцев. Христиан, как богатых, так и бедных, могли лишить наследства их принявшие ислам родственники, так как «...среди шиитов давно бытовал так называемый закон имама Джа'фара, согласно которому ставшие мусульманами родственники райатов (подданных) из иноверцев (зимми) имели право наследовать все достояние своих родственников-христиан и полностью лишить возможности участия в разделе наследства христианских родичей».[234] Армянские источники приводят многочисленные примеры злоупотреблений, вероотступничества и конфискации собственности христиан. Чтобы противостоять этому закону для христиан Ирана как никогда была важна сплоченность и взаимовыручка – качества, характерные для основной массы армян на протяжении их истории.

Изолированность большинства членов армянской общины от населения Ирана поддерживалась также и тем, что, несмотря на личный пример самого шаха, евшего и пившего с армянами Новой Джульфы, среди персов-мусульман постоянно велись диспуты о том, могут ли мусульмане есть еду, приготовленную христианами, носить одежду, обувь и ювелирные украшения, сделанные ими. Шиитские богословы так и не пришли к единому мнению по этому вопросу.[235]

Таково было положение армян-христиан на территории всей сефевидской империи. Для армян, не переселенных из Закавказья в Иран в начале XVII в., к перечисленным трудностям добавлялись и некоторые другие.

В областях, разоренных великим *сургуном*, на протяжении всего XVII в. свирепствовал голод. Военные разрушения усугублялись нашествием саранчи, когда «совсем не стало хлеба и снеди и вообще съестного».[236] Тогда же,

---

[234] Папазян А.Д. Аграрные отношения ... С. 159.

[235] Abisaab R.J. Op. cit. C. 65-66.

[236] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 95.

«...увеличились в числе разбойники, то есть джалалии, имена коих написаны, и они распространились от Константинополя и до Еревана».[237] Восстание джалалиев по-разному оценивается в литературе,[238] но не подвергается сомнению то, что оно послужило дальнейшему ослаблению Закавказья в первой половине XVII в., «...ибо страна была беззащитна и обезлюдела из-за властителей-захватчиков и каждый делал что ему заблагорассудится».[239]

Все эти обстоятельства привели к гуманитарной катастрофе на территории, исторически заселенной армянами. Хронисты XVII в., в особенности Аракел Даврижеци и Закарий Канакерци, многократно упоминают случаи нападения диких зверей, каннибализма и эпидемий.

При шахе Аббасе I в Закавказье ремесленники составляли большинство населения городов.[240] Среди них было много армян-христиан. Они испытывали определенные сложности как представители немусульманского меньшинства в сефевидском Иране,[241] но самой безвыходной ситуация была для армянских крестьян. Армяне – жители сельских областей Закавказья оказывались в особенно неблагоприятном положении, поскольку стремление шаха Аббаса ослабить окраины сефевидской империи в противовес центральным областям отражалось на его налоговой политике. Помимо *джизйи* – подушной подати с иноверцев, а также некоторых других специальных налогов, армянские крестьяне, как и другие жители аграрных районов сефевидского Ирана, должны

---

[237] Канакерци Закарий. Указ. соч. С. 47.

[238] Тверитинова А.С. Восстание Кара-Языджи-Дели-Хасана в Турции. – М.-Л.: Издательство и 1-ая тип. изд-ва Академии Наук в Ленинграде. – 1946. – С. 70.

[239] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 93.

[240] Гейдаров М.Х. Указ. соч. С. 188.

[241] Буниятов Н.Г., Яралов Ю.С. Архитектура Армении. – М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства. – 1950. – С. 125.

были отрабатывать *бигар* – барщину,[242] а также поставлять девушек и юношей для шахского двора.[243] Жители мелких приграничных населенных пунктов должны были нести дополнительное налоговое бремя,[244] тогда как, напротив, шииты – обитатели крупных закавказских городов, доказавших свою лояльность Сефевидам, часто получали налоговые льготы.[245]

Продолжались и насильственные выселения из Армении в Персию. По словам И.П. Петрушевского, в отличие от времени великого *сургуна*, «...после заключения перемирия с Турцией (в 1612 г. н.э.), эти выселения, производившиеся несколько раз, уже прямо носили характер репрессивной меры».[246]

Об этих обстоятельствах мало пишут иранские и некоторые европейские источники, но хроники армянских историков Аракела Даврижеци и Закария Канакерци дают представление о том, что эпоха правления Аббаса I оказалась благоприятной лишь для небольшой части армянского народа.

Вместе с тем, армяне, живя в сефевидском Иране в неодинаковых условиях, во многом сохраняли единство, и часто богатые жители Новой Джульфы деньгами и заступничеством помогали своим соплеменникам. Поэтому, будучи неполноправным религиозным меньшинством, во время правления шаха Аббаса I армяне-христиане находились в лучшем положении,

---

[242] Персидские документы Матенадарана. – Т. 1. Указы. – Выпуск первый (XV – XVI вв) / составил А.Д. Папазян. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1956. – С. 227.

[243] Петрушевский И.П. Очерки ... С. 284-294.

[244] Миклухо-Маклай Н.Д. К вопросу о налоговой политике в Иране при шахе Аббасе I (1587 – 1629). // Советское востоковедение. – Т.6. – М.- Л. – 1949. – С. 354-355.

[245] Нейматова М.С. Два указа шаха Аббаса I. // Эпиграфика Востока. – Т. XVIII. – Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука» . – 1967. – С. 109-110.

[246] Петрушевский И.П.Очерки ... С. 252.

чем другие немусульманские народности Сефевидского Ирана – грузины, греки, евреи, зороастрийцы.[247]

2. Влияние коммерческой и дипломатической деятельности армян-христиан на контакты Ирана с Европой

В первые десятилетия XVII в. армяне-христиане сыграли важную роль в ирано-европейских взаимоотношениях. Значительные успехи, которых они добились в сфере международной торговли, позволили им участвовать в контактах между персами-мусульманами и европейцами, посетившими Иран, в качестве относительно самостоятельной силы.

Во время правления шаха Аббаса I армянские купцы изменили всю схему традиционных иранских экономических связей, стали участвовать в торговле с Европой напрямую, вместо того чтобы пользоваться посредническими услугами европейских купцов. Известно, что в этот период армянские купцы вели всю торговлю Ирана с Европой, при этом купцы-мусульмане не исчезли полностью, они действовали на некоторых неевропейских направлениях, таких как Алеппо, Багдад, Бухара.[248]

На внутреннем иранском рынке торговые операции осуществляли также гулямы – обращенные в ислам личные рабы шаха, среди которых было много армян.[249] Но масштабы этой деятельности невозможно сравнивать с масштабами европейской торговли армянских купцов-христиан.

Некоторые армянские торговцы Новой Джульфы были чрезвычайно богаты, размеры их состояний варьировались от 2 тысяч до 20 – 40 тысяч

---

[247] Moreen V.B. The Status of Religious Minorities in Safavid Iran 1617 – 61 // Journal of Near Eastern Studies. – Vol. 40, £ 2. – 1981. – C. 14.

[248] Floor W. The economy … C. 88.

[249] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit. C. 51.

туманов серебром.[250] Таким образом, максимальная сумма составляла 2 млн. аббаси, 180 кг серебра. Армянские купцы также владели дорогой недвижимостью: дома Новой Джульфы своим богатством и роскошью привлекали внимание всех европейских путешественников, посетивших Иран в XVII в. Им принадлежали многочисленные караваны верблюдов для сухопутной торговли и суда для морской. В исламском государстве запрет налагался на покупку христианами земельных участков, но богатые армянские купцы порой обходили его, отдавая земли в *вакф* христианским монастырям.

Между армянскими купцами и европейцами, напрямую торгующими с Ираном, шла постоянная борьба интересов. Аннулировав в 1617 г. торговый договор с английской Ост-Индской компанией, шах Аббас I передал джульфинским купцам монопольное право вывоза всей продукции шелка-сырца из шелководческих районов Ирана.[251] Это еще больше укрепило связи армянских купцов с шахским двором и гражданской бюрократией Ирана.[252]

Армяне часто вмешивались в переговоры шаха Аббаса с европейцами. Порой они эффективно препятствовали прямым ирано-европейским экономическим контактам, пользуясь взаимным недоверием христианского и мусульманского миров.

Например, в 1619 г. именно благодаря стараниям армянских купцов из Новой Джульфы сорвалась попытка заключения англо-иранского договора о торговле шелком.[253] Поняв, что не смогут соревноваться с Великобританией,

---

[250] Тэр-Ованеанц Х. Указ. соч. С 162.

[251] Falsafi N. Op.cit. C. 220.

[252] Байбуртян В.А. Армянское поселение Нор Джуга в Иране и торговля между Западом и Востоком в XVII в. // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1988. – С. 167.

[253] Фарзалиев. А.М. Торгово-экономические связи … С. 43.

обладающей сильным коммерческим и военным флотом, армянские купцы снизили закупочные цены на шелк и добились восстановления своей монополии на этот товар.[254]

Армянские купцы-христиане сыграли противоречивую роль в армяно-иранских этнокультурных связях XVII в. Они, безусловно, принесли пользу экономике Ирана, но есть мнение, что, переселяясь в поисках новых рынков и создавая армянские диаспоры по всему миру, они также сыграли негативную роль, разобщая армянский народ.[255]

Ведя переговоры с Европой, армянские купцы оказывали сефевидскому Ирану помощь в борьбе с Османской империей. Надо сказать, что еще с XVI в., со времени непрерывных османо-сефевидских войн, большинство армян занимало иранскую сторону в борьбе двух держав. После великого *сургуна* 1604 г. и последовавшего образования Новой Джульфы проирански настроенные армянские купцы завоевали те рынки, на которых раньше господствовали армяне протурецкой ориентации.[256]

В Турции первых десятилетий XVII в. ситуация была сходна с иранской – купцы армянского происхождения играли важную роль во внешней торговле страны. В это время армянская община Стамбула насчитывала сто тысяч человек, имела шесть церквей.[257] Торговлю с Европой вели армяне из таких городов, как Стамбул, Смирна, Трапезунд, Бурса и др.[258] Турецкие армяне

---

[254] Baibourtian V. Op. cit. C. 202-203.

[255] Ibidem. C. 137.

[256] Тер-Аветисян С.В. Указ. соч. С. 92.

[257] Baibourtian V. Op. cit. C. C. 69.

[258] Baibourtian V. Op. cit. C. 108.

принимали ислам чаще, чем иранские, и постепенно смешивались с торговцами-турками.[259]

Армянские купцы, жившие в Иране, напротив, предпочитали оставаться христианами. Зачастую они жертвовали ради этого разнообразными привилегиями, например, известно, что значительная часть иранских армян-торговцев того времени лишилась земли за отказ переходить в ислам.[260]

То, что армяне-христиане выступали в сефевидском Иране как посредники при контактах с европейскими путешественниками, имело большое значение для армяно-иранских этнокультурных связей того времени. Большинство европейцев, посетивших Иран во время правления шаха Аббаса I, предпочитали селиться среди армян в Новой Джульфе.[261]

Армяне становились переводчиками и помощниками прибывших в Иран европейцев, часто это позволяло им влиять на взаимоотношения Сефевидов с британской и голландской Ост-Индской компаниями.[262]

Армянские купцы приняли также самое деятельное участие во взаимоотношениях шаха Аббаса с Энтони Ширли, организовывавшим реформу иранской армии в начале XVII в. Они попытались извлечь пользу из противоречий сторон.[263]

Иногда армяне помогали европейцам в миссионерской деятельности. Так, в 1629 г. при посредничестве *ходжи* Назара, *калантара* Новой Джульфы, в

---

[259] Ibidem.

[260] Папазян А.Д. Персидские, арабские и турецкие официальные документы Матенадарана XIV – XIX вв. и их значение для изучения социально-экономической жизни стран Ближнего Востока. – М.: Издательство Восточной Литературы. – 1960. – С. 2.

[261] Sykes P. Op. cit. C 181.

[262] Ferrier R.W. Op. cit. C 38-62.

[263] Ross Sir E.D. Sir Anthony Sherley and his Persian adventure. – L.: George Routledge and Sons ltd. – 1963. – C 112.

Исфахане была открыта миссия капуцинов.[264] Это поспособствовало укреплению отношений с Францией: в том же году кардинал Ришелье дал разрешение иранским армянам торговать с Францией напрямую, позволил им посещать с торговыми целями Марсель.

Часто армяне предпринимали также попытки повлиять на шаха Аббаса через европейских путешественников, особенно в делах, касающихся религии.[265] Это указывает на то, что во время правления Аббаса I армяне-христиане все же рассчитывали на христианскую солидарность европейских народов, несмотря на все конфессиональные различия.

3.Этнокультурные особенности армян Ирана в рассматриваемый период

Европейские путешественники много пишут об иранских армянах. Основное внимание привлекают особенности национального костюма армянок.

Испанский путешественник Фегейра, посетивший Иран во времена шаха Аббаса I, пишет о жительницах Новой Джульфы: «...одежда армянок немного отличается от одежды других женщин. Например, армянки никогда не носят белое лицевое покрывало, их покрывало черного или коричневого цвета *(большинство исследователей, наоборот, утверждают, что чаще всего, цвет покрывал, которые носят армянки – белый. – Е. Р.)* и его длина до середины колена»[266].

Фегейра, прежде всего, ищет сходства со знакомыми реалиями, поэтому ему кажется, например, что головные уборы армянок похожи на головные

---

[264] Baibourtian V. Op. cit. C. 93.

[265] Тектандер. Указ.соч. С. 33.

[266] Фегейра, дон Гарсия да Сильва. Книга путешествий дона Гарсия да Сильва Фегейра, С. 231-232. Цит. по: Mehrābādi, Mitrā. Zan-e irāni be rewāyat-e safarnāme-ye nevisān-e farangi. Entešārāt-e āfarineš našr-e ruzgar, Tehrān, 1379. 544 стр. С. 90.

уборы испанских сельских жительниц. В другом случае он использует и более оригинальное сравнение: «...молодые армянки повязывают на лоб узкие ленты из разноцветной тафты, а выходя из дому, накидывают на эту ленту золотое кружево или парчу, которые, как завязки от шлемов у наших солдат-пехотинцев, проходят по щекам и смыкаются под подбородком».

Подчеркивая сходство армянского костюма с европейским, Фегейра замечает их различия и не забывает упомянуть о том, что армянки, так же как и другие женщины Ирана и арабских стран, носят шаровары. Справедливо указывая на то, что армянки обычно не носили лицевого покрывала, полностью скрывающего лицо, он пишет, что у жительниц Новой Джульфы того времени можно видеть волосы и все лицо.[267] Действительно, уже в XVII в. армянские незамужние девушки иногда носили головной убор, открывающий все лицо и волосы *(см.Приложения 9, 11, 15)*.

Однако Фегейра почему-то умалчивает о широко распространенном обычае армянских замужних женщин повязывать на лицо кусок материи, закрывающий подбородок, а в некоторых случаях – целиком нос и рот, хотя об этом обычае упоминают все остальные путешественники, в том числе и посетившие Иран в более поздний период (*см. Приложения 10, 12*).

Подобная практика позволяет считать, что армянский женский костюм традиционно предусматривает некоторую разновидность *хиджаба*, который соблюдался иногда даже строже, чем *хиджаб* мусульманских женщин.

Культурная жизнь иранских армян была разнообразна – они не только знакомили персов с европейской культурой, но и перенимали иранскую, в частности, все жители Новой Джульфы не только говорили по-персидски, но и знали иранскую поэзию.

Даже армянские женщины владели несколькими языками, по крайней мере, устно: в присутствии шаха Аббаса они распевали *тесниfы* – народные

---

[267] Ibidem.

«романсы» на персидском и азербайджанском языках.[268] Культурную близость иранских армян и персов-мусульман подчеркивали европейские путешественники, посетившие Иран во время правления шаха Аббаса I.

Отмечают и внешнее сходство в облике и бытовой культуре двух народов. Так, англичанин Томас Герберт, посетивший Новую Джульфу в 1627 – 1629 гг. заметил, что «...джульфинцы имеют те же обычаи, что и персы, но несколько отличаются от них...волосами более яркого цвета и серыми глазами».[269] Также, по словам Герберта, богатые армянские купцы Новой Джульфы в своих домах копировали убранство домов богатых персов-мусульман, по их примеру украшая стены фривольными картинами.[270]

Взаимные влияния двух культур проявились и в том, что армяне распространили в Иране некоторые техники ковроткачества.[271] Еще в ранний период ковры из исфаханской провинции высоко ценились на всем Ближнем Востоке, а они больше всего напоминали армянские.[272] Армяне принесли в Иран не только новые техники ковроткачества, но и образную систему орнаментики – ковры с изображением крестов и звезд (в технологии *«зилу»*, т.е. гладкотканые, в бело-голубых тонах, с двусторонним рисунком).[273] В описываемый нами период ковры, выполненные в традиционной армянской

---

[268] Falsafi N. Op.cit. C 237.

[269] Herbert Th. Thomas Herbert travels in Persia 1627 – 1629. – L.: George Routledge and sons ltd. – 1928. – C. 137.

[270] Herbert Th. Op. cit C. 122.

[271] Царева Е.Г. Фрагмент средневекового персидского молитвенного ковра саф в технике зилу. // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. – СПб. – 2009. – С. С. 80.

[272] Казарян М. Армянские ковры. – М.: Советский художник. – 1985. – С. 28.

[273] Gantzhorn V. Oriental Carpets. – Koln: Taschen. – 1998. – C. 239.

технике, широко распространились в Европе и получили название «персидские» – по названию экспортирующей страны.[274]

Очень сильным было взаимное влияние и в архитектуре. Не случайно армянские церкви Новой Джульфы похожи на современные им мечети – это знак близости армянского и иранского искусства, единообразия архитектурного языка и строительных технологий.[275] Это положение проиллюстрировано, в том числе, современными фотографиями зданий Новой Джульфы (*см. Приложения 3,4,6,7*).

4. Армяне, обращенные в ислам

Тесные связи шаха Аббаса I с армянами-христианами – характерная особенность политической ситуации Ирана начала XVII в. Но одновременно, возможно, еще более важную роль в сефевидском государстве того времени сыграли армяне, перешедшие в ислам.

Известно, что, борясь с чрезмерной независимостью кызылбашских племенных вождей, Аббас I отстранял их от высших должностей, заменяя гулямами – обращенными в ислам личными рабами шаха. Это привело к значительному изменению этнического состава иранских правителей и высших чинов. Гулямы набирались по такому же принципу, как янычары в Османской империи: в детстве они были отобраны у родителей, обращены в ислам, а затем воспитывались в Иране.[276]

---

[274] Казарян М. Указ. соч. С. 35.

[275] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit. C. 12.

[276] Иванов М.С. Очерк истории Ирана. – М.: Государственное издательство политической литературы. – 1952. – С. 64-65.

К концу правления шаха Аббаса большинство эмиров сефевидского государства составляли выслужившиеся гулямы.[277] Вербовали гулямов из «...грузинских и армянских юношей, воспитанных в Иране и принудительно обращенных в ислам».[278]

Большинство шахских гулямов по происхождению были грузинами, но меньшая, армянская часть оставила яркий след в истории сефевидского Ирана. Наиболее известными гулямами, которым приписывалось армянское происхождение были полководцы – правитель Хорасана Карачагай-хан и правитель Шираза Аллаверди-хан. Последнего иранский историк XX в. назвал величайшим из шахских гулямов.[279] И Карачагай-хан, и Аллаверди-хан добились высокого положения благодаря упорству и счастливому случаю.

Карачагай-хан, армянин из Еревана, в детстве попавший в плен и выросший среди гулямов при шахском дворе, начал свою военную карьеру с командования артиллерийской батареей в 1602 – 1603 гг., а в 1617 г. стал главнокомандующим войсками Ирана.[280] В это же время он занял пост правителя Азербайджана, но вскоре был смещен с должности для того, чтобы стать правителем Хорасана. Многие исследователи сходятся во мнении, что таким образом шах Аббас обезопасил себя от чрезмерного усиления богатой и влиятельной армянской общины в Азербайджане.

Аллаверди-хан случайно добился благорасположения Аббаса I. По легенде, переданной армянским хронистом XVII в. Закарием Канакерци, шах

---

[277] Бабаев К. Внутренняя политика сефевидского Ирана в конце XVI – начале XVII веков. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М.: Издательство МГУ. – 1977. – С. 15.

[278] Пигулевская Н.В. Указ. соч. С. 273.

[279] Farmayan H.F. The beginnings of modernization in Iran.The Politics and reforms of Shah Abbas I (1587 – 1629). – Utah, University of Utah: Middle East Center. – 1969. – C. 17.

[280] Falsafi N. Op. cit. C. 177.

встретил его во время путешествия, и в награду за хороший прием сделал эмиром Шираза.[281] На рубеже XVI – XVII вв., Аллаведи-хан руководил реорганизацией войск сефевидской державы и участвовал в военных операциях Аббаса в Закавказье.

Карачагай-хан и Аллаверди-хан были компаньонами Аббаса I, сопутствовали ему не только на войне, но и на охоте и пирах.

В ходе армейской реформы обращенные в ислам гулямы заменили тюрков-кызылбашей на многих руководящих должностях. Шах Аббас сделал на них ставку, так как гулямы были ему лично преданы, а их деятельности не мешала племенная лояльность.[282] Замена местных правителей-кызылбашей гулямами сопровождалась переводом государственных земель (*мамалик*) в категорию земель, принадлежавших лично шаху (*хассе*).[283]

В результате шах получал более полный контроль над местными финансами; новые правители-гулямы должны были отчитываться перед ним о своих тратах. Таким образом, в замене кызылбашей гулямами, как и во многих других начинаниях шаха Аббаса I, сочетались личное расположение и расчет.

Перейдя в ислам, Карачагай-хан и Аллаверди-хан не порывали связи со своим народом, участвовали в общественной жизни Новой Джульфы, финансировали строительство церквей, дворцов, караван-сараев. *Си-о-се пол* - мост через реку Зайендеруд, связывающий Исфахан с Новой Джульфой, который был построен по приказу Аллаверди-хана, до сих пор является одной из важнейших достопримечательностей города.

Как и армяне, исповедующие христианство, армяне-гулямы способствовали контактам иранской культуры с культурой стран Западной Европы. Они интересовались европейской литературой, коллекционировали

---

[281] Канакерци Закарий. Указ. соч. С. 45.

[282] Minorsky V. Op.cit. C. 31.

[283] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit. C. 9.

европейские произведения искусства – драгоценные ткани, картины, посуду. У европейцев Карачагай-хан приобрел часть своей уникальной коллекции китайского фарфора.[284] Впоследствии китайский стиль росписи фарфора сильно повлиял на иранскую керамику. Для гулямов XVII в. вообще характерен интерес к изобразительному искусству, многие из них сами были выдающимися каллиграфами и миниатюристами (как, например, гулям грузинского происхождения Сиявуш), но именно гулямы армянского происхождения сформировали интерес к европейскому искусству.

Связь армян-гулямов со своим народом, их участие в жизни Новой Джульфы – редкое явление для XVII в. В это время этническое почти полностью отождествлялось с конфессиональным. Например, армяне, принявшие католичество, перестали именоваться армянами, так как этноним «армянин» означал или воспринимался в первую очередь как знак принадлежности к армянской церкви, т.е. как конфессионим. Приняв католичество, армяне-католики именовались «франками» как среди персов-мусульман, так и среди представителей армянской диаспоры.[285]

То, что армяне-гулямы, став «персами», не перестали участвовать в жизни армянской диаспоры Ирана – признак сильной связи и сплоченности армянской общины. Участие гулямов в качестве «третьей силы» во взаимоотношениях шаха Аббаса с иранскими армянами-христианами сделало положение армянской общины более устойчивым.

Позиция самих гулямов при дворе шаха Аббаса была шаткой не в последнюю очередь потому, что персы часто не признавали новообращенных полноценными верующими. Но лично шах Аббас не делал различия между принявшими ислам и урожденными мусульманами. Для него личные качества слуг значили больше, чем происхождение.

---

[284] Ibidem. С. 122.

[285] Чобанян П.Указ. соч. С. 158

Многим из шахских рабов-гулямов были оказаны высокие почести, например, упомянутый выше Карачагай-хан и его сын Имамверди-хан, погибшие в 1625 г. в Марткопском сражении во время грузинской кампании 1623-25 гг. (Карачагай-хан пал от меча грузинского полководца Георгия Саакадзе [1580 – 1629]), были похоронены в мавзолее в Мешхеде, там же ранее был похоронен Аллаверди-хан. Аббас I тяжело перенес поражение персидских войск и смерть Карачагай-хана, по словам турецкого историка XVII в. Ибрагима Печеви «За все эти 40 лет он более страшного удара, чем этот, не получил».[286]

Иногда привилегии гулямов становились наследственными. Так, сын Карачагай-хана Абульфатх Манучехр-хан после смерти отца стал правителем Мешхеда.

По мнению некоторых историков, «...формирование корпуса гулямов и создание армянской торговой общины – краеугольные камни правления шаха Аббаса».[287] Армяне-гулямы, принявшие ислам, сыграли важную роль в армяно-иранских этнокультурных связях эпохи правления Аббаса I. Полностью интегрировавшись в общество сефевидского Ирана, они достигали высоких государственных постов и помогали отстаивать интересы армянской общины. Влияние гулямов армянского происхождения на политику шаха Аббаса I по отношению к армянам-христианам еще недостаточно изучено. Возможно, более подробное изучение этого вопроса в дальнейшем позволит пролить свет на многие эпизоды истории рассматриваемого периода.

Очевидно, что во время правления шаха Аббаса I армяне во многом ориентировались на Европу; не были исключением в этом отношении даже армяне-гулямы. Доказательством тому служат их тесные связи с христианской армянской колонией Новая Джульфа, контакты с европейцами, интерес к европейскому искусству. Именно сочетание всех этих факторов и позволяет

[286] Печеви, Ибрагим Эфенди. История. – Баку: Издательство «Элм». – 1988. – С. 89.

[287] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit. C. 8.

говорить о сильной проевропейской направленности армян, выходящей за рамки религиозной принадлежности, что в целом не типично для XVII в. Можно говорить также о довольно высокой степени этнокультурной консолидации армян в рассматриваемый период вопреки конфессиональным перегородкам.

Во время правления шаха Аббаса I Иран стал одним из основных «узлов» (центров)[288] армянской диаспоры. Тогда же сложился двойственный, одновременно привилегированный и неполноправный статус армян в Иране, характерный и для последующих десятилетий XVII в.

Будучи тесно связаны с иранской экономикой, участвуя в политических делах страны проживания, армяне-христиане меньше подвергались дискриминации, чем другие религиозные меньшинства Ирана. Внося изменения в схемы международной торговли Ирана, формируя новые маршруты экспорта ближневосточного шелка в Европу и выступая в качестве посредников в контактах европейцев с персами, армяне усилили свою связь с европейскими державами. Не рассчитывая на помощь христианских стран, армяне смогли до некоторой степени интегрироваться в общество исламского Ирана, прежде всего за счет личных отношений с шахом Аббасом I и его ближайшим окружением.

Тесная этнокультурная связь армян и персов, присущая первым десятилетиям XVII в., выражалась в терпимом отношении и даже некотором интересе персов-мусульман к христианской обрядности; свободном владении персидским языком, свойственном армянам Новой Джульфы; их посреднической роли в ирано-европейских торговых отношениях.

Можно утверждать, что время правления Аббаса I – один из наиболее плодотворных периодов в истории армяно-иранских связей. Со смертью шаха

---

[288] Котин И.Ю. Побеги баньяна. Миграция населения из Индии и формирование «узлов» южноазиатской диаспоры. – СПб.: Петербургское востоковедение – 2003. – С. 14.

Аббаса I и восшествием на престол его внука шаха Сефи ситуация постепенно изменялась.

Глава 3. Армяно-иранские этнокультурные связи в 1629 – 1700 гг.

В рассматриваемый в этой главе исторический период произошло постепенное уменьшение влияния Новой Джульфы на жизнь сефевидского Ирана, началась переориентация армян с Ирана на Россию. Впрочем, некоторое время после смерти шаха Аббаса I армяне-христиане Новой Джульфы сохраняли свое особое положение. Несмотря на то, что практически сразу же после смерти шаха Аббаса I последовала отмена государственной монополии на шелк, шахские указы все еще гарантировали права армянских купцов.

Однако армянская торговая колония Новой Джульфы постепенно теряла непосредственную связь с верховными правителями: теперь армяне могли действовать только через посредников. Вследствие этого армянская христианская община начала утрачивать свой исключительный статус среди немусульманских общин сефевидского Ирана.

Время правления шаха Аббаса I было явно самым благоприятным периодом в развитии Новой Джульфы. При последующих шахах династии Сефевидов ситуация ухудшалась.

Процесс изменений затронул ключевые аспекты армяно-иранских этнокультурных связей. Уходили в прошлое особые отношения шахов сефевидской династии с влиятельными членами армянской общины Новой Джульфы. Ослабевало влияние армян-христиан на торговые контакты Ирана с Европой, сворачивалась посредническая деятельность армянских купцов в ирано-европейских связях и государственная деятельность армян, обращенных в ислам, во второй и третьей четверти XVII в.

1. Отношения сефевидских шахов с Новой Джульфой (1629 – конец XVII в.)

Отношения сефевидских шахов с Новой Джульфой менялись постепенно. По свидетельству Аракела Даврижеци, наследник Аббаса I, шах Сефи I (1629 – 1642) (*см. Приложение 8*), вступивший на сефевидский престол в 1629 г., обращался с христианами «сносно», потому что ему «...напоминали об

обхождении шаха Аббаса с армянским народом, а также о доброжелательстве армян к предку его». Историк оговаривается: «поэтому армяне легко переносили бедствия».[289]

Помимо прочего, эти бедствия были связаны с тем, что сразу после смерти Аббаса I в 1629 г. внутренняя обстановка Ирана изменилась не в лучшую сторону. Произошло восстание в Гиляне, причиной которого явилось оскудение податного сословия - *ра'ийятов*, прежде всего крестьян,[290] что также затрагивало армян, переселенных в Гилян в ходе великого *сургуна*.

В 1642 г., после смерти Сефи I и воцарения Аббаса II (1642 – 1666), отношения армянской общины и шахского двора изменились.

Будучи тесно связан с Новой Джульфой благодаря своей матери – армянке Анне-ханум (о ней см. ниже на стр.112), шах Аббас II, тем не менее, не выказывал глубокого интереса к армянской общине. Многие источники отмечают, что он мало заботился о своих подданных-армянах. По словам Даврижеци, шах «...хотя и слышал о событиях, связанных с армянами, но не видел их [своими] глазами...», поэтому шах и царедворцы «...не проявляли никакой заботы об армянах – ни попечения, ни жалости».[291]

Вместе с тем, хронист XVIII в. Есаи Хасан-Джалал высказывает об Аббасе II чрезвычайно спорное мнение: он пишет, что в дни правления последнего «...были отстроены все разоренные селения и города, а также страны Армения и Персия, ибо он был строитель и очень любил христиан. Поэтому повсеместно утвердились церкви, монастыри и обители, особенно же святопрестольный Эчмиадзин...»[292] Возможно, положительные изменения

---

[289] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 82.

[290] Петрушевский И.П. Народное восстание ... С. 225.

[291] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 82.

[292] Хасан-Джалал Есаи. Краткая история страны албанской (1702 – 1722). – Баку: Издательство «Элм». – 1989. – С. 17.

произошли не столько благодаря воле шаха, сколько в силу объективно проявившихся через несколько лет после заключения мира с османской Турцией в 1639 г. позитивных тенденций.

Современник событий, Закарий Канакерци также хвалебно отзывался об Аббасе II. По его утверждению, последний «...любил христиан. И когда устраивал он пиршества для вельмож и князей своих, звал он и знатных людей Джуги – ходжу Сафраза и ходжу Птума. Ходил он и в дома христиан, на их свадьбы и званые угощения, и не отличал их [от мусульман]. Был он правосуден и справедлив; оставался он таким всю свою жизнь».[293]

Характеризуя Аббаса II подобным образом, он повторяет все расхожие характеристики Аббаса I – интерес к армянам, равное отношение к христианам и мусульманам, справедливость.

Европейские же источники сходятся на том, что интерес шаха Аббаса II к Джульфе ограничивался его интересом к армянским женщинам. По свидетельству Жан-Батиста Тавернье, Аббас II забрал в гарем жену *калантара ходжи* Сафраза, сына *ходжи* Назара, бывшего *калантаром* при шахе Аббасе I. На следующий день он вернул ее домой с жемчужным колье.[294]

Эту же историю передает Жан Шарден: «Рассказывают, что Аббас II был прельщен одной армянкой, женой одного начальника, отец которого был судья. Муж путешествовал два года, когда царь пришел к нему со своим сералем, чтобы осмотреть красоту его жилища. Женщина была опытна и приняла царя так галантно, обращалась с ним с такой грацией, что он влюбился и забрал ее. Утверждают, что это единственный пример, когда персидские цари захватывали замужних женщин».[295]

---

[293] Канакерци Закарий. Указ. соч. С. 136.

[294] TavernierJ.-B. Op. cit. C. 185.

[295] Chardin J. Op. cit. T. III. C. 394-395.

Таверньe также пишет о том, что приближенный к Аббасу II Али Кули-хан ненавидел армян за отказ ссудить ему денег и настраивал Аббаса II против армянских священников, говоря, что это черти.[296]

Последние сведения, а также характеристика, данная шаху Аракелом Даврижеци, историком, известным своей объективностью, опровергают утверждения Закария Канакерци о хорошем знании армян и лояльном отношении к христианству, присущих Аббасу II, и позволяет предположить, что армянский хронист наделил Аббаса II качествами Аббаса I.

Несмотря на все разночтения, связанные с тем, как различные источники характеризуют Аббаса II, можно утверждать, что в этот период особые связи сефевидских шахов с армянской общиной Новой Джульфы еще сохранялись.

Сефи I продолжал политику Аббаса I в отношении армян, не принимая специальных мер, чтобы ограничить в правах этноконфессиональные меньшинства,[297] хотя во время его правления сильно изменилось экономическое положение армянской торговой колонии Новая Джульфа.

Аббас II был заинтересован в армянах существенно меньше, хотя при нем армяне, обращенные в ислам, достигли существенного преуспевания (см. выше раздел, посвященный государственной деятельности армян, обращенных в ислам). К тому же, несмотря на то, что Аббас II проводил в целом благоприятную для армян политику, его великие визири в 1645 и 1657 гг. предпринимали шаги, которые могли ухудшить положение армян и евреев. В целом эти действия укладываются в систему управления торговыми меньшинствами, выработанную при шахе Аббасе I.

О связях последующих сефевидских шахов, правивших в XVII в., – Сулеймана (1666 – 1694) и Султан-Хуссейна (1694 – 1729) с армянами не известно практически ничего. Во время их правления, в особенности в годы правления Султан-Хуссейна, обращение персов-мусульман с религиозными

---

[296] TavernierJ.-B. Op. cit. C. 210-211.

[297] Floor W. The economy ... C. 17.

меньшинствами сильно ухудшилось, шире стали применяться насильственные обращения в ислам.[298] В 1694 г. были проведены репрессии против зороастрийцев и христиан Новой Джульфы и их массовое обращение в ислам.

Потеря армянами своего уникального положения при сефевидском дворе изменила армяно-иранские этнокультурные связи, характерные для времени Аббаса I. Постепенно нарастающее после смерти шаха Аббаса I отчуждение армянской торговой общины Новая Джульфа от шахского двора заставило армян-христиан задуматься о возможности выхода из-под власти мусульман, и, в конечном итоге, обратиться за помощью к России.

2. Влияние коммерческой деятельности армян-христиан на контакты Ирана с Европой

Изменению положения армян-христиан после смерти Аббаса I способствовали некоторые изменения в экономической политике страны, отразившиеся и на коммерческой деятельности армянских купцов, а также изменившиеся отношения Ирана с европейскими державами, повлиявшие и на взаимоотношения армян и европейцев.

Прежде всего, изменился порядок купли-продажи шелка. В начале правления Сефи I «...аннулирование тамги *(государственной таможенной пошлины на торговлю шелком – Е. Р.)* позволило самим купцам скупать шелк у крестьян, не прибегая к посредничеству казны и не выплачивая соответствующих пошлин. Это сократило доходы государства, уменьшило поступление средств на регулярную армию, что привело к ее ослаблению, и в целом отразилось на экономике страны».[299]

---

[298] Хасан-Джалал Есаи. Указ. соч. С. 19.

[299] Павлова И.К. «Хуласат ас-Сийар Мухаммад-Ма'сума б. Ходжаги Исфагани» как источник по истории Ирана 30-х годов XVII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Л. . – 1986. – С. 10-11.

При этом общий порядок торговли и этноконфессиональный состав иранских купцов изменился мало.

Торговые операции внутри страны осуществлялись по большей части персами-мусульманами, а внешняя торговля Ирана преимущественно велась армянами и индусами и только в меньшей степени – самими персами.[300] Армяне сохраняли главные роли в международной торговле сефевидского Ирана, так как на протяжении всего XVII в. турецкий и средиземноморский пути были главными путями ирано-европейской торговли.[301] Армяне также были лидерами караванной и морской торговли региона.

Они по-прежнему вели торговлю одновременно во многих направлениях. Еще при шахе Аббасе I армяне стали торговать с Венецией,[302] и до конца XVII в. продолжали вести интенсивную торговлю с другими итальянскими республиками.[303] Иранские армяне вели переговоры о торговле шелком с испанцами, португальцами, англичанами. В 20-х гг. XVII в. началась значительная торговля с Францией, в 30-х – с Голландией.[304]

С иранскими товарами армянские купцы ездили не только в Европу, но и в Азию – в Индию, на Яву и Филиппины.[305] Во второй половине XVII в.

---

[300] Куция К.К. Города и городская жизнь Сефевидского Ирана. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тбилиси: Издательство Тбилисского Университета. – 1967. – С. 18.

[301] Байбуртян В.А. Армянское поселение ... С. 167.

[302] Huwiyān A. Op. cit. C. 76.

[303] Байбуртян В.А. Армянская колония ... С. 67.

[304] Там же. С. 68.

[305] Tavernier J.-B. Op. cit. C. 63.

армянские путешественники добирались и до таких экзотических мест, как Огненная Земля.[306]

В отличие от эпохи Аббаса I, при его преемниках армяне не рассчитывали на справедливый суд при торговых неудачах. В таком случае они просто не возвращались в Иран, опасаясь не только штрафов, но и физических наказаний.[307] Но армянские купцы были, видимо, все же надежней купцов-мусульман. Неприхотливость армян снова оказывается важным фактором, они довольствовались меньшим набором социальных благ, чем персы и европейцы.[308]

Несмотря на отсутствие гарантий и стабильности, ослабление государственного контроля в целом положительно сказалось на торговой деятельности армянской торговой колонии Новая Джульфа.[309]

Поколебать позиции армян в Иране не могло даже усиление там влияния европейских стран после смерти шаха Аббаса. В 1629 г. англичане и голландцы получили право свободной торговли в Иране. Но «... несмотря на столь широкие права и привилегии ни голландцам, ни англичанам не удалось вытеснить армянский торговый капитал с его ведущего места во внешней торговле Ирана; несмотря на специальный договор с иранским правительством голландцам все же не удалось монополизировать торговлю шелком-сырцом».[310] После смерти Аббаса I голландцы прочно утвердились на иранском шелковом рынке, но даже тогда, как замечает В.А. Байбуртян, «...армянские купцы

---

[306] Matiossián V. Armenios de Irán en España y Sudamérica en los siglos XVII y XVIII. // Transoxiana. – № 12 . – 2007. URL: http://www.transoxiana.org/12/matiossian-armenia_america.php (дата обращения: 16.07.2008)

[307] Tavernier J.-B. Op. cit. C. 63.

[308] Baibourtian V. Op. cit. C. 102.

[309] Ferrier R.W. Op. cit. C. 44.

[310] Байбуртян В.А. Армянская колония ... С. 63.

вывозили шелка-сырца намного больше, чем голландцы и англичане, вместе взятые».[311]

При этом существовали причины, по которым в указанный период иранская внешняя торговля, в особенности торговля шелком, сокращалась. Этому способствовало освоение в Европе производства тех изделий, которые раньше ввозились из Ирана. Значительно сократился экспорт иранских тканей.[312]

Существовали также культурные предпосылки для сокращения экспорта шелка-сырца в Европу. Арабский историк утверждает, что причиной этого стало распространение аскетизма, который предписывал отказ от роскоши.[313]

Сокращение торговли шелком отрицательно сказывалось на армянской торговой колонии. Все европейские путешественники, посещавшие Новую Джульфу во второй половине XVII в., отмечают упадок и обеднение армянских купцов.

Несмотря на это, армянские купцы продолжали пользоваться некоторыми привилегиями. С Новой Джульфы по-прежнему взимались пониженные налоги, а сама колония пользовалась ограниченным налоговым иммунитетом и личным покровительством шаха. Налоги распределялись внутри общины. Армяне, отмечал Шарден, «...собирают налоги сами, распределяют их среди своих, как считают нужным и делают это с милосердием и вниманием к бедным».[314]

---

[311] Там же.

[312] Куция К.К.Указ. соч. С. 7.

[313] Musavi. Указ. соч. С. 100.

[314] Chardin J. Op. cit. T. II. C. 110.

При общем нарастающем упадке некоторые армянские купцы были все же чрезвычайно богаты. Самым богатым на тот период был признан *ходжа* Петрос, наследство которого составило 40 тысяч туманов в звонкой монете.[315]

3. Этнокультурные особенности армян Ирана и их посредническая роль

Несмотря на некоторое сокращение коммерческой деятельности, армянская торговая колония Новая Джульфа продолжала развиваться. Отстраивались новые здания, которые, однако, не шли в сравнение с постройками времен Аббаса I. По словам Шардена, в новой части города «...все засажено деревьями, но жилища не так хороши, как в старой колонии, по причине того, что жители не так богаты, не так уважаемы и не обласканы вниманием местных властей».[316] Вместе с тем, другой европейский путешественник отмечает, что в Новой Джульфе дома вообще более красивы и лучше построены, чем в Исфахане.[317]

В Новой Джульфе активно продолжалось также церковное строительство. Был воздвигнут собор *Сурб Аменап'ркич* (Святого Всеспасителя) в память об одноименном монастыре Джуги.[318]

Епархия армянской церкви Новой Джульфы, которая «...до 1631 г. была просто религиозным представительством небольшой привилегированной торговой общины...»,[319] теперь окормляла всех иранских армян-христиан.

---

[315] Tavernier J.-B.Op. cit. C. 63.

[316] Chardin J. Op. cit. T. II. C. 106.

[317] Tavernier J.-B.Op. cit. C. 56.

[318] Тэр-Ованеанц Х. Указ. соч. Т.2. С 1.

[319] Ghougassian V.S. Op. cit. C. 94.

Культурная жизнь армянской общины в описываемый период времени бурно развивалась. В 1630 г. настоятель монастыря *Аменап'ркич* Хачатур Кесараци открыл в Новой Джульфе армянскую школу, отделение Сюнийской школы (университета). Там изучали прежде всего христианские священные тексты на армянском языке, а также музыку, поэзию, каллиграфию, философию. В 1638 г. при этой школе было создано первое в Иране книжное издательство.[320] В течение нескольких десятилетий там издавалась христианская литература на армянском языке, пока издательство не было закрыто шахом Султан-Хуссейном.[321]

Краткий расцвет армянского просвещения и книгоиздательства сразу после смерти шаха Аббаса I – обычная для мировой истории «оттепель» после смерти тирана. Основными последствиями этого расцвета стали два обстоятельства. Во-первых, контакты Сюнийской и Новоджульфинской школ усилили представление о единстве армянского народа и о необходимости сплотиться вокруг одного из важнейших символов армянского христианства – Эчмиадзина. Во-вторых, развитие книгопечатания помогло распространению среди иранских армян-христиан идей об освобождении из-под власти мусульманских держав.[322]

При этом после кончины шаха Аббаса I армянам стало труднее добиваться возможности возводить в Иране христианские храмы, часто они были вынуждены обращаться за поддержкой к европейским дипломатам.[323]

---

[320] Dānešnāme-ye irāniyān-e Armani. / Be kušeš-e Žānet De Lazariyān. – Tehrān: Entešārāt-e xirmand. – 1382. – C. 32.

[321] Dānešnāme-ye irāniyān-e Armani. C. 693.

[322] Baibourtian V. Op. cit. C. 57.

[323] Olearius A. The voyages and travels of the ambassadors from the Duke of Holstein, to the Great Duke of Muscovy and the King of Persia. Begun from the year M. DC. XXXIII. and

Причиной этих сложностей было недовольство некоторой части персов-мусульман (главным образом шиитского духовенства) тем, как армяне-христиане влияли на окружающее их мусульманское население. По мнению Адама Олеария, основная причина, по которой персы-мусульмане позволяют армянам жить среди них – вино, которое армяне производят.[324]

Армянам стало особенно сложно отстаивать свои интересы перед властями после 1660 г., когда клан Сафарьянц – потомков *ходжи* Хачика, правителя Джуги, лишился наследственного поста *калантаров* Новой Джульфы. Новые *калантары* часто менялись, их было легче сместить, они принимали ислам.[325]

Даже в Новой Джульфе периодически происходило насильственное обращение армян в ислам. В отличие от эпохи Аббаса I, личное покровительство шаха больше не защищало их, а поскольку законодательные функции государства находились в руках мусульманского духовенства, последнему удавалось применять ряд законодательных актов против иноверцев, принуждая представителей некоторых слоев армянского населения принять ислам.[326]

По-прежнему широко использовался «закон имама Джа'фара», хотя иногда армяне пытались обойти его, за определенную плату назначая мусульман правообладателями своей собственности и фактически продолжая ей распоряжаться.[327]

---

finished in M. DC. XXXIX. Containing a compleat History of Muscovy, Tartary, Persia, and other adjacent Countries. – L.: For Thomas Dring and John Starkey – 1662. – C. 213.

[324] Ibidem. C. 311.

[325] Ghougassian V.S. Op. cit. C. 61.

[326] Папазян А.Д. Аграрные отношения ... С. 158-159.

[327] Эзов Г.А. Внутренний быт древней Армении. Историческое исследование. СПб.: Типография морского министерства. – 1859. – С. XII.

Несмотря на то, что армянская торговая община Ирана постепенно утрачивала свое уникальное место, положение христиан в Персии во второй половине XVII в. было лучше, чем в других мусульманских регионах. В Египте, например, христианам было запрещено ездить верхом на любых верховых животных, кроме осла, и вообще передвигаться верхом в пределах города,[328] тогда как иранским армянам было позволено даже иметь золотую уздечку на лошадях.[329]

Армяне Новой Джульфы имели возможность владеть землей и обладали налоговыми льготами.[330] Речь идет, прежде всего, о земельной собственности монастырей.

Армянская община Ирана продолжала сохранять свое место в посредничестве при контактах европейцев с Ираном. Европейцев, прибывших в Иран, по-прежнему селили среди армян Новой Джульфы.[331] Армяне, как и раньше, владели иностранными языками, необходимыми для торговли и для дипломатических контактов с иностранцами: помимо персидского и турецкого, нёкоторые из них говорили по-итальянски и по-французски, выучив эти языки во время путешествий в Европу.[332]

Одним из важнейших вопросов при исследовании армяно-иранских этнокультурных связей описываемого периода является изменение качества интереса мусульман к христианской обрядности. Как и при шахе Аббасе I, знатные персы посещали армянские церкви и крестные ходы в дни крупных христианских праздников, таких, как праздник Водосвятия, и приглашали с

---

[328] Лехаци Симеон. Указ. соч. С. 203.

[329] Tavernier J.-B. Op. cit. C. 66.

[330] Ibidem.

[331] Olearius . Op. cit. C. 210.

[332] Tavernier J.-B. Op. cit. C. 67.

собой европейских путешественников.[333] Широко отмечать религиозные праздники, устраивать в эти дни различные представления и концерты для развлечения персов стало обязанностью армянской христианской общины Ирана, причем армяне могли отменить празднование только по прямому приказу правителя.[334] К концу XVIII в. в Османской империи чиновники также стали посещать иерархов различных христианских конфессий во время религиозных праздников.[335]

Посещая европейские страны, иранские армяне способствовали привнесению элементов европейской культуры в сефевидский Иран.

Это касалось, во-первых, распространения в Иране европейских товаров. На базаре в Исфахане армянские купцы торговали «...всевозможными сукнами из Европы, из Англии и Голландии, ярко-красными венецианскими, а также некоторыми другими редкими для Персии товарами».[336] Посредничество армян между Европой и Ираном происходило подчас в неожиданных сферах. Например, армяне внедрили в Иране особый способ выкармливания каплунов и пулярок.[337]

Экспорт европейских ценностей не ограничивался материальными сферами. В Европе иранские армяне знакомились с европейским изобразительным искусством. Иногда они пытались заимствовать его элементы, что имело неожиданные последствия в мусульманской Персии.

---

[333] Olearius . Op. cit. C. 211.

[334] Olearius . Op. cit. C. 401.

[335] Кириллина С.А. Восточное Средиземноморье конца XVIII в. глазами российского паломника Мелетия. // Meyeriana. Сборник статей, посвященный 70-летию М.С. Мейера. / отв. редактор Ф.М. Ацамба., – Т.I. – М.: Академия гуманитарных исследований. – 2006. – С. 119.

[336] Tavernier J.-B. Op. cit. C. 42.

[337] Tavernier J.-B. Op. cit. C. 21, 282.

Например, купец Аветис, увидев европейскую живопись, по возвращении в Джульфу «...надоедал епископу и монахам, чтобы ему позволили разрисовать церковь. Она была прежде голая, как принято у армян... После долгого сопротивления они, наконец, согласились, в чем сильно раскаялись потом. Мусульмане ходили в эту церковь, как в театр, чтобы развлекаться видом этих картин». Персы-мусульмане, посещавшие по-европейски расписанную церковь, заподозрили армян в идолопоклонстве, но не разрешили убрать картины, чтобы продолжать «развлекаться».[338]

Армяне Ирана испытывали давление и со стороны персов-мусульман, и со стороны европейских миссионеров. Во время правления следующих за Аббасом I сефевидских шахов миссионеры, посещавшие Иран, стали проявлять особенную настойчивость в обращении иранских армян в католицизм. Это привело к ухудшению отношений европейских миссионеров с Новой Джульфой и даже к соперничеству, которое раньше сдерживал страх перед Аббасом I. Борьба между католическими миссионерами и армянской торговой колонией Новой Джульфы во главе с *калантаром* и епископом продолжалась до самого конца XVII в.

Обе стороны пытались заручиться поддержкой шахского двора. Армяне использовали в основном петиции жене шаха Анне-ханум, официальной владелице Новой Джульфы.[339]

При этом, как и во времена шаха Аббаса I, армяне Новой Джульфы принимали миссионеров, ценили образование, которое давали католические школы, но, как правило, «...латинофильство среди армянского населения ничего общего не имело с религией...». Из общения с миссионерами извлекала выгоды главным образом «...часть крупных армянских купцов,

---

[338] Chardin J. Op. cit. T. II. C. 106.

[339] Ghougassian V.S. Op. cit. C. 145-146.

поддерживавших деловые связи и отношения с торговыми домами Западной Европы...»[340]

Некоторые крупные купцы Новой Джульфы принимали католичество. Самой известной семьей армян-католиков в Новой Джульфе была семья Шариманянов, субсидировавшая миссию кармелитов в Иране, но она была скорее исключением из правила.[341]

Европейский путешественник отмечает, что большинство армян, как и раньше, «...слишком привержены своей *(религии- Е. Р.)*, и не хотят даже слышать о чем-то ином. Известно, что в другие времена только коммерческий интерес мог заставить их делать вид, что они интересуются другим».[342] Он указывает на то, что армяне «...уважают миссионеров, так что есть в Персии уважение к европейцам», но «...больше всего они не терпят, чтобы миссионеры обращали кого-нибудь из их детей. Они угрожают, что если это произойдет, они пожалуются губернатору, что франки хотят захватить над ними власть».[343] Реакцией на попытки принудить армян принять католичество была их усиливающаяся враждебность по отношению к европейцам.[344]

Возрастающее напряжение в отношениях с европейцами и ухудшение коммерческих перспектив заставило иранских армян задуматься о поиске иных союзников и, в конечном итоге, обратиться к России.

Даже оставаясь христианами, иранские и турецкие армяне восприняли многие обычаи стран, в которых жили. Иногда европейские обычаи удивляли их не меньше, чем мусульман. Османский армянин, описывая свою поездку в

---

[340] Мартиросян А.У. Указ. соч. С. 140.

[341] Байбуртян В.А. Указ. соч. С. 135.

[342] Tavernier J.-B. Op. cit. C. 67-68.

[343] Chardin J. Op. cit. T. II.C. 109.

[344] Baibourtian V. Op. cit. C. 58.

Версаль во второй половине XVII в., отдельно отмечает, что французский король обедает вместе с женщинами: «Он и его жена вместе садятся за стол, король на правой стороне, а жена на левой; на правой стороне зала сын короля и его жена, против короля – брат и его жена, на левой стороне двоюродный брат, или же двоюродная сестра».[345]

Европейские путешественники, высказываясь о нравах окружающих их в Иране армян, обращали особое внимание на женский национальный костюм. По описаниям Тавернье, армянки Новой Джульфы богато одеты, носят венецианскую парчу и другие роскошные ткани, которые делают в христианском мире.[346] Путешественник уделяет особое внимание хиджабу у армянок, уточнив, что у них «...голова покрыта такой тканью, которая, кажется, будто прикреплена к подбородку»[347] (*см. Приложения 13, 14*).

Он отмечает также их затворнический образ жизни, объясняя, что женщины говорят только на армянском языке, так как не ведут никакой торговли с иностранцами и редко покидают дом.[348]

Таким образом, бытовой уклад армянских женщин Ирана в XVII в. мало отличался от положения мусульманок или затворниц из русских теремов. В каком-то смысле армяне оказались ближе всего к русским, чем к западным европейцам, не только по религии, но и по культуре.

Персы-мусульмане также продолжали отнимать у армян красивых девушек для гаремов. Поэтому армяне стали обручать и женить детей в самом раннем детстве, так как персы вынуждены уважать тех, кто обручен, и не

---

[345] Орбели И.А. Описание Версаля в армянской записи 1683 г. // Отдельный оттиск из Известий Российской академии истории материальной культуры. – Т. 1., № 33. – Л. – 1921. – С. 398.

[346] Tavernier J.-B. Op. cit. C. 66.

[347] Ibidem. C. 272.

[348] Ibidem. C. 67.

трогать их. Обычай забирать армянских девушек в гаремы, как и закон имама Джа'фара породил злоупотребления среди «плохих» христиан: «они доносят на других, заявляя, чтобы схватили их дочерей, которые хороши, и раскрывая места, где те спрятаны».349

Однако в большинстве случаев в описываемый период, как и ранее, при шахе Аббасе I, семьи иранских армян были необычайно крепкими и многочисленными. По словам Шардена, ему встречались армяне, «...семьи которых насчитывают более 500 человек, связанных родственными узами. Это связано с тем, что все они женятся, они боятся безбрачия и бесплодия... Также их семьи существуют веками».[350]

Ухудшение положения армян Новой Джульфы, внутренние проблемы армянской торговой колонии сказывались на положении всех армян сефевидского Ирана. Как и во времена правления шаха Аббаса I, во второй половине XVII в. положение армян Закавказья было особенно сложным. С одной стороны, заключение мира между Ираном и Турцией принесло в регион некоторую стабильность, были определены границы, поддерживался мир до конца XVII в. Благодаря этому, во второй и третьей четверти XVII в. стали интенсивно развиваться Ереван и другие города, заселенные армянами.[351]

---

[349] Chardin J. Op. cit. T. III. C. 394-395.

[350] Chardin J. Op. cit. T. II. C. 122.

[351] Amirdjanyan L. La vie économique d'Erevan selon les voyageurs européens (XVIe – première moitié du XIXe siecle). // Armeniaca. Etudes d'histoire et de culture arméniennes. / textes réunis par Robert Dermerguerian. – Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence. – 2004. – C. 230

Развитие части городов Закавказья привело к расцвету ремесленного производства и обогащению армян-ремесленников, составлявших большинство населения.[352]

Время, когда внешняя торговля Ирана и, соответственно, коммерческая деятельность иранских купцов-армян переживали кризис, в Османской империи характеризуется значительным ростом армянского торгового капитала, причем этот рост продолжался с 30-х гг. до конца XVII в.[353] Однако армяне никогда не монополизировали торговлю Османской империи. Там чрезвычайно активно действовали греки, славяне, евреи, левантийцы. На долю армян приходилась торговля пряжей и мануфактурой, скобяными и металлическими изделиями, ювелирными предметами, бакалеей.[354]

В конце XVII в. в Закавказье расцвет сменился упадком, который был связан с упадком производительных сил в сельском хозяйстве, главным образом, с ухудшением состояния оросительных сетей.[355] Отношения с мусульманским большинством оставались напряженными, продолжалось насильственное обращение в ислам.

Сильное землетрясение, произошедшее в 1679 г. в Араратской долине, нанесло большие разрушения инфраструктуре Еревана, когда рухнули

---

[352] Melkonyan A. L'Arménie de l'Ouest dans la sphère des relations commerciales de l'Est et de l'Ouest. // Armeniaca. Etudes d'histoire et de culture arméniennes. / textes réunis par Robert Dermerguerian. – Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence. – 2004. – C. 243.

[353] Zekiyan B.L. Christianity to modernity. // The Armenians. Past and present in the making of national identity. / edited by Edmund Herzig and Marina Kurkchiyan. – New York: Routledge Curson. – 2005. C. 55.

[354] Инджикян О.Г. Буржуазия Османской империи. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1977. – С 30, 157.

[355] Гейдаров М.Х. Указ. соч. С. 113.

Ереванская крепость, мечеть и минареты.[356] Армяне – сельские жители Закавказья по-прежнему должны были выплачивать тяжелые налоги, несмотря на несколько голодных периодов, которые они пережили в 1663 г., 70-х гг. XVII в. и в 1681 г.[357]

Сложное положение армян Закавказья под властью сефевидов с 1629 г. до конца XVII в. и ослабление связей армян с шахами династии Сефевидов не могли не сказаться на статусе Эчмиадзина как центра армянской церкви.

Во время правления шаха Сефи I католикосу Мовсесу Сюнеци удалось добиться отмены ежегодной подати - *муката*, наложенной на Эчмиадзин Аббасом I, затем, в первые годы правления Аббаса II «...повсеместно утвердились церкви, монастыри и обители, особенно же святопрестольный Эчмиадзин ... при святейшем патриархе Филлипосе...»[358] Однако после восшествия на престол католикоса Акопа *(см. Приложение 5)* произошло значительное ослабление влияния армянской церкви в Закавказье. Кризис был вызван расточительностью и долгами главы Эчмиадзина, а также его неспособностью урегулировать отношения с константинопольским патриархом.[359] Католикос Акоп не мог заручиться ничьей поддержкой, так как «...персы и армяне в равной степени были раздражены его расходами и его безумным предприятием, никто не хотел давать денег....»[360] Результатом внутренних проблем Эчмиадзина стало то, что в Закавказье участились переходы армян в католичество.[361]

---

[356] Канакерци Закарий. Указ. соч. С. 196.

[357] Гейдаров М.Х. Указ. соч. С. 174.

[358] Хасан-Джалал Есаи. Указ. соч. С. 18.

[359] Chardin J. Op. cit. T. II. C. 249.

[360] Chardin J. Op. cit. T. II. C. 238.

[361] Ереванци Симеон. Указ. соч. С. 127.

Таким образом, как и во время правления шаха Аббаса, так и после его смерти, в XVII в. армяне Закавказья были наименее защищены как неполноправное религиозное меньшинство, живущее на неблагополучной окраине сефевидской державы. После смерти шаха Аббаса I, когда даже богатые купцы Новой Джульфы не могли рассчитывать на шахскую защиту от персов-мусульман, основная часть армянского населения сефевидского Ирана, в особенности закавказских его областей, находилась в еще более стесненных условиях. Положение армян, населявших Закавказье, менялось в худшую сторону параллельно с ослаблением армянской торговой колонии Новая Джульфа.

Вместе с тем, для многих иранских армян, особенно для жителей центральных районов Ирана, было характерно стремление вернуться в покинутую ими во время великого *сургуна* Армению. Они продолжали считать своей родиной область Закавказья, исторически заселенную армянами.

По утверждению Аракела Даврижеци, жители Новой Джульфы «...сетуют, вздыхают, томятся и мучаются, чтобы ...явно или тайно вернуться в Армению, и не могут».[362] Это стремление не зависело от экономической ситуации, так как, по словам Тавернье, армяне Новой Джульфы «...разбогатели, и теперь не имеют причин горевать о земле их предков».[363] Это подтверждается и тем, что в источниках нет упоминаний о массовых возвращениях армян на родину в период с 1629 до конца XVII в. Идея возвращения армян на историческую родину из Ирана, «... ощущение своей чужеродности в принимающей стране»[364] у армян середины – конца XVII в. послужили началом нового этапа борьбы за выход из-под власти мусульманских держав.

---

[362] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 83.

[363] Tavernier J.-B.Op. cit. C. 58.

[364] Попков В. Феномен этнических диаспор. – М.: ИС РАН. – 2003. – С. 15.

Сложности во внешней торговле Ирана, ухудшающиеся условия коммерческой деятельности армянских купцов-христиан, охлаждение в отношениях армян Новой Джульфы с европейцами объективно ухудшили положение армян-христиан в Иране второй половины XVII в.

4. Изменение положения армян, обращенных в ислам

В то время как со смертью шаха Аббаса I армяне-христиане постепенно начали утрачивать свое влияние, положение армян, перешедших в ислам, и в особенности армян-гулямов и армянок из шахского гарема даже улучшилось.

Дело в том, что после смерти шаха Аббаса I в 1629 г. усилилось влияние гулямов,[365] а соответственно, и гулямов-армян. Будучи тесно связаны с шахским двором, они отреагировали на то, что власть в гареме захватили наложницы немусульманского происхождения.

С точки зрения арабского историка Мустафы Муртады аль-Мусави, падение династии Сефевидов началось сразу после смерти Аббаса I из-за коррумпированности последующих шахов и их зависимости от гарема, то есть от жен и придворных евнухов.[366]

Мать следующего за Аббасом I шаха, Сефи I, была грузинкой, его жена, мать Аббаса II, возможно, армянкой. Последняя – Анна-ханум – достигла особенно большого политического влияния. Она действовала через свое доверенное лицо – вазира Сарутаки, который во многом определял всю внутреннюю политику Сефевидов.[367] Анна-ханум также лично контролировала жизнь общины Новой Джульфы и до 1647 г. получала от армянской диаспоры

---

[365] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit. C. 11.

[366] al-Musawi M.M. Persian trade under the Safavids (1514 – 1722). // Sumer. A journal of archaeology and history in Iraq. – Vol. XXV. – №№I – II. – Baghdad: The directorate of antiquities. – 1969. – C. 100.

[367] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit. C. 44.

подати, так называемый «налог на обувь».[368] После убийства Сарутаки в 1647 г. возможности Анны-ханум резко сократились. Ослабление ее власти в первую очередь коснулось армян-христиан: участились попытки их насильственного обращения в ислам. Однако оно привело к другим событиям в среде обращенных в ислам армян.[369]

Период с 1629 по 1647 гг. можно считать наиболее благоприятным для армян-мусульман при дворе Сефевидских шахов.

Сарутаки был не только вазиром, но и правителем главных шелководческих областей Ирана, Гиляна и Мазендарана.[370] Через Анну-ханум он сотрудничал с армянскими купцами – экспортерами шелка. В этой деятельности активное участие принимали также гулямы армянского происхождения, которые продолжали контролировать внутреннюю торговлю Ирана.[371]

Параллельно с торговлей армяне-гулямы в большинстве случаев несли также военную службу.[372]

Как и во времена правления шаха Аббаса I, армяне-гулямы продолжали влиять на культурную жизнь сефевидского Ирана. Например, потомки шахского гуляма армянского происхождения Карачагай-хана интересовались живописью, миниатюрами и собирали для Ирана, и прежде всего для Мешхеда, который этот клан контролировал с 1617 по 1665 гг., предметы европейского искусства.[373] Но их интерес к искусству не ограничивался Европой. Если сам

---

[368] Ibidem. C. 46.

[369] Ibidem. C. 45.

[370] Ibidem. C. 65.

[371] Ibidem. C. 51.

[372] Olearius A. Op. cit. C. 208-209.

[373] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit. C. 130.

Карачагай-хан стал известен как коллекционер редкого китайского фарфора, то его потомки прославились изданием разнообразных иллюстрированных текстов. В этот период гулямы практически заменили кызылбашей не только как правители различных областей, но и как покровители искусства и науки. Один из сыновей Карачагай-хана, Манучехр-хан, интересовался астрономией и руководил переводом с арабского на персидский ряда научных произведений. Его сын, Карачагай-хан, названный в честь своего знаменитого деда, унаследовавший пост правителя Мешхеда, также покровительствовал искусствам. Он прославился изданием иллюстрированных копий таких произведений иранской поэзии, как «Шах-наме» Фирдауси и «Фархад и Ширин» Вахши. Сын Аллаверди-хана Имамкули-хан, которому иногда приписывают грузинское происхождение, унаследовал место правителя Фарса и прославился как покровитель художников, каллиграфов и поэтов.[374]

Так потомки гулямов армянского происхождения, сохраняя интерес к изобразительному искусству и поэзии, участвовали в культурной жизни сефевидского Ирана, постепенно порывая связи с армянским народом.

Участие армянских гулямов в торговой деятельности предполагало по-прежнему тесные связи армян-мусульман с армянами-христианами и участие обращенных в ислам армян в жизни Новой Джульфы. Интерес некоторых гулямов к европейскому изобразительному искусству, возможно, также объясняется их христианским происхождением. Вместе с тем влияние армян, обращенных в ислам, на деятельность шахского двора «было символическим выражением той экономической роли, которую играла эта группа гулямов, в то время как влияние Новой Джульфы сокращалось».[375]

Будучи тесно связаны с шахским двором, армяне-мусульмане преуспевали. Во время правления следующих за Аббасом I шахов армянам, обращенным в ислам, на какое-то время удалось упрочить свои позиции. Но, в

[374] Ibidem. C 121.

[375] Ibidem. C. 72.

отличие от времени правления шаха Аббаса I, сотрудничество христиан с мусульманами в рамках торговой колонии Новая Джульфа было вынужденным и не приносило армянам-христианам прежней пользы.

Таким образом, в период от смерти шаха Аббаса I в 1629 г. до конца XVII в. в армяно-иранских этнокультурных связях, произошли следующие изменения.

Ослабла связь крупного армянского капитала Новой Джульфы лично с шахом и с шахским двором, уменьшилась заинтересованность шахов в коммерческой деятельности армянских купцов, армяне-христиане стали прибегать к услугам посредников при общении с шахом. Осложнились отношения Новой Джульфы с католическими миссионерами, армяне стали понемногу отходить от ориентации на европейские державы. В первые годы правления шаха Аббаса II произошло некоторое возвышение армян, перешедших в ислам – шахских гулямов и наложниц.

Армяне-мусульмане лучше интегрировались в среду персов-мусульман, заняли важное место в сефевидской иерархии власти. Армяне-христиане, отдалившись от шахского двора, интенсивнее стали искать возможности выйти из-под власти сефевидской державы с помощью внешней силы.

Глава 4. Армяно-иранские этнокультурные связи XVII в. и Россия

Для выявления роли России в армяно-иранских этнокультурных связях важны, прежде всего, следующие аспекты: роль армян в становлении ирано-российских отношений в XII – XVII вв.; попытки иранских армян самостоятельно строить отношения с Российским государством и начало нового этапа армяно-российских отношений при Петре I.

1. Роль армян в становлении ирано-российских отношений

Начало российско-армянских отношений обычно относят к XII в., когда установились более или менее постоянные торговые и социокультурные связи между Русью и Закавказьем. Между тем, еще в XI в. воинские части Руси принимали участие в войнах армянского и грузинского народов против сельджукских завоевателей. В то же время в войсках киевского великого князя в сражениях против половцев принимал участие армянский отряд, киевские князья приглашали на военную службу армянских воинов и высоко ценили их заслуги и военное искусство.[376]

Большую роль в установлении армяно-российских связей сыграли также армянские колонии, возникшие в Киевской Руси в X – XI вв. Армянское население Киева, состоявшее в основном из ремесленников и купцов, постоянно увеличивалось. Драгоценные восточные товары, привозимые армянами, так и назывались: «армянские». Армяне принимали участие в экономической и культурной жизни города, а также в его защите от внешних врагов.

---

[376] Хачатрян А.Н. Армянское войско в XVIII веке. Из истории армяно-русского содружества. (Исследование и документы). – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1968. – С. 15.

В XII – XIII вв. армяне расселились в Крыму и Поволжье, а после XIV в. – в Речи Посполитой и центральных и северных областях России.[377]

Армянские торговцы были в числе первых, кто оценил выгоды ведения торговли с Московским государством и перспективы развития транзитных путей в Европу.[378] Прямые свидетельства о посещении армянами Москвы относятся к 1390 г.[379]

Дальнейшему развитию армяно-российских экономических отношений в большой степени способствовало открытие волжского речного пути, когда в 1552 – 1556 гг. царю Ивану Грозному (1533 – 1584) удалось взять города Казань и Астрахань. После этих событий специальное посольство армянских купцов Закавказья получило от него право свободной торговли с Россией через Астрахань.

Армянские купцы ввозили в Россию шелк, драгоценные камни, ладан, пряности и другие восточные товары. Вместе с купцами в Россию перебралась часть армянского населения Кавказа. В Астрахани возникла большая армянская колония, которая сыграла значительную роль в развитии торговли на юге России. Армянские купцы действовали также в Архангельске, Новгороде, Пскове, Смоленске, Москве.[380]

---

[377] Галустян Дж.О. Культурная жизнь армянских колоний средневековой Польши. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР – 1981. – С. 25.

[378] Степанян А.В. Роль армян Новой Джуги в русско-иранских культурных взаимоотношениях (XVII – XVIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ереван: Институт востоковедения АН Армянской ССР. – 1990. – С. 4.

[379] Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV – XV веках. – М: Издательство МГУ. – 1957. – С. 215.

[380] Григорян А.В. Из истории армянской колонии Москвы (XIV - первая половина XIX в.) // Этнические группы в городах европейской части СССР. – М.: МФГО. – 1987. – С. 49.

В этот период армянские архитекторы и строители участвовали в строительстве храмов в разных городах России. Этим объясняется наличие во многих церквях и монастырях на Руси отдельных часовен, притворов и приделов, посвященных армянским святым. В первую очередь известен придел Григория Просветителя (*Лусаворича*) в Покровском соборе (соборе Василия Блаженного) в Москве.

Русские цари были заинтересованы в армянах, так как армяне служили посредниками в торговле между Западом и Востоком, в их руках скапливались немалые богатства. Армяне так же отличались сравнительно высокой образованностью, исправно платили налоги и, как правило, выполняли взятые на себя обязательства.[381]

Первые попытки установления политических и экономических отношений между Российским и Сефевидским государствами были предприняты во время правления, соответственно, Ивана Грозного и Тахмаспа I (1524 – 1576). Регулярные отношения между двумя странами начались в 1586 г. по инициативе Султан Мохаммед-шаха Ходабенде (1531-1595), когда «... страны начинают обмениваться большими по численности посольствами, которые затрачивают на проезд и пребывание по году-два, иногда больше».[382]

Таким образом, к тому времени, как в конце XVI в. начались непосредственные дипломатические и торговые контакты Ирана и России, армяне имели в России значительную материальную и культурную базу.

---

[381] Брокгауз и Эфрон. Армяне на Руси и в Польше. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. URL: http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/005/5355.htm (дата обращения: 07.08.2007)

[382] Мамедова Н.М. Российско-иранские экономические отношения (история, современное состояние и перспективы). // Россия и Иран. Иранистика в Татарстане. Сборник статей. М.: Издательство «Палея-Мишин». – 2001. – С. 136.

Постепенно развивались торгово-экономические, а также политические контакты России и сефевидского Ирана, построенные на противостоянии Османской империи.[383]

Однако к концу XVI в. культурные связи России и Ирана оставались довольно скромными, выражаясь главным образом «в обмене предметами материальной и художественной культуры».[384] Армянские купцы сыграли в этом обмене решающее значение, обеспечивая для двух соседних стран «определенное взаимопроникновение культурных ценностей».[385]

В XVI – XVII вв. военные, экономические и культурные связи российского и армянского народов все более развивались и укреплялись.[386] В том, что в XVII в. российско-иранские взаимоотношения вышли на новый, более высокий уровень, несомненно, была значительная заслуга армян, выполнявших посреднические функции.

2. Армяне в ирано-российских отношениях XVII в.

В XVII в. российско-иранские связи стали более тесными. После восшествия на престол династии Романовых в 1613 г. российское правительство начало придавать все большее значение укреплению торговли с Востоком и расширению транзитной торговли через Россию. Османская империя угрожала России так же, как сефевидскому Ирану. Оба государства оказались заинтересованными в объединении для борьбы против общих врагов.

---

[383] Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586 – 1612 гг. (по русским архивам). – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1976. – С. 40.

[384] Нагорная А.В. Указ. соч. С. 13.

[385] Степанян А.А. Указ. соч. С. 16.

[386] Григорян З.Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века. – М.: Издательство социально-экономической литературы. – 1959. – С. 37.

В этих процессах деятельное участие принимали иранские купцы армянского происхождения, занимавшие антиосманскую позицию.

Очевидно, что российско-иранские отношения складывались не всегда гладко, в частности, в первые годы XVII в. существовали противоречия из-за «Грузинского вопроса», одной из ключевых проблем в российско-иранских отношениях.[387] При этом российское правительство видело проявления политических симпатий армянских купцов к России, желание стать под ее покровительство, что давало России возможность распространять не только торговое, но и политическое влияние на Востоке.

С помощью армянских купцов налаживалась торговля между странами. Основные товары, которые ввозились из Ирана в Россию, были шелковые и хлопчатобумажные ткани, готовые текстильные изделия, ковры, кожа-сафьян, шелк-сырец, хлопок, бакалейные товары, драгоценные камни и жемчуг, конское снаряжение и оружие.[388] В свою очередь, в Иран из России везли меха, кожи, оружие, железные и деревянные изделия, ловчих птиц, моржовую кость, слюду, масло, сало.[389]

Замечено, что «...армянския предложения принимаются охотнее, чемъ ходатайства англичанъ и другихъ западныхъ народовъ, искавшихъ еще при царе Михаиле Феодоровиче свободной торговли по Волге съ Персиею».[390] В

---

[387] Жигалина О.И. Исторические связи России и Ирана. // Россия и Иран. Иранистика в Татарстане. Сборник статей. – М.: Издательство «Палея-Мишин». – 2001. – С. 104.

[388] Казаков П.В. Экономические отношения России с Ираном через Астрахань в XVI – XVII в. // Астрахань – Гилян в истории русско-иранских отношений. / под редакцией А.И. Алексеевой, А.А. Вороновой, Г.Г. Исаева и др. – Астрахань. – Издательский дом «Астраханский университет». – 2004. – С. 80.

[389] Там же. С. 83.

[390] Кананов И. Армяне в России. // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Литературно-научный сборник. / под ред. Г.А. Джаншиева. – Т. 1. – М. – 1898. – С. 514.

этот период капитал армян Новой Джульфы был силен своими связями с внешним рынком и прочным положением армян в международной торговле.[391]

Непредсказуемость политических решений шаха Аббаса I (проявившаяся, в частности, в разногласиях по грузинскому вопросу)[392] не способствовала ровному течению переговоров. Русский царь заверял персидского шаха в добрых намерениях: «...отец наш великий государь, и дед наш великий государь, и дед твой, и отец твой Худабендей были меж себя в ссылке и в любви; и нам бы нашему царскому величеству с отцом вашим братом нашим потому же быти в дружбе, и в братстве, и в любви...»,[393] но вместе с тем опасался, что под властью Аббаса I сефевидский Иран усилится до такой степени, что сможет посягнуть на принадлежащую России Астрахань.[394]

Еще в 1595 г. Аббас I и российский царь Федор Иванович (1557 - 1598) заключили договор, что «...гостем и всяким торговым людям наших государств ходити по обе стороны безо всякие зацепки, и торговати на всякий товар повольною торговлею; а пошлинам лишним и силе никоторой никак не бытии; а имати на гостех тамга и пошлины, где в котором городе тамга и пошлины

---

[391] Хачикян Ш.Л. Указ. соч. С. 11.

[392] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 132-133.

[393] Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 77. Сношения России с Персией. Опись 3. Документ № 1. 1588 Мая. Грамота царя Федора Иоанновича к вступившему на престол Персидскому Шаху Аббасу I о желании быть с ним шахом в дружбе и братстве, по примеру предков их, о сделанном предложен отца его Худа-Бендея поступиться в российскую сторону Дербентом и Бакой, по отобрании оных у Турков. С. 2.

[394] Бушев П.П. Исторія посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613 – 1621 гг. (По русским архивам). – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1987. – С. 40.

изстари ведетца».[395] Разрешение торговать касалось, прежде всего, армян-христиан, так как было замечено, что «...издавних лет приезжая они армяне компанией своей со многими своими разными товары из персиды».[396]

После смерти Аббаса I российско-иранские отношения несколько изменились. На них повлияло то, что в 1639 г. турецко-иранский мирный договор положил конец вооруженной борьбе Ирана против Турции, тогда как Россия начала открытую борьбу с ней. Поэтому в тот момент московское правительство старалось направить в Россию иранские товары, создать транзитное движение в Западную Европу и помешать общению Ирана с западными государствами через территорию Османской империи.[397]

Значительным явлением было, безусловно, и то, что именно в этот исторический момент для иранской торговли шелком большое значение приобретает транзитный путь через Каспий в Россию, который был эффективнее транзитного пути через Турцию и короче океанского.[398]

С 60-х гг. XVII в. закладывались основы тесных экономических и политических связей между Россией и Ираном. Значение армян в этот период трудно переоценить, так как именно тогда джульфинские армяне, добившись привилегированного положения в иранской международной торговле, вступили в тесный контакт с правительством России.

---

[395] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. // История Ирана. / редакторы С.А. Шумов, А.Р. Андреев. – Киев-Москва: Издательство «Альтернатива-Евролинц». – 2003. – С. 340.

[396] Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 77. Сношения России с Персией. Опись 3. Документ № 4а. Сведение из Канцелярии правительствующаго вышнего сената, в Государственном посольском приказе, оприсвоении известия об армянском торгу, оприсным известия об армянском торгу, и списка из договоров и указов, и под оным выписка о том, посланная в сенат 11 апреля 1711 г.

[397] Кананов И. Указ. соч. С. 514.

[398] Хачикян Ш.Л. Указ. соч. С. 7.

Результатом этих отношений стал договор, заключенный в 1667 г. между Россией и созданной в этом же году Джульфинской торговой компанией, согласно которому армянским купцам даровалась не только привилегия свободной торговли в России, но и право транзита через Россию в Западную Европу.

Свои цели, отличные от официальных целей Ирана, преследовали в переговорах представители армянской стороны Григорий Лусиков (Лусикян) и Степан Ромоданский (по другой версии – Рамадамский), иранский армянин, связанный с семьей купцов Саградовых-Шариманянов, известных своей ориентацией на католические страны; однофамилец своего российского младшего современника, князя Юрия Федоровича Ромоданского, или Ромодановского. Осуществлению условий соглашения 1667 г. помешало не только восстание 1670 – 1671 гг. под предводительством Степана Разина, но и резко отрицательная реакция российского купечества.

Однако, хотя первая попытка оказалась неудачной, армянские купцы не оставили своих планов торговли с Россией и через Россию с Европой.[399] В 1673 г. стороны предприняли очередную попытку заключить договор. Лусиков снова появляется в Москве, добиваясь того, чтобы были обеспечены интересы армянских предпринимателей и их безопасность.[400]

Однако договор 1673 г. также не был выполнен, на этот раз по вине армянской стороны. Таким образом, в XVII в. основная цель Российского правительства – вывозить иранский шелк-сырец исключительно через Россию – так и не была достигнута.[401]

---

[399] Кананов И. Указ. соч. С. 514.

[400] Там же.

[401] Армяно-русские отношения в XVII в. / сборник документов под редакцией В.А. Парсамяна. – Т. 1. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1953. – С. VI.

Невыполнение договора армянские купцы объясняли ненадежностью каспийско-волжского пути, а так же произволом российской администрации.[402] Серьезность намерений армянской стороны подтверждается тем, что Лусикова и Ромоданского посылали на переговоры *калантар* Новой Джульфы и управляющие основных ее кварталов, то есть главные лица в системе самоуправления армянской торговой колонии в Иране.[403]

Хотя договоры 1667 и 1673 гг. остались на бумаге, они оказали некоторое воздействие на активизацию российско-армянских связей. Когда в 1689 г. российское правительство запретило восточным купцам торговлю с западноевропейскими странами через Россию, оно сделало исключение для Армянской торговой компании Новой Джульфы.[404] В этот период армянские купцы пытались установить торговые связи через Новгород со Швецией.[405]

Направляясь в Москву, армянские купцы часто привозили с собой драгоценные вещи для российских царей. Так, например, крупный торговец из Новой Джульфы, торговый представитель шаха, *ходжа* Закарий Саградов (Шахриманян) в 1660 г. привез для царя Алексея Михайловича трон, украшенный алмазами, который до сих пор хранится в Москве, в Оружейной палате Кремля. Царские дворы двух государств регулярно обменивались ценными подарками, например, шаху Сефи I был подарен сокол,[406] но часто подарки российскому царю делались по инициативе армянской общины Ирана.

---

[402] Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. / под ред. А. Иоаннисяна. – Т. II, ч. I. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1967. С. VII.

[403] Хачикян Ш.Л. Указ. соч. С. 8-9.

[404] Байбуртян В.А. Армянское поселение ... С. 170.

[405] Глинка С.Н. Обозрение истории армянского народа. / репринтное воспроизведение издания 1832 г. – Ереван: Гркери ашхар. – 1990. – С. 238.

[406] Даврижеци Аракел. Указ. соч. С. 322.

Известно, что между Россией и сефевидским государством происходил обмен не только материальными ценностями и предметами искусства, но и мастерами. В этом также участвовали армяне. Широко известный впоследствии живописец Богдан (Аствацатур) Салтанов (Иван Ивлиев) происходил из Новой Джульфы. Одно из приписываемых ему произведений – медное блюдо с гравировкой, копирующей «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи – в 1660 г. было послано армянским купцом Закарием Саградовым в дар царю Алексею Михайловичу. Это произведение получило столь высокую оценку, что в 1666 г. автор его был приглашен из Ирана в Москву без дополнительных испытаний по мастерству.[407]

В 1667 – 1703 гг. Салтанов работал в Оружейной палате Кремля, его работы повлияли на развитие русского искусства XVII в., а его самого считают самым результативным из всех иностранных мастеров, работавших в Москве в это время.[408] Создавший за долгую службу при московском дворе большое количество разнообразных художественных изделий и воспитавший множество учеников, среди которых также были армяне,[409] он первым стал писать иконы в живописном стиле.[410] Таким неожиданным образом армяне иранского происхождения способствовали распространению европейского искусства в Российском государстве.

---

[407] Молева Н. Иван Салтанов и его школа (К вопросу о русско-армянских культурных связях XVII – XVIII вв.) // II Международный симпозиум по армянскому искусству. – Ереван. – 1978. –С. 5.

[408] Комашко Н.И. Живописец Богдан Салтанов в контексте художественной жизни Москвы второй половины XVII века. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – №2. – М. – 2003. – С. 54.

[409] Молева Н.М. О художниках Бельских // ВОН. – №8. – 1974. – С. 38-52.

[410] Комашко Н.И. Указ. соч. С. 49.

В этот период иранские армяне служили в России переводчиками с разных языков, несли государственную службу. Например, почти 30 лет проработал в Посольском приказе Василий Даудов (Алимарцян), прибывший в 1654 г. в Москву в качестве советника иранского шаха.[411]

Таким образом, в XVII в. ирано-российские связи значительно расширились и укрепились. Армяне Новой Джульфы принимали в этом непосредственное участие. Постепенно они вышли за рамки посредничества во взаимоотношениях России с Ираном и начали строить свои отношения с российским государством самостоятельно.

3. Отношения армян с Российским государством

После того, как в 70-х гг. XVII в. контакты Ирана с российским государством усилились, армяне-христиане пытались самостоятельно построить отношения с Россией.

В этот период эчмиадзинский католикос Акоп Джугаеци обратился к царю Алексею Михайловичу, чтобы он «соблаговолил оказать поддержку» армянам (*см. Приложение 17*). Аналогичное прошение отправил Алексею Михайловичу гандзасарский (карабахский) католикос Петрос.

Армянский купец Григор Лусиков вел в Москве переговоры не только о торговле; есть основание полагать, что он затрагивал и вопросы политического характера. Факты показывают, что уже во второй половине XVII в. складывалась пророссийская ориентация армянского народа.

Следует также упомянуть об особой роли армян Ирана в борьбе за нёзависимость. Освободительное движение армянского народа в описываемый исторический период было в равной мере направлено и против сефевидского, и

---

[411] Степанян А.А. Социокультурные особенности армянской этнообщины Москвы (экскурс в прошлое и результаты полевого обследования 2003 г.) // Альманах «Диаспоры». – №1. (2004). Кавказский узел. URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/71483 (дата обращения 27.05.2007).

против османского правления. Но основные центры освободительного движения находились в Восточной Армении.[412]

До конца XVII в. армяне сталкивались в России с многочисленными сложностями. Главным образом это было связано с тем, что, как формулирует П.В. Казаков, основной «...чертой русской торговли являлось активное вмешательство правительства. Часто объявлявшего те или иные товары «заповедными», активно контролировавшего частную торговлю. Само образование Джульфинской компании явилось следствием не естественного развития экономики, а воли русского правительства».[413]

Иранские армяне начали более широко расселяться в России. Несмотря на то, что «...почти вся земля считалась государственной собственностью, и приобретение земли в личное пользование было связано с непреодолимыми трудностями, армянским ходжам, тем ни менее, видимо, удавалось в основном за счет освоения целинных и залежных земель, стать владельцами полей, садов и виноградников».[414]

Помимо отсутствия частной собственности на землю, одной из основных проблем для армян было неприятие русской православной церковью монофизитства. Армянам было запрещено строить в России свои церкви. Как и везде в Европе, священники, не принадлежащие к армянской апостольской церкви, не могли причащать и соборовать армян. Лица неправославного вероисповедания не могли посещать православные церкви.[415]

---

[412] Арутюнян П.Т. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х годах XVIII века за присоединение к России // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. III. – М.-Л. – 1951. – С. 12.

[413] Казаков П.В. Указ. соч. С. 88.

[414] Хачикян Ш.Л. Указ. соч. С. 15.

[415] Фабрициус Людвиг. Указ. Соч. С. 69.

Сорок армян, среди которых был ранее упомянутый известный живописец Богдан Салтанов, направили письмо Алексею Михайловичу с просьбой приказать православным священникам причащать, исповедовать и соборовать армян (*см. Приложение 16*). Они объясняли, что при смерти находится Айрапет Мартынов – иранский армянин, создатель первого в Москве замшевого производства, личный «сафьянный мастер» Алексея Михайловича.

Армяне сравнивали религиозную обстановку в России и сефевидском Иране, где шахи зачастую содействовали интересу и большей терпимости мусульманского большинства к христианской религии. Армяне подчеркивали также, что общая христианская религия важнее межконфессиональных различий. Однако эта точка зрения не пользовалась популярностью в России XVII в., и даже для Айрапета Мартынова не было сделано исключения.

Помимо невозможности исповедаться, причаститься, собороваться и быть отпетым по смерти, иноверцы в России сталкивались, конечно, и с несправедливым отношением к себе. Армянский купец по фамилии Таваксипов подробно рассказывает обо всех произвольных пошлинах и поборах, которые взимаются с него, но от которых его сын Иван был немедленно освобожден после перехода в православие.[416]

Негативное влияние на попытки армян-христиан установить контакт с Россией оказал также арест армянского купца Егьи Мушегяна. Приехав из Исфахана искать у России помощи в борьбе против Ирана, он провел двенадцать лет в тюрьме по подозрению в шпионаже в пользу западных держав.[417]

---

[416] Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 100. Сношения России с Арменией. Опись 1. Без номеров документов.1647 март 14 5 л. Дело по челобитью Армянина Таваксипова о даче ему Грамоты для свободного съ товарами проезда по разным Российским Городам применяясь к данной таковой торговой Грамоте в 1641 году принявшему грекороссийскую веру Сыну Его Ивану.

[417] Данеґйан Л. Указ. соч. С. 55.

Отношения России с грузинами складывались гораздо удачнее из-за православного вероисповедания последних. Грузины также участвовали в международной торговле Ирана,[418] в Европе и России их часто не отличали от армян.[419] При этом, по словам Шардена, в том числе и из-за различий в вере, грузины и армяне «...испытывают отвращение друг к другу.... грузины испытывают крайнее презрение к армянам, так ненавидят евреев в Европе».[420]

Таким образом, несмотря на общие цели и задачи, в XVII в. два закавказских христианских народа еще не могли объединиться в борьбе за независимость, и политика российских властей играла в тот период разобщающую роль.

Невозможность установить полноценные контакты с Россией и возрастающее недовольство положением дел в сефевидском Иране привело также к массовой эмиграции армян в Индию.[421]

С 30-х гг. XVII в. появляются регулярные сообщения об армянских колониях в ряде крупных городов Индии – Лахоре, Дели, Агре, Мадрасе и других.[422] Богатые армянские купцы пользовались покровительством властей, на равных участвовали в отношениях с европейцами. В этот период началась эмиграция из Новой Джульфы в различные крупные торговые города Индии, усилившаяся после нашествия афганцев на сефевидское государство.[423]

---

[418] Куция К.К. Указ. соч. С. 7.

[419] Olearius A. Op. cit. C. 301.

[420] Chardin J. Указ. соч. Т. II. С. 172.

[421] Bournoutian G.A. Armenians in Nineteenth-Century Iran. // The Armenians of Iran. The Paradoxical Role of a Minority in a Dominant Culture: Articles and Documents. / edited by Cosroe Chaqueri. – Harvard: Middle Eastern Monographs (XXX). – 1998. – C. 55.

[422] Байбуртян В.А. Указ. соч. С. 170

[423] Ходжамалян Товмас. Указ. соч. С. 120.

Все эти события привели к значительному изменению общей картины армяно-иранских этнокультурных связей. С конца XVII в. Россия начала играть постоянную роль в международных делах.[424] Стремление армян-христиан сефевидского Ирана заручиться поддержкой России в борьбе за выход из-под власти мусульманских держав до конца XVII в. наталкивалось на различные препятствия. Ситуация коренным образом изменилась с началом XVIII в.

4. Начало нового этапа армяно-российских отношений при Петре I

Начало правления Петра I знаменуется качественным изменением восточной политики России и, в том числе, российско-иранских и российско-армянских отношений.[425]

Исследователь XIX – начала XX вв. Г.А. Эзов в духе своего времени выразил эти изменения, утверждая, что Петр «... первый постиг высокое призвание России – освободить христианские народы, находящиеся в рабстве и угнетении у мусульман, и первый оценил те выгоды и преимущества, которыя давали нравственныя узы, соединяющия эти христианския народы съ Россиею». При этом особое внимание уделялось армянам, освобождение которых Петр планировал в течение 24 лет.[426] Персидский поход Петра, случившийся уже за рамками рассматриваемого нами исторического периода, в 1722 – 1723 гг., тесно связанный и с ослаблением династии Сефевидов, был подготовлен в том числе и деятельностью иранских армян в России.

По словам другого исследователя XIX в., С.М. Броневского, «...Персия не была пределом высоких замыслов Петра Великаго. Привлечение индейской торговли чрез Персию или Хиву в Астрахань было главнейшим предметом его

---

[424] Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1966. – С. 16.

[425] Мамедова Н.М. Российско-иранские экономические отношения ... С. 136.

[426] Эзов Г.А. Сношения Петра Великого ... С. II.

заботливости».[427] Заинтересованность России в этом районе увеличивалась по мере ослабления Ирана и усиления Османской империи.[428]

В связи с изменениями во внутренней и внешней политике России происходило также усиление армянского национально-освободительного движения.[429] Оно постепенно перерастало в движение за присоединение к России, имевшее первостепенное значение в последующей истории армянского народа.

Просьбы закавказских народов о помощи в освободительной борьбе стали одной из причин Южного похода Петра I.[430] Немаловажным было и то, что именно тогда «...дорожа приездомъ армянскихъ торговцевъ въ Россию, признавая всю пользу, приносимую стране этими мирными и деятельными распространителями торговли и труда, Петръ предоставляетъ имъ права приезда, переселения и торговли наравне со всеми ...иноземцами...».[431]

Решающую роль в укреплении армяно-российских политических отношений сыграл в начале XVIII в. видный представитель армянского освободительного движения Израел Ори (1658 – 1711). С началом его деятельности открылся новый этап армяно-российских отношений.[432]

---

[427] Броневский С.М. Историческия выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доныне. – СПб.: Институт востоковедения РАН, – 1996. – С. 64.

[428] Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715 – 1718 гг. – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1978. – С. 11.

[429] Арутюнян П.Т. Борьба армянского и азербайджанского народов ... С. 136.

[430] Там же. С. 109.

[431] Кананов И. Указ. соч. С. 517.

[432] Ховханнисеан Х. Хай-рус ориентацпайн ц'агман хндирэ. – Эджмиац'ин: Тпабан-гитакан институти. – 1921. – С. 12.

В 1677 г. в Эчмиадзине на совещании двенадцати видных светских и духовных лиц под руководством католикоса Акопа Джугаеци было решено начать сотрудничать с деятелями освободительного движения Грузии. Было также решено отправить посольство в Европу с просьбой о военной помощи для освобождения армян от власти мусульман, то есть, прежде всего, Османской империи и сефевидского Ирана. Посольство во главе с Акопом Джугаеци, отправившееся в Константинополь, чтобы оттуда переправиться в Европу, закончилось неудачно. В 1680 г. Акоп Джугаеци умер, и члены посольства за исключением сюникского мелика Исраела Ори, приняли решение вернуться.

Ори безуспешно искал помощи у глав многих европейских государств. Он в общей сложности 20 лет прожил в Италии, Франции, Германии, поступил на службу во французскую армию, изучил военное искусство и приобрел политические и военные знания. Он вступил в сношения с высокими политическими кругами Франции, поднял вопрос об освобождении армянского народа от иноземного ига, однако не получил положительного ответа.

В 1695 г. в Австрии Ори также не смог добиться успеха, так как не имел официальных полномочий от армянских политических кругов, его заявления были оставлены без внимания. Поэтому в том же году Исраел Ори отбыл в Закавказье с целью получить соответствующие письменные полномочия от армянских влиятельных лиц. В 1699 г. в Сисиане состоялось собрание карабахских меликов, которые и уполномочили Исраела Ори на продолжение переговоров в Европе.

Вернувшись в Австрию, Ори принял решение обратиться также и к российскому царю. Европейская поддержка армян выразилась только в рекомендациях, предоставленных Ори. Поэтому, «...заручившись согласиемъ римскаго императора и курфирста баварскаго, онъ искалъ теперь помощи русскаго царя».[433]

---

[433] Кананов И. Указ. соч. С. 520.

В 1701 г. Израел Ори в сопровождении своего сподвижника *вардапета* Минаса отправился в Россию и вручил Петру I обращение армянских меликов, в котором они просили, чтобы царь освободил их от власти Османов и Сефевидов. Для усиления своей петиции они использовали апокалиптические метафоры, утверждая, что существует пророчество, как «...в последния времена неверныя будут зело свирепыя и будут понуждати христианъ во еже принятии прескверный ихъ законъ, и тогда прийдетъ изъ Августейшаго Московского дому великий некото(рый) принцепсъ, который будетъ многимъ храбрее, нежели Александръ Великий, который королевство Арменское возметъ и христианъ избавити будетъ».[434]

Петр обещал оказать помощь армянскому народу после окончания шведской войны. Затем, как пишет И. Кананов, «...сношения Ории съ русскимъ правительствомъ не прерываются; по совету царя онъ отправляется темъ временемъ хлопотать у государей Западной Европы».[435] В 1707 г. Ори в чине полковника российской армии с большой свитой снова отправился в Иран. В 1709 г. он прибыл в Исфахан, затем – в Шемаху, где вел переговоры с местными политическими деятелями. «Миссия Ории увенчалась, повидимому, полнымъ успехомъ, <...> армянский патриархъ и другия почетныя лица собираются уже въ Москву...»,[436] но в 1711 г. он вернулся в Астрахань, где скоропостижно умер.

Надежды Ори на поддержку российского государства имели важное значение для освободительного движения армянского народа. С этого периода армянские политические круги стали окончательно ориентироваться на Россию. Не получив немедленной помощи и от России, армяне, тем ни менее, начали связывать с ней определенные надежды. Положение армян-христиан в

---

[434] Эзов Г.А. Сношения Петра Великаго ... С. 75.

[435] Кананов И. Указ. соч. С. 520.

[436] Там же.

сефевидском Иране ухудшалось, а их связи с Россией, напротив, становились более крепкими.

Догматические различия православия и армяно-григорианской церкви были непреодолимы, но религиозное положение армян улучшалось. Им было разрешено иметь свои церкви или молитвенные дома и свое духовенство. В 1717 г. в России появилась первая епархия армянской апостольской церкви с центром в Астрахани.[437]

Усилилась эмиграция иранских армян в различные российские города. Еще в конце XVII в. наследники *ходжи* Назара переехали из Ирана в Россию.[438] Тогда, стремясь к мирному существованию на территории христианского государства, иранские армяне в очередной раз в своей истории приспособились к иным общественно-политическим и культурным реалиям.[439]

Переезжая в Россию, иранские армяне активно включились в экономическую жизнь страны, вкладывая свои капиталы по преимуществу в шелкопрядильное производство.[440] Тогда в России оценили армян как народ оседлый и трудолюбивый.[441] На первый план вышли также качества армянского народа, позже описанные так: «Армяне преданы Русскому Правительству и не могут изменить нам. Живут покойно, не занимаются ни грабежом, ни разбоем за исключением весьма редких примеров; только страсть к обману, к

---

[437] Петросян Е. Армянская Апостольская Святая Церковь. – Эчмиадзин. Типография святого Эчмиадзина. – 1996. – С. 49.

[438] Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Op. cit. C. 73.

[439] Степанян А.В. Роль армян Новой Джуги ... С. 17.

[440] Хачикян Ш.Л. Указ соч. С. 18.

[441] Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Кавказские войны ф. 482, д. 1080, 1661-1879. д. 89. Записка капитана Прушановского о быте и нравах Карабаха 1845. апр II II л. С. 3 оборот.

корыстолюбию и разного рода факторства, страсти, свойственныя всем армянам...».[442]

Армяне стояли у истоков создания новой российской науки. Помимо прочего, переезжая в Россию, иранские армяне участвовали в становлении востоковедной науки, возникшей в России в начале правления Петра I.[443] Особенно велик их вклад в иранистику: «...в ее становлении и развитии активная роль принадлежит армянам, в том числе выходцам из Ирана, внесших свой вклад в установление как экономических, так и культурных связей России и Ирана».[444] Род уроженцев Новой Джульфы, эмигрировавших в Россию из Ирана во время правления Петра I и получивших в России фаимлию Лазаревых, основал в 1815 г. знаменитый «Лазаревский институт», первоначально замышлявшийся как «училище для армянского юношества», но ставший центром московской иранистики.[445] Первые преподаватели персидского языка, работавшие в этом институте в первые десятилетия его существования – Л.З. Будагов, С.И. Назарянц, Л.Э. Лазарев, были армянами.

Таким образом, именно в описываемый нами период начали формироваться качественно новые связи армян с Россией.

Что касается армян Ирана, то в 1722 – 1730 гг., после того, как Исфахан был захвачен афганцами, Новая Джульфа, бывшая в течение более чем 100 лет

---

[442] Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Кавказские войны ф. 482, д. 1080, 1661-1879. д. 89. Записка капитана Прушановского о быте и нравах Карабаха 1845. апр II II л. С. 5.

[443] Куликова А.М. Российское востоковедение XIX века в лицах. – СПб.: Издательство «Петербургское Востоковедение». – 2001. – С. 170.

[444] Мамедова Н.М. Иранистика и роль армян в ее развитии. // Иранистика в России и иранисты. – М.: Издательство ИВ РАН. – 2001. – С. 103.

[445] Бывший Лазаревец. Лазаревы и Лазаревский институт. // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Литературно-научный сборник / под ред. Г.А. Джаншиева. – Т. 1. – М. – 1898. – С. 540.

успешным коммерческим центром, на долгое время утратила свое былое значение.

В 1722 г., как писал армянский историк, «...страна наша Армянская ввиду умножения беззаконий испытывала умножение бедствий».[446] Современная событиям армянская анонимная хроника утверждает: это было связано, прежде всего, с тем, что «... армянский народ, значительная часть которого находилась под властью иранцев, вследствие множества чинимых жестокостей подвергался сильным притеснениям. Народ терпел притеснения не только со стороны воюющих друг с другом беков областей и всеобщего голода, он также подвергался истреблению и пленению со стороны соседних арабских и лезгинских набежников».[447]

В конце XVIII в. армяне снова заняли важное место в иранской внешней торговле, но армяно-иранские этнокультурные связи, типичные для XVII в., уже не возобновились.

---

[446] Ереванци Симеон. Джамбр. Памятная книга, зерцало и сборник всех обстоятельств Святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей. – М.: Издательство восточной литературы. – 1958. – С. 11.

[447] Армянская анонимная хроника 1722 – 1736 г. – Баку: Издательство «Элм». – 1988. – С. 5

Заключение

Армяно-иранские контакты начались не позднее V в. до н.э., задолго до исламизации Ирана и христианизации Армении. Специфика рассматриваемого нами периода (XVII в.) – в максимальном сближении двух народов, формировании политической и культурной ориентации армян на Иран.

Основными вехами армяно-иранских взаимоотношений того времени были: насильственное переселение армян в Персию, основание там армянской колонии Новая Джульфа и внедрение армянских купцов в экономику сефевидского Ирана. Благодаря всему этому в последующие десятилетия стало возможным значительное укрепление международных торговых связей Ирана, изменение маршрутов экспорта ближневосточного шелка в Европу, формирование новой торговой элиты в Иране.

Комплексное исследование основных тенденций и направлений армяно-иранских этнокультурных связей в XVII в. позволяет сделать ряд выводов.

К важнейшим характеристикам армяно-иранских этнокультурных связей XVII в. можно отнести:

1) тесные связи армянской торговой колонии Новая Джульфа с правящим шахом, а также с шахским двором;

2) деятельное участие армян-христиан в общественно-политической и культурной жизни Ирана;

3) посредническую роль армян-христиан при контактах персов-мусульман с европейцами;

4) участие армян, принявших ислам, в делах армянской христианской общины;

5) интерес персов-мусульман к христианской обрядности; бытовое взаимовлияние армян и персов;

6) качественное изменение характера армяно-иранских связей после переориентации армян на Россию в конце XVII в.

Раскроем эти тезисы более подробно.

1. Особые связи Сефевидской династии с армянами-христианами сформировались в первые годы правления династии. Исмаил Сефеви (1502 – 1524) оказывал особое покровительство армянскому духовенству в знак благодарности за свое спасение в детстве на острове Ахтамар. Позже Сефевиды не раз опирались на армян в борьбе с османской Турцией. Тесные связи шаха Аббаса I Сефеви (1587 – 1629) с армянами-христианами стали складываться с конца XVI в. и окончательно определились после насильственного переселения армян из Закавказья в Иран.

Аббас I намеревался основать армянскую колонию в Иране, чтобы использовать армян для развития внешнеэкономических связей и перенести центр международной торговли из Закавказья в Иран

Аббас I сознательно предоставил армянам роль торговой элиты в Иране, так как армяне зарекомендовали себя как хорошие торговцы, а их христианское вероисповедание, широкое расселение в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Индии, высокая приспособляемость к различным социальным условиям, давали преимущества по сравнению с иранскими купцами-мусульманами.

Во время правления шаха Аббаса I сложилось двойственное, одновременно привилегированное и неполноправное положение армян в Иране, характерное для последующих десятилетий XVII в.

Благодаря личному вмешательству шаха в дела армянской общины в Иране, царствование Аббаса I было самым благоприятным периодом в истории армяно-иранских связей. При последующих шахах династии Сефевидов ситуация постепенно ухудшалась.

Сефи I продолжал политику Аббаса I в отношении армян, однако во время его правления торговая колония Новая Джульфа переживала экономический кризис. Аббас II поощрял в первую очередь армян, обращенных в ислам. О связях последующих сефевидских шахов, правивших в XVII в – Сулеймана (1666 – 1694) и Султан-Хуссейна (1694-1729) с армянами не известно практически ничего. В это время, особенно в годы правления Султан-

Хуссейна, религиозные меньшинства подвергались гонениям. При этом армянские купцы продолжали пользоваться некоторыми привилегиями.

2. Организация армянской торговой колонии Новая Джульфа принесла Ирану большую экономическую выгоду. Будучи участниками иранской коммерческой системы, ведя международную торговлю шелком и осуществляя торговые и дипломатические контакты с иностранцами, джульфинские купцы на протяжении всего последующего столетия богатели сами и обогащали иранскую казну.

Личное участие шахов Сефевидской династии в жизни армянской общины Ирана являлось чрезвычайно важным фактором ее существования. Это позволяло армянам оставаться христианами армянской апостольской церкви. Благодаря своему авторитету и дружеским связям с шахом Аббасом богатые и знатные семейства Новой Джульфы имели возможность влиять на политическую и экономическую жизнь сефевидского Ирана (практически полностью контролировать торговлю шелком, бороться с распространением влияния европейцев при дворе шаха).

3. Армяне-христиане сыграли важную роль в ирано-европейских взаимоотношениях. Их значительные торговые успехи позволили им выступать в качестве относительно самостоятельной силы в контактах между персами-мусульманами и европейцами.

Тесно связанные с иранской экономикой, участвуя в политических делах, армяне-христиане меньше подвергались дискриминации, чем другие религиозные меньшинства Ирана. Внося изменения в схемы международной торговли Ирана, формируя новые маршруты экспорта ближневосточного шелка в Европу и выступая в качестве посредников в контактах европейцев с персами, армяне укрепляли свои связи с европейскими державами. Не рассчитывая на помощь христианских стран, армяне смогли до некоторой степени интегрироваться в общество исламского Ирана, прежде всего, за счет личных отношений с шахами и шахским двором.

4. Как и армяне-христиане, армяне, перешедшие в ислам, сыграли важную роль в истории государства Сефевидов в XVII в.

Изменение этнического состава иранских правителей и высших сановников, произошедшее во время правления шаха Аббаса I, привело к значительному возвышению армян-гулямов (личных рабов шаха). Для них были характерны, прежде всего, тесные связи с армянской христианской общиной (гулямы, например, финансировали строительство дворцов, караван-сараев, мостов и даже церквей в Новой Джульфе), а также интерес к европейскому искусству. Если после кончины шаха Аббаса I армяне-христиане начали терять влияние, то положение армян, перешедших в ислам, и в особенности армян-гулямов и армянок из шахского гарема на какое-то время даже улучшилось.

Во второй половине XVII в. ослабла связь крупного армянского капитала Новой Джульфы с шахским двором, уменьшилась заинтересованность шахов в коммерческой деятельности армянских купцов. Армяне-мусульмане лучше интегрировались в среду персов, заняли важное место в сефевидской иерархии власти, в то время как армяне-христиане, отдалившись от шахского двора, интенсивнее стали искать возможности выйти из-под власти сефевидской державы.

5. Этнокультурные связи армян и персов, характерные для XVII в., выражалась в таких вещах, как терпимость персов-мусульман к христианской обрядности, общность средств выражения в искусстве и архитектуре.

Переселенные в начале XVII в. в Иран армяне быстро приспособились к иранскому социокультурному пространству благодаря интересу правящего шаха Аббаса I к армянским обычаям и христианской обрядности. Он посещал христианские богослужения в Новой Джульфе, уговаривал армян строить новые церкви, навещал богатые армянские семьи и наблюдал за литературными и музыкальными состязаниями, которые армяне устраивали специально для него. Аббас I распространил моду на интерес к христианской культуре среди правителей различных иранских областей.

При этом Аббас I не стал отказываться от мысли использовать насильственную исламизацию в качестве средства наказания и усмирения немусульман.

После смерти Аббаса I интерес шахов династии Сефевидов к армянам и армянской культуре значительно уменьшился и во многом свелся только к поиску в Новой Джульфе девушек для шахского гарема.

На протяжении всего XVII в. армяне перенимали иранскую культуру, изучая персидский язык, заимствуя архитектурные элементы, предметы обихода, детали костюма. Характерны иранские заимствования технических приемов и орнаментики армянского ковроделия (например, техника *зилу*). Иранские заимствования в архитектуре у иранских армян начинаются от использования сходной техники изготовления кирпичей и заканчиваются выработкой общего архитектурного языка, исследованного английским историком Джоном Карсвеллом[448] при изучении культовых сооружений Новой Джульфы. Иранские влияния на армянский национальный костюм особенно заметны при изучении армянских женских головных платков, на которые, безусловно, повлиял иранский *хиджаб*.

6. С начала правления династии Романовых в 1613 г. все большую важность приобретала коммерческая деятельность России на Востоке и укрепление транзитной торговли через Россию. К тому же Россия и Иран оказались заинтересованными в совместных действиях против Османской империи

Однако основы тесных экономических и политических связей между Россией и Ираном стали закладываться только с 60-х гг. XVII в.

Результатом этих связей стал, прежде всего, договор, заключенный в 1667 г. между Россией и Джульфинской торговой компанией, согласно которому армянским купцам из Ирана давалась не только привилегия

---

[448] Carswell J. Op. cit. C. 11.

свободной торговли в России, но и право транзита через Россию в Западную Европу.

До конца XVII в. армяне сталкивались в России с многочисленными сложностями. Одной из основных проблем для армян было неприятие русской православной церковью монофизитства. Ситуация изменилась с началом правления Петра I: Россия стала играть заметную роль в международных делах, увеличился ее интерес к политике южных соседей, более лояльным стало отношение к конфессиональной принадлежности армян.

Заинтересованность Российского государства в связях с Ираном крепла по мере ослабления Ирана и усиления Османской империи. Кроме того, в связи с изменениями во внутренней и внешней политике России, у армянской элиты формировалась национально-освободительная идеология. На этой базе формировалось движение за присоединение к России, имевшее первостепенное значение в последующей истории армянского народа.

Решающую роль в укреплении армяно-российских политических отношений сыграл в начале XVII в. видный представитель армянского освободительного движения Исраел Ори. С началом его деятельности открылся новый этап армяно-российских отношений.

Что касается армян Ирана, в 1722 – 1730 гг., после того, как Исфахан был захвачен афганцами, Новая Джульфа, бывшая в течение более 100 лет успешным коммерческим центром, на долгое время утратила свое былое значение. В конце XVIII в. армяне снова заняли важное место в иранской внешней торговле, но характер новых армяно-иранских взаимоотношений был уже иным.

Анализ основных характерных тенденций и направлений армяно-иранских этнокультурных связей в XVII в. позволяет утверждать, что, несмотря на социальное неравенство армян-христиан и персов-мусульман в сефевидском государстве XVII в., армяне заняли экономическую и культурную нишу торгового меньшинства. Принятие на себя ответственности за внешнюю торговлю и контакты с европейским миром, накопление значительных богатств

купцами Новой Джульфы как важнейшего узла армянского культурного пространства в диаспоре позволило им извлечь пользу из своего положения. «Проиранская» ориентация армян в XVII в. была не только вынужденной мерой, но и способствовала развитию экономических связей Ирана с христианскими странами и послужила взаимному обогащению армянской и иранской культур.

При этом армянская культура обогатилась элементами персидской культуры: изучение армянами персидского языка, знакомство с персидской литературой, выработка сходного с иранским архитектурного языка при постройке армянских церквей в Иране, использование элементов иранского декоративно-прикладного искусства в интерьерах жилища, костюмах иранских армян. Персидская культура восприняла элементы армянской через более последовательное, чем в ранние периоды, заимствование армянских орнаментов и приемов в ковроткачестве, а так же восприняла элементы европейской культуры и европейских технологий через армянских посредников.

Таким образом, интенсивные связи (коммуникации) между двумя этническими культурами в рассмотренный исторический период способствовали взаимному обогащению и усложнению всех подсистем традиционных культур обоих этносов. В меньшей степени это относится к армяно-иранским подсистемам производственной культуры, в большей мере – к подсистемам культуры жизнеобеспечения (жилище, одежда, пища, транспорт), а также – к соционормативной (поведенческие нормы, духовные ценности) и гуманитарной (способы познания мира) подсистемам обеих культур.[449]

[449] Арутюнов С., Рыжова С. Op. cit. С. 78-79. Лотман Ю. Op. cit. С. 424.

Список цитированной литературы

Архивные материалы

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Иллюстративные коллекции. Армяне. Персия. Группа армянок. 1845 -1.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Иллюстративные коллекции. Персия. Армянки по дороге в Бодан. 1845- 115.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Иллюстративные коллекции. Армяне. Персия. Армянка. 2471- 93.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Иллюстративные коллекции. Армяне. Персия. 3194-46. 16-2.

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 77. Сношения России с Персией. Опись 3. Документ № 1. 1588 Мая. Грамота царя Федора Иоанновича к вступившему на престол Персидскому Шаху Аббасу I о желании быть с ним шахом в дружбе и братстве, по примеру предков их, о сделанном предложен отца его Худа-Бендея поступиться в российскую сторону Дербентом и Бакой, по отобрании оных у Турков.

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 77. Сношения России с Персией. Опись 3. Документ № 4а. Сведение из Канцелярии правительствующаго вышнего сената, в Государственном посольском приказе, оприсвоении известия об армянском торгу, оприсным известия об армянском торгу, и списка из договоров и указов, и под оным выписка о том, посланная в сенат 11 апреля 1711 г.

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 100. Сношения России с Арменией. Опись 1. Без номеров документов. 1647 март 14 5 л. Дело по челобитью Армянина Таваксипова о даче ему Грамоты для свободного съ товарами проезда по разным Российским Городам применяясь к

данной таковой торговой Грамоте в 1641 году принявшему грекороссийскую веру Сыну Его Ивану.

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 100. Сношения России с Арменией. Опись 1, д. № 4, лл. 1-3. Челобитная сорока армян, приехавших из персии в Россию о разрешении им исповедаться в русской христианской церкви.

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 100. Сношения России с Арменией, д. № 3, лл. 4 об.- 6. Письмо кандзасарского патриарха Петра Алексею Михайловичу с просьбой покровительствовать испаганским армянским купцам и всему армянскому народу.

Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Кавказские войны ф. 482, д. 1080, 1661-1879. д. 89. Записка капитана Прушановского о быте и нравах Карабаха 1845. апр II II л.

Сборники опубликованных документов

Армяно-русские отношения в XVII в. / сборник документов под редакцией В.А. Парсамяна. – Т. 1. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1953. – 233 с.

Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. / под ред. А. Ионнисяна. – Т. II, ч. I. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1967. – 396 с.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. // История Ирана. / редакторы С.А. Шумов, А.Р. Андреев. – Киев-Москва: Издательство «Альтернатива-Евролинц». – 2003. – С. 329-358.

Источники

На русском языке

Армянская анонимная хроника 1722 – 1736 г. – Баку: Издательство «Элм». – 1988. – 64 с.

Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII-XIV вв. / перевод с древнеармянского, предисловие и примечания А.Г. Галстяна. – М.: Издательство восточной литературы. – 1962. – 155 с.

Артемий Араратский. Жизнь Артемия Араратского. – Л.: Издательство «Наука». – 1980. – 222 с.

Гиланенц Петрос Ди Саркис. Дневник осады Испагани афганами веденный Петросом Ди Саркис Гиланенц в 1722 и 1723 годах. Материалы для истории Персии. – СПб.: Типография императорской Академии Наук. – 1870. – 57 с.

Даврижеци Аракел. Книга историй. – М.: ГРВЛ издательства «Наука» – 1973. – 623 с.

«Джихан-нюма» и «Фезлеке» Кятиба Челеби как источник по истории Армении (XVII в.). / предисловие, перевод и комментарии А.А. Папазяна. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1973. – 189 с.

Ереванци Абраам. История войн. 1721 – 1736 гг. – Ереван: Издание Арм ФАНА. – 1939. – 94 с.

Ереванци Симеон. Джамбр. Памятная книга, зерцало и сборник всех обстоятельств Святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей. – М.: Издательство восточной литературы. – 1958. – 400 с.

Каменаци, Акоп и Аксент. Каменецкая хроника. // Османская империя в первой четверти XVII века. Сборник документов и материалов. / Сост. Х.М. Ибрагимбейли, Н.С. Рашба. Отв. редактор М.С. Мейер. – М.: Издательство «Наука». – 1984. – 213 с.

Канакерци Закарий. Хроника. – М.: Издательство «Наука». – 1969. – 320 с.

Котов Ф. Путешествие из Москвы в Персидское царство, из Персии в Турецкую землю, в Индию и в Урмуз на Белом море, куда немцы приплывают на кораблях. – М.: Издательство восточной литературы. – 1958. – 111 с.

Кретаци Абраам. Повествование. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1973. – 312 с.

Лехаци Симеон. Путевые заметки. – М.: Издательство «Наука». – 1965. – 322 с.

Орудж-бек Байат. Книга Орудж-бека Байата, Дон-Жуана Персидского. – Баку: Издательство «Язычы». – 1988. – 215 с.

Печеви, Ибрагим Эфенди. История. – Баку: Издательство «Элм». – 1988. – 98 с.

Тектандер Георг фон дер Ябель. Путешествие в Персию через Московию. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602 – 1603 гг. / под ред. А.И. Станкевича. – М.: Императорское общество истории и древностей Российских. – 1896. – 62 с.

Фабрициус Людвиг. Записки. Записки иностранцев о восстании Степана Разина. (Тексты, переводы и исследования). / под ред. А.Г. Манькова. – Т. 1. – Л.: Издательство «Наука». – 1968. – 174 с.

Хасан-Джалал Есаи. Краткая история страны албанской (1702 – 1722). – Баку: Издательство «Элм». – 1989. – 45 [1] с.

Ходжамалян Товмас. История Индии. // Армянские источники XVIII в. об Индии. / под ред. Р. Абрамяна. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1968. – 297 с.

Хоренаци Мовсес. История Армении. / под ред. С. Аревшатяна. Ереван: Издательство «Айастан». – 1990. – 291 с.

Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. / перевод, предисловие, примечания и приложения Е.И. Васильевой. – Т. 2. – М.: Издательство «Наука». – 1976. – 350 с.

На западноевропейских языках:

Chardin J. Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient. – Vol. II. – Amsterdam. – 1735. – 359 с.; Vol. III – Amsterdam. – 1735. – 324 с.

Herbert Th. Thomas Herbert travels in Persia 1627 – 1629. – L.: George Routledge and sons ltd. – 1928. – 352 с.

Olearius A. The voyages and travels of the ambassadors from the Duke of Holstein, to the Great Duke of Muscovy and the King of Persia. Begun from the year M. DC. XXXIII. and finished in M. DC. XXXIX. Containing a complete History of

Muscovy, Tartary, Persia, and other adjacent Countries. – L.: For Thomas Dring and John Starkey – 1662. – 424 c.

Tavernier J.-B. Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier en Turquie, en Perse et aux Indes. – Paris. – 1930. – 351 c.

На грабаре:

Тэр-Ованеанц Х. Патмут'ивн Нор Джуґайу. – Т. I. – Новая Джульфа. – 1880. – 492 с.; Т. II. – Новая Джульфа – 1881. – 317 с.

На персидском языке:

Eskandar-bek Torkman (Monši). Tārix-e ālamārā-ye Abbāsi. – Nim-e jeld-e dowwom wa sewwom. – Tehrān: Čāpxāne-ye mowsuyi. – 1334-1336. – C. 610-1235.

Der-Huhāniyān H. Tārix-e Jolfā-ye Esfahān. – Esfahān: Našr-e zenderud bā mošārekat-e entešarāt-e naqš-e xoršid. – 1379. – 700 c.

Литература

На русском языке

Абрамян Р. Армянские источники XVII в. об Индии. – Ереван.: Издательство АН АрмССР. – 1968. – 299 с.

Айвазян А. Симфония погибших хачкаров Джуги. – Ереван.: Авторское издание. – 2007. – 270 с.

Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. – М.: Изд-во «Весь мир». – 2004. – 213 с.

Арутюнян П.Т. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х годах XVIII века за присоединение к России // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. III. – М.-Л. – 1951. – С. 108-138.

Арутюнян П.Т. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. – М.: Издательство АН СССР. – 1954. – 303 с.

Бабаев К. Внутренняя политика Сефевидского Ирана в конце XVI – начале XVII веков. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М.: Издательство МГУ. – 1977. – 23 с.

Байбуртян В.А. Армянская колония Новой Джульфы в XVII веке (Роль Новой Джульфы в ирано-европейских политических и экономических связей). – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1969. – 167 с.

Байбуртян В.А. Армянское поселение Нор Джуга в Иране и торговля между Западом и Востоком в XVII в. // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1988. – С. 166-172.

Броневский С.М. Историческия выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доныне. – СПб.: Институт востоковедения РАН, – 1996. – 232 с.

Буниятов Н.Г., Яралов Ю.С. Архитектура Армении. – М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства. – 1950. – 140 с.

Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586 – 1612 гг. (по русским архивам). – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1976. – 478 с.

Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613 – 1621 гг. (По русским архивам). – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1987. – 278 с.

Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715 – 1718 гг. – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1978. – 288 с.

Бывший Лазаревец. Лазаревы и Лазаревский институт. // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Литературно-научный сборник. / под ред. Г.А. Джаншиева. – Т. 1. – М. – 1898. – С. 537-544.

Галустян Дж.О. Культурная жизнь армянских колоний средневековой Польши. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР – 1981. – 160 стр.

Гейдаров М.Х. Ремесленное производство в городах Азербайджана в XVII в. – Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР. – 1967. – 200 с.

Глинка С.Н. Обозрение истории армянского народа. / репринтное воспроизведение издания 1832 г. – Ереван: Гркери ашхар. – 1990. – 480 с.

Гоян Г. 2000 лет армянского театра. – Т. 2.: «Театр средневековой Армении». – М.: Государственное издательство «Искусство». – 1952. – 386 с.

Григорян А.В. Из истории армянской колонии Москвы (XIV - первая половина XIX в.) // Этнические группы в городах европейской части СССР. – М.: МФГО. – 1987. – С. 49-58.

Григорян З.Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века. – М.: Издательство социально-экономической литературы. – 1959. – 185 с.

Григорян К.Э. Изучение и классификация этнических групп армян в конце XX в. // Музей. Традиции. Этничность. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского Этнографического Музея. – Санкт-Петербург – Кишинев. – 2002. – С. 187-192.

Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? (Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки). – М. – 1996. – 256 с.

Жигалина О.И. Исторические связи России и Ирана. // Россия и Иран. Иранистика в Татарстане. Сборник статей. – М.: Издательство «Палея-Мишин». – 2001. – С. 104-110.

Зулалян М.К. Армения в первой половине XVI в. – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1971. – 125 с.

Иванов М.С. Очерк истории Ирана. – М.: Государственное издательство политической литературы. – 1952. – 467 с.

Инджикян О.Г. Буржуазия Османской империи. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1977. – 314 с.

История Азербайджана. В 3 томах. / под ред. академиков АН АзССР И.А. Гусейнова, А.С. Сумбат-заде, к.и.н. А.Н. Гулиева, Е.А. Токаржевского. – Т. 1. – Баку: Издательство АН Аз.ССР. – 1958. – 422 с.

Казаков П.В. Экономические отношения России с Ираном через Астрахань в XVI – XVII в. // Астрахань – Гилян в истории русско-иранских отношений. / под редакцией А.И. Алексеевой, А.А. Вороновой, Г.Г. Исаева и

др. – Астрахань. – Издательский дом «Астраханский университет». – 2004. – С. 78-100.

Казарян М. Армянские ковры. – М.: Советский художник. – 1985. – 111 с.

Кананов И. Армяне в России. // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Литературно-научный сборник. / под ред. Г.А. Джаншиева. – Т. 1. – М. – 1898. – С. 513-524.

Кириллина С.А. Восточное Средиземноморье конца XVIII в. глазами российского паломника Мелетия. // Meyeriana. Сборник статей, посвященный 70-летию М.С. Мейера. / отв. редактор Ф.М. Ацамба., – Т.I. – М.: Академия гуманитарных исследований. – 2006. – С. 91-171.

Комашко Н.И. Живописец Богдан Салтанов в контексте художественной жизни Москвы второй половины XVII века. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – №2. – М. – 2003. – С. 44-54.

Котин И.Ю. Побеги баньяна. Миграция населения из Индии и формирование «узлов» южноазиатской диаспоры. – СПб.: Петербургское востоковедение – 2003. – 272 с.

Куликова А.М. Российское востоковедение XIX века в лицах. – СПб.: Издательство «Петербургское Востоковедение». – 2001. – 192 с.

Куция К.К. Города и городская жизнь Сефевидского Ирана. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тбилиси: Издательство Тбилисского Университета. – 1967. – 20 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПБ». – 2004 – 703 с.

Мамедов С.А. Исторические связи азербайджанского и армянского народов (вторая половина XVII в. и первая треть XVIII в.). – Баку: Издательство «Элм». – 1977. – 262 с.

Мамедова Н.М. Иранистика и роль армян в ее развитии. // Иранистика в России и иранисты. – М.: Издательство ИВ РАН. – 2001. – С. 103-108.

Мамедова Н.М. Российско-иранские экономические отношения (история, современное состояние и перспективы). // Россия и Иран. Иранистика в

Татарстане. Сборник статей. М.: Издательство «Палея-Мишин». – 2001. – С. 135-142.

Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1966. – 323 с.

Мартиросян А.У. Армянские поселения на территории Ирана в XI – XV вв. – Ереван: Издательство «Айастан». – 1990. – 257 с.

Миклухо-Маклай Н.Д. К вопросу о налоговой политике в Иране при шахе Аббасе I (1587 – 1629). // Советское востоковедение. – Т.6. – М.- Л. – 1949. – С. 348-355.

Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнической культуры. Материалы симпозиума. – Ереван. – 1978. – С. 42-46.

Молева Н. Иван Салтанов и его школа (К вопросу о русско-армянских культурных связях XVII – XVIII вв.) // II Международный симпозиум по армянскому искусству. – Ереван. – 1978. –10 с.

Молева Н.М. О художниках Бельских. // ВОН. – №8. – 1974. – С. 38-52.

Морозов М.А. Военные реформы Никифора II Фоки. // Никифор II Фока. Стратегика. / перевод со среднегреческого и комментарии А.К. Нефедкина. – СПб.: Издательство «Алетея» . – 2005. – С. 154-172.

Нагорная А.В. Русско-иранские культурные связи в конце XIX – начале XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М. – 1988. – 17 с.

Наджарян Е.О. Национально-политические предпосылки армяно-арабских культурных связей в Сирии и Ливане. // Арабские страны. История, экономика (труды III Всесоюзной конференции арабистов. Ереван, 1969 г.). – М.: ГРВЛ издательства «Наука» . – 1974. – С. 75-82.

Нейматова М.С. Два указа шаха Аббаса I. // Эпиграфика Востока. – Т. XVIII. – Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука» . – 1967. – С. 106-112.

Орбели И.А. Описание Версаля в армянской записи 1683 г. // Отдельный оттиск из Известий Российской академии истории материальной культуры. – Т. 1., № 33. – Л. – 1921. – С. 391-399.

Павлова И.К. «Хуласат ас-Сийар Мухаммад-Ма'сума б. Ходжаги Исфагани» как источник по истории Ирана 30-х годов XVII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Л. – 1986. – 19 с.

Папазян А.Д. Аграрные отношения в Восточной Армении и XVI – XVII вв. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1972. – 303 с.

Папазян А.Д. Персидские, арабские и турецкие официальные документы Матенадарана XIV – XIX вв. и их значение для изучения социально-экономической жизни стран Ближнего Востока. – М.: Издательство Восточной Литературы. – 1960. – 23 с.

Персидские документы Матенадарана. – Т. 1. Указы. – Выпуск первый (XV – XVI вв) / составил А.Д. Папазян. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1956. – 314 с.

Петрова И.К. «Путешествие в Персию и другие страны Востока» Жана Шардена как источник по истории Сафавидского Ирана (вторая половина XVII в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М.: Издательство ИВ РАН. – 1994. – 19 с.

Петросян Е. Армянская Апостольская Святая Церковь. – Эчмиадзин: Типография святого Эчмиадзина. – 1996. – 144 с.

Петрушевский И.П. Народное восстание в Гиляне в 1629 г. // Ученые записки Института Востоковедения (Академии Наук СССР). – Т. III. – 1951. – С. 225-256.

Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в. – Л.: Издательство ЛГУ. – 1949. – 383 с.

Пигулевская Н.В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. История Ирана с древних времен до начала XVIII века. – Л.: Издательство ЛГУ. – 1958. – 390 с.

Попков В. Феномен этнических диаспор. – М.: ИС РАН. – 2003. – 337 с.

Рахмани А.А. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. – Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР. – 1960. – 192 с.

Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. – М.: Издательская фирма «Восточная литература». – 2001. – 600 с.

Семенова Л.А. Орден кармелитов как орудие проникновения европейцев в Иран (по материалам «Хроники кармелитов»). // Ближний и Средний Восток. Сборник статей. – М: Издательство Восточной Литературы. – 1962. – С. 94-108.

Степанян А.В. Роль армян Новой Джуги в русско-иранских культурных взаимоотношениях (XVII – XVIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ереван: Институт востоковедения АН Армянской ССР. – 1990. – 18 с.

Тверитинова А.С. Восстание Кара-Языджи-Дели-Хасана в Турции. – М.-Л.: Издательство и 1-ая тип. изд-ва Академии Наук в Ленинграде. – 1946. – 87 с.

Тер-Авакимова С.А. Армяно-русские отношения в период подготовки Персидского похода. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1980. – 127 с.

Тер-Аветисян С.В. Город Джуга. – Тбилиси: Издательство грузинского филиала Академии Наук. – 1937. – 242 с.

Тер-Мкртичян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии VIII-XVIII вв. – М.: ГРВЛ издательства «Наука». – 1985. – 190 с.

Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV – XV веках. – М: Издательство МГУ. – 1957. – 318 с.

Фарзалиев А.М. Торгово-экономические связи государства Сефевидов с Западной Европой в конце XVI – первой половине XVII вв. Учебное пособие. – СПб: Издательство Филологического факультета СПбГУ. – 2005. – 48 стр.

Фарзалиев А.М. Дипломатические отношения государства Сефевидов с Западной Европой в конце XVI – первой половине XVII в. Учебное пособие. – СПб: Издательство Филологического факультета СПбГУ. – 2005. – 58 с.

Фарзалиев А.М. Южный Кавказ в конце XVI века (Османо-сефевидское соперничество). – СПб: Издательство СПбГУ. – 2002. – 156 с.

Хачатрян А.Н. Армянское войско в XVIII веке. Из истории армяно-русского содружества. (Исследование и документы). – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1968. – 473 с.

Хачикян Ш.Л. Армянское купечество Новой Джульфы и его роль в армяно-русских торговых отношениях (VII-XVIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР. – 1983. – 19 с.

Царева Е.Г. Фрагмент средневекового персидского молитвенного ковра саф в технике зилу. // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. – СПб. – 2009. – С. 78-83.

Чобанян П. Этноконфессиональные процессы в Закавказье XVII – XVIII вв. // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. – Т. XVIII. / под ред. Н.Х. Ованисян, М.Х. Хамоян, Г.Х. Саркисян, А.В. Косьян. – Ереван: Издательство «Гитутьюн» НАН РА. – 1999. – С. 151-161.

Чумалов М.Ю. Этнокультурное развитие армян в Абхазии (к проблеме стабильности этнодисперсной группы). // Малые и дисперсные этнические группы в европейской части СССР. / под ред. Е.М. Поспелова. – М.: МФГО. – 1985. – С. 106-119.

Эзов Г.А. Внутренний быт древней Армении. Историческое исследование. СПб.: Типография морского министерства. – 1859. – 155 с.

Эзов Г.А. Сношения Петра Великаго с армянским народам. Документы, извлеченные из Московского главного и Санкт-Петербургского архивов Министерства иностранных дел... и других учреждений. – СПб. – 1898. – 488+CXLIX с.

На западноевропейских языках:

Abisaab R.J. Converting Persia. Religion and power at the Safavid Empire. – London-New York: I.B. Tauris. – 2004. – 243 c.

Babaie S., Babayan K., Baghdiants-Mc Cabe I., Farhad M. Slaves of the Shah. New elites of Safavid Iran. – London-New York: I.B. Tauris. – 2004. – 218 c.

Baibourtian V. International Trade and the Armenian Merchants in the Seventeenth Century. – New Delhi: Sterling publishers private limited. – 2004. – 241 c.

Bournoutian G.A. Armenians in Nineteenth-Century Iran. // The Armenians of Iran. The Paradoxical Role of a Minority in a Dominant Culture: Articles and Documents. / edited by Cosroe Chaqueri. – Harvard: Middle Eastern Monographs (XXX). – 1998. – C. 54-76.

Burke P. What is Cultural History? – Cambridge: Polity Press. – 2004. – 152 c.

Canby S. R. Shah 'Abbas. The remarking of Iran. - L: The British Museum Press. - 2009. - 274 c.

Carswell J. New Julfa, the Armenian Churches and other Buildings. – Oxford: Clarendon Press. – 1968. – 100 c.

Dekmejian R.H. The Armenian diaspora. The Armenian people from ancient to modern times. – Volume II.: Foreign Dominion to Statehood: The Fifteenth century to the Twentieth Century. / edited by Richard G. Hovannisian, professor of Armenian and Near Eastern History. – Los Angeles: University of California – New York: St. Martin's Press. – 1997. – 512 c.

Farmayan H.F. The beginnings of modernization in Iran.The Politics and reforms of Shah Abbas I (1587 – 1629). – Utah, University of Utah: Middle East Center. – 1969. – 25 c.

Ferrier R.W. The Armenians and the East India Company in the Seventies and Early Eighteenth Centuries. // The Economic History Review, New Series. – vol. 26. – (1973). – C. 38-62.

Ferrier R.W. The European diplomacy of shah 'Abbas I and the first Persian embassy to England. // Iran. The journal of the British Institute of Persian studies. – Vol. IX. – L.: The British Institute of Persian studies. – 1973. – C. 75-92.

Floor W. The economy of Safavid Persia. – Wiesbaden: Reichert. – 2000. – 360 c.

Floor W. Safavid Government Institutions. – Costa Mesa: Mazda Publishers Inc. – 2001. – 340 c.

Floor W., Faghfoory M.H. The First Dutch-Persian Commercial Conflict. The Attack on Qeshm Island, 1645. – б. м. – 2003. – 280 с.

Gantzhorn V. Oriental Carpets. – Koln: Taschen. – 1998. – 532 c.

Ghougassian V.S. The Emergence of the Armenian Diocese of New Julfa in the Seventeenth Century. / Armenian texts and studies. – Pennsylvania: University of Pennsylvania. – 1998. – 326 c.

Gregorian V. Minorities of Isfagan: The Armenian Community of Isfagan. // The Armenians of Iran. The Paradoxical Role of a Minority in a Dominant Culture: Articles and Documents. / edited by Cosroe Chaqueri. Harvard: Middle Eastern Monographs (XXX). – 1998. – C. 27-53.

Minorsky V. Tadhkirat al-muluk. A manual of Safavid administration. Introduction. – L.: Messers, Luzac and Co. – 1943. – 218 c.

Moreen V.B. The Status of Religious Minorities in Safavid Iran 1617 – 61 // Journal of Near Eastern Studies. – Vol. 40, £ 2. – 1981. – C. 119-134.

al-Musawi M.M. Persian trade under the Safavids (1514 – 1722). // Sumer. A journal of archaeology and history in Iraq. – Vol. XXV. – №№I - II. – Baghdad: The directorate of antiquities. – 1969. – C. 99-102.

Papazian H. Armeno-Iranian relations in the Islamic Period. // Encyclopaedia Iranica / edited by Ehsan Yarshater. – Volume II, Fascicle 5.: Armenia and Iran IV – Art in Iran I. – L.: Routledge and Kegan Paul. – 1986. – C. 467 – 475.

Ross Sir E.D. Sir Anthony Sherley and his Persian adventure. – L.: George Routledge and Sons ltd. – 1963. – 293 c.

Sykes P. A history of Persia. – Volume II. – L.: Macmillan and Co. Limited. – 1930. – 594 c.

The Armenians of Iran. The Paradoxical Role of a Minority in a Dominant Culture: Articles and Documents. / edited by Cosroe Chaqueri. – Harvard: Harvard Middle Eastern Monographs (XXX). – 1998. – 431+XV стр.

Zekiyan B.L. Christianity to modernity. // The Armenians. Past and present in the making of national identity. / edited by Edmund Herzig and Marina Kurkchiyan. – New York: Routledge Curson. – 2005. C. 41-65.

Amirdjanyan L. La vie économique d'Erevan selon les voyageurs européens (XVIe – première moitié du XIXe siecle). // Armeniaca. Etudes d'histoire et de culture arméniennes. / textes réunis par Robert Dermerguerian. – Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence. – 2004. – C. 229- 239.

Melkonyan A. L'Arménie de l'Ouest dans la sphère des relations commerciales de l'Est et de l'Ouest. // Armeniaca. Etudes d'histoire et de culture arméniennes. / textes réunis par Robert Dermerguerian. – Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence. – 2004. – C. 241-252.

На персидском языке

Ešrāqi E. Ahammiyat-e tejārat-e abrišam dar zamān-e Safawiye // Irān šenāxt. – № 5. – 1356. – C. 130-152.

Huwiyān A. Armaniyān-e Irān. – Tehrān: Markaz-e beynolmelāli-ye goftogu-ye tamaddānhā bā hamkāri-ye entešārāt-e xormos. – 1380. – 414 c.

Dānešnāme-ye irāniyān-e Armani. / Be kušeš-e Žānet De Lazariyān. – Tehrān: Entešārāt-e xirmand. – 1382. – 531 c.

Falsafi, Nasrulla. Zendegāni-ye šāh-e Abbās-e awwal. – Ĵeld-e dowwom. – Tehrān: Entešārat-e dānešgāh-e Tehrān. – 1337. – 448 c.

Melkāniyān L. Kelisāhā-ye arāmene-ye Irān. – Tehrān: Markaz-e beynolmelāli-ye goftogu-ye tamaddānhā. – 1380. – 120 c.

Mehrābādi M. Zan-e irāni be rewāyat-e safarnāme-ye nevisān-e farangi. – Tehrān: Entešārāt-e āfarineš našr-e ruzgar. – 1379. – 544 c.

Nurizāde A. Tārix wa farhang-e Ārmanestān az āqāz tā emruz. – Tehrān: Čāpxāne-ye heydāri. – 1374. – 648 c.

На армянском языке

Байбурт'йан В. Х̀ай-иранакан х̀араберут'йуннерэ Х̀айастани анкахут'йан дзеркберумиц хето. // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Выпуск XVII / под ред. Н.Х. Ованисян, М.Х. Хамоян, Г.Х. Саркисян, А.В. Косьян. – Ереван: Издательство «Гитутьюн» НАН РА. – 1998. – С. 5-20.

Данег̀йан Л. Арак'ел Даврижецу еркэ орпес сефйан Ирани XVII дари патмут'йан скзбнаг̀бйур. – Ереван: Х̀айкакан ААХ ГА Х̀ратаракчут'йун. – 1978. – 235 с.

Данег̀йан Л. Ег̀йя Мушег̀йянэ р̀усакан ког̀мнорошман джат'аков. // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. – Выпуск XVII. / Редакторы - Н.Х. Ованисян, М.Х. Хамоян, Г.Х. Саркисян, А.В. Косьян. – Ереван: Издательство «Гитут'йун» НАН РА. – 1998. – С. 55-72.

Данег̀йан Л. Х̀айери бр̀нагаг̀т'н Иран 17-рд дарум (А. Даврижецу твйалнеров). // Вестник общественных наук. – №8. – Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР. – 1969. – С. 62-85.

Ив̀збашеан, Карэн. Х̀айагитут'йан нерац'ут'йун. – Ереван. – 2006. – 117 с.

Х̀овх̀аннисеан Х. Х̀ай-р̀ус ориентациайи ц'агман хндирэ. – Эджмиац'ин: Тпабан-гитакан институти. – 1921. – 68 с.

Интернет-материалы

Армянский женский костюм, Новая Джульфа, Исфахан, Иран, XVII в. URL: http://forum.hayastan.com/index.php?act=attach&type=post&id=21969 (дата обращения – 17.09.2007)

Армянский женский костюм, Новая Джульфа, Исфахан, Иран, XVIII в. URL: http://www.hyeetch.nareg.com.au/culture/textile_p3.html (дата обращения - 17.09.2007)

Ароян С.А. Краткая история армянской католической церкви. URL: http://www.armeniancatholic.ru/ru/library/armenrus.html (дата обращения 01.09.2008)

Брокгауз и Эфрон. Армяне на Руси и в Польше. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. URL: http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/005/5355.htm (дата обращения: 07.08.2007)

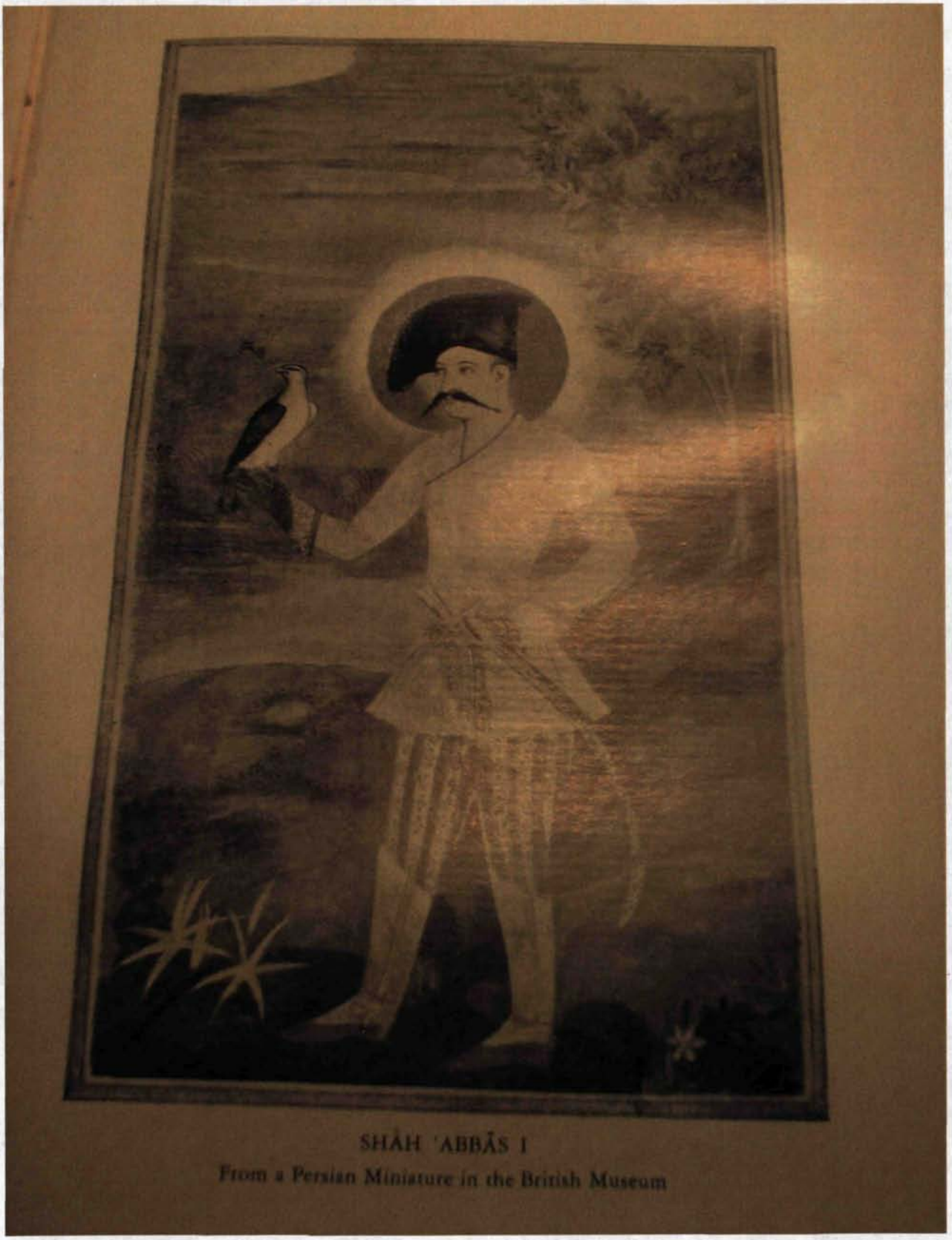
Гурьев Б.М. Поездка в Тавриз // Исторический вестник. – 1912. – №6. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XX/1900-1920/Gurjev_B_M/text1.htm (дата обращения: 16.03.2008)

Сафаров Р. История Азербайджана. Политическая игра на перепутье интересов. – URL: http://www.azeri.ru/AZ/history/polit_igra.html (дата обращения: 31.07.2008)

Степанян А.А. Социокультурные особенности армянской этнообщины Москвы (экскурс в прошлое и результаты полевого обследования 2003 г.) // Альманах «Диаспоры». – №1. (2004). Кавказский узел. URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/71483 (дата обращения 27.05.2007).

Matiossián V. Armenios de Irán en España y Sudamérica en los siglos XVII y XVIII. // Transoxiana. – № 12 . – 2007. URL: http://www.transoxiana.org/12/matiossian-armenia_america.php (дата обращения: 16.07.2008)

ПРИЛОЖЕНИЯ

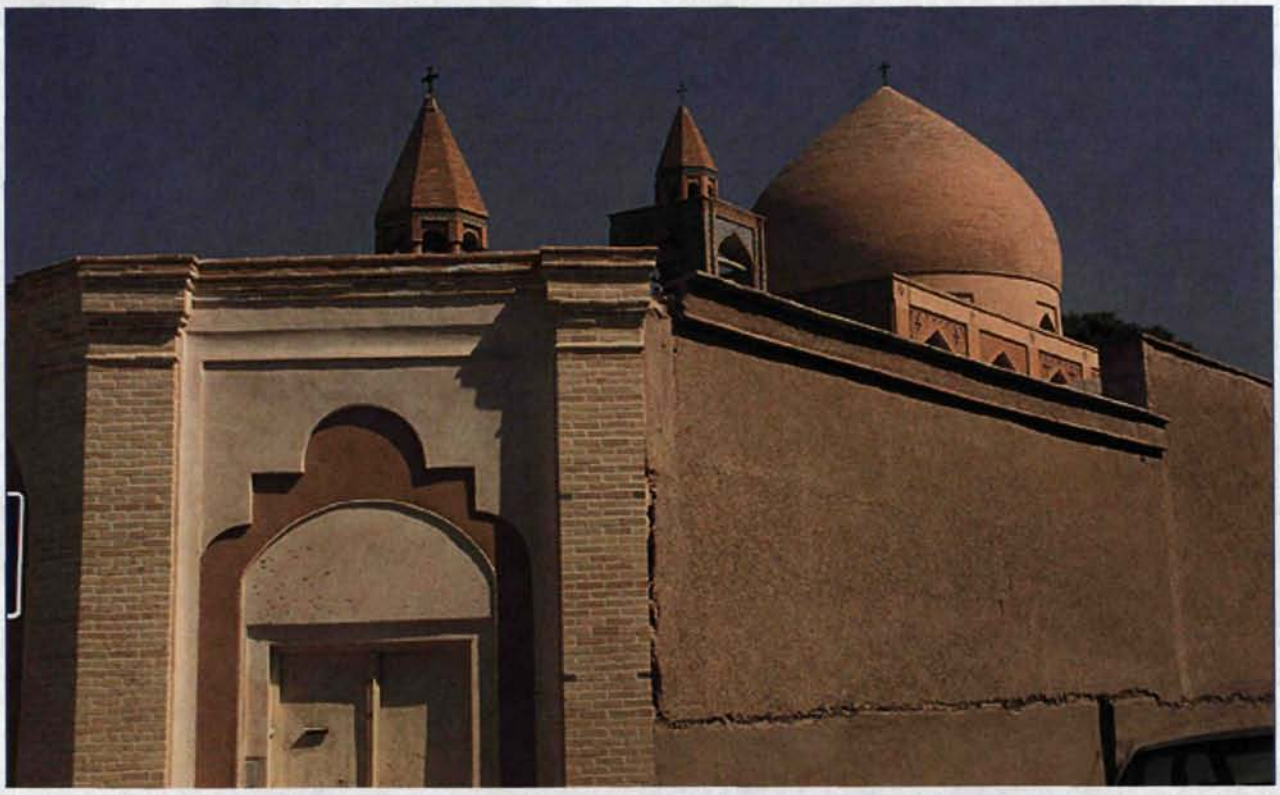


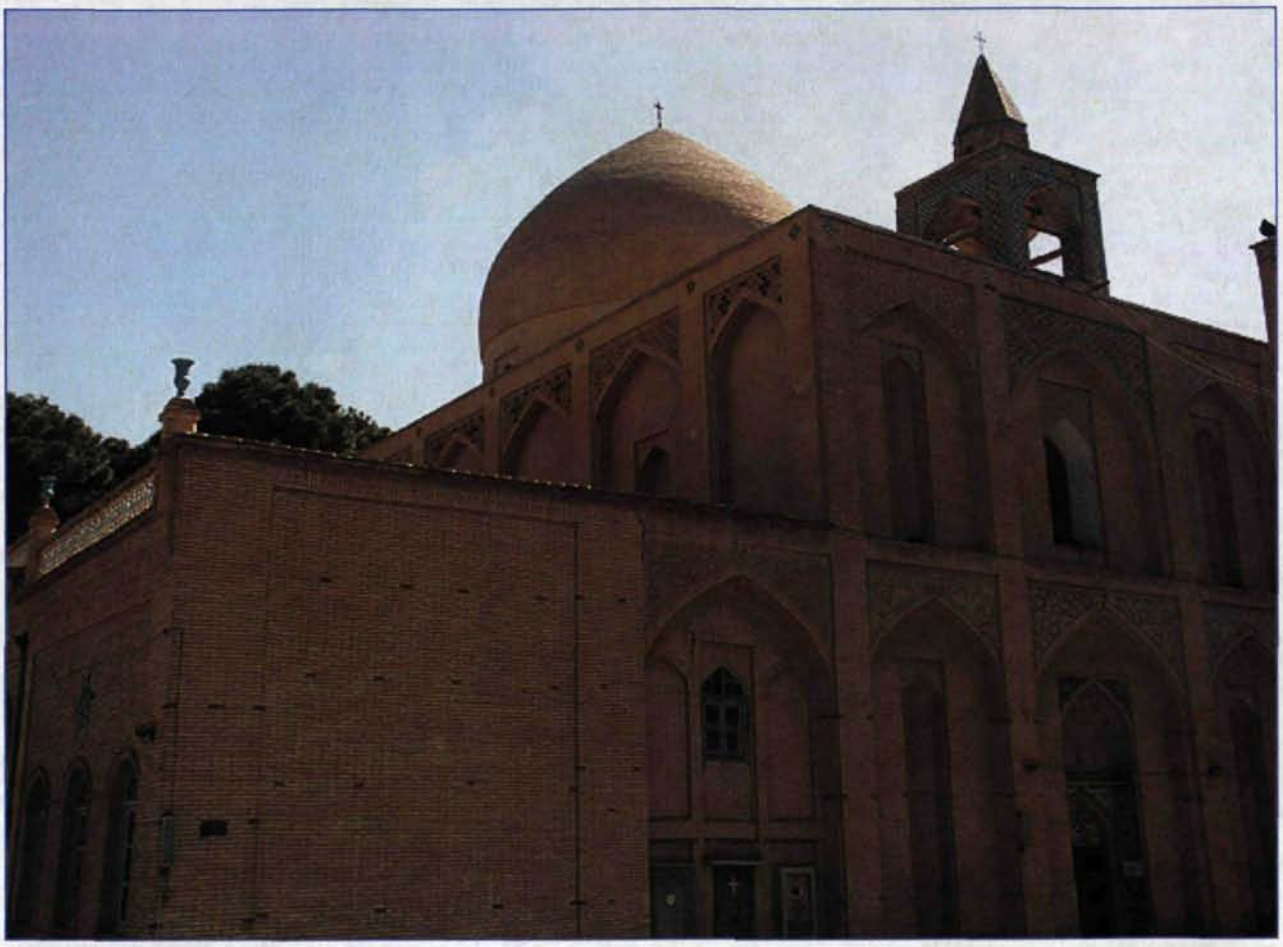
SHÂH 'ABBĀS I
From a Persian Miniature in the British Museum

№ 1. Шах Аббас I (1587-1629 гг.). Sir E. Denison Ross. Sir Anthony Sherley and his Persian adventure. "George Routledge and Sons ltd", L., 1963. 293 стр.

Fig. 3 Stones of Ējmiacin at Surb Gēworg Church

№ 2. Камни, перевезенные из Эчмиадзина в 1614 г. для закладки нового религиозного центра для иранских армян. Vazgen S. Ghougassian. The Emergence of the Armenian Diocese of New Julfa in the Seventeenth Century. University of Pensilvania, Armenian texts and studies, Pensilvania, 1998. 326 стр. С. 77.





№ 3, № 4. Монастырь Ванк в Новой Джульфе (17 в.) Исфаган, Иран, весна 2006 г, фотографировала О. А. Агапова.

Chronology of the 17th and early 18th Century Kaṫolikoi of Ējmiacin and Primates of New Julfa

Kaṫolikoi		Primates	
Dawiṫ Vałaršapaṫci	1584-1624?	Mesrop Julayeci	1608?-23
Melkiseṫ Garneci co-adjutor	1593-1626	Xačatur Kesaraci	1623-29
Awetis co-adjutor	1601?-23	Połos Tiwrikeci	1629-30
Srapion Urhayeci co-adjutor	1603-6	Zaḵaria *Vardapeṫ*	1630-1
Sahak Garneci co-adjutor	1623-7	Xačatur Kesaraci	1631-46
Movsēs Siwneci	1629-32	Dawiṫ Julayeci	1652-83
Pilippos Albakeci	1633-55	Steṗanos Julayeci	1683-96
Yakob Julayeci	1655-80	Aleḵsandr Julayeci	1698-1706
Eliazar Ayntapci	1681-91	Movsēs Julayeci	1706-24
Nahapet Edesaci	1691-1705		
Steṗanos Julayeci	1696-7		
Aleḵsandr Julayeci	1706-14		
Astuacatur Hamadanci	1715-25		

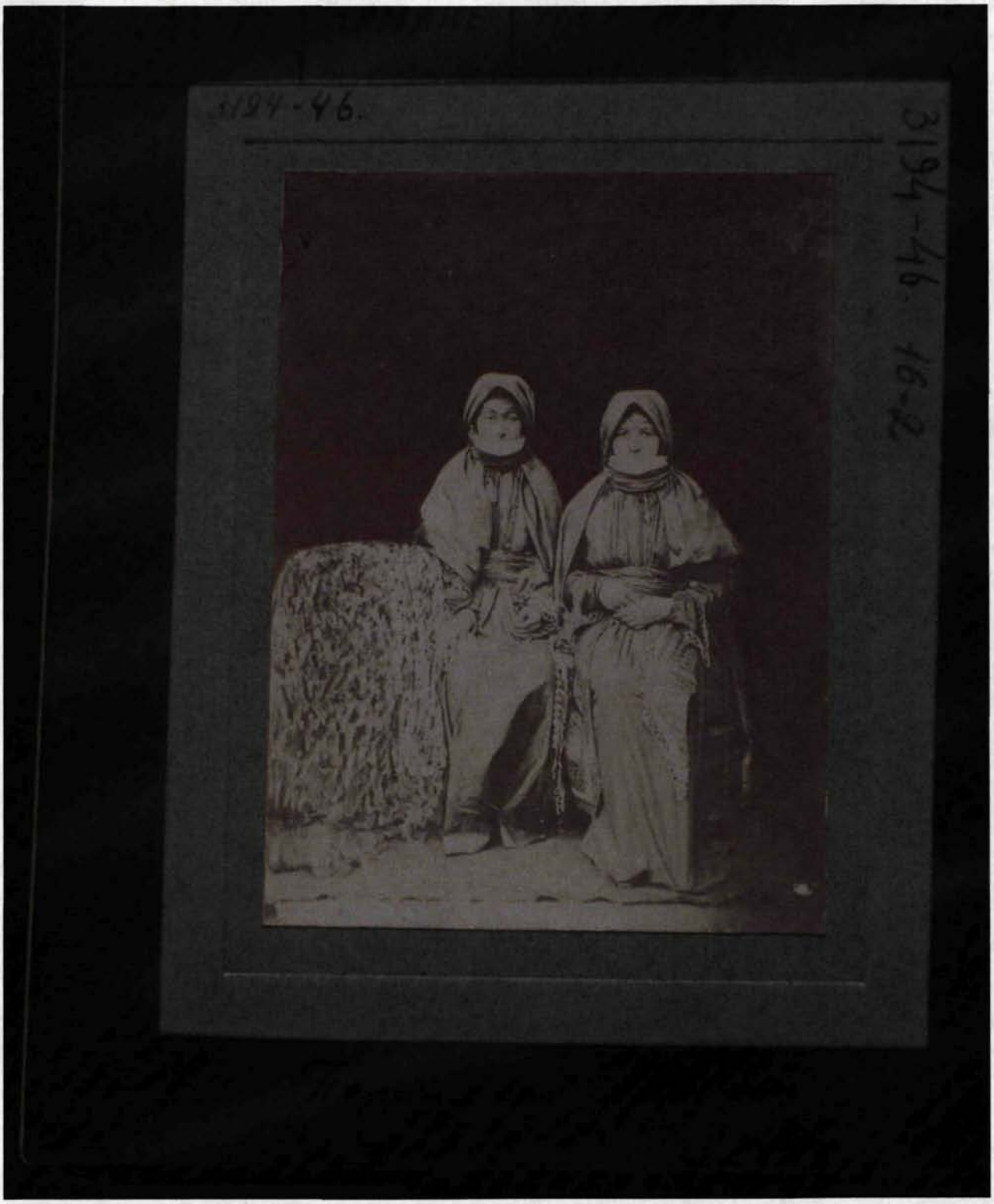
№ 5. Перечень высшего духовенства Эчмиадзина и Новой Джульфы в 17-18 вв. Vazgen S. Ghougassian. The Emergence of the Armenian Diocese of New Julfa in the Seventeenth Century. University of Pensilvania, Armenian texts and studies, Pensilvania, 1998. 326 стр. С. 293.

№ 6, № 7. Вывески в Новой Джульфе. Исфаган, Иран, весна 2006 г, фотографировала О. А. Агапова.

№ 8 Шах Сефи I (1629-1642 гг.). Adam Olearius. The voyages and travels of the ambassadors from the Duke of Holstein, to the Great Duke of Muscovy and the King of Persia. Begun from the year M. DC. XXXIII. and finished in M. DC. XXXIX. Containing a compleat History of Muscovy, Tartary, Persia, and other adjacent Countries. For Thomas Dring and John Starkey, L., 1662. 424 стр.

№ 9, № 10 Армянский женский костюм, Новая Джульфа, Исфаган, Иран, 17 в. http://forum.hayastan.com/index.php?act=attach&type=post&id=21969

№ 11. Армянский женский костюм, Новая Джульфа, Исфаган, Иран, 18 в. http://www.hyeetch.nareg.com.au/culture/textile_p3.html



№ 12. Армянский женский костюм. 19 в., Персия.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Иллюстративные коллекции. Армяне. Персия. 3194- 46. 16-2.

№ 13. Группа армянок. 19 в., Персия.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Иллюстративные коллекции. Армяне. Персия. Группа армянок. 1845 -1.

№ 14. Иранские армянки, 19 в.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Иллюстративные коллекции. Персия. Армянки по дороге в Бодан. 1845- 115.

№ 15. Армянка. 19 в.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Иллюстративные коллекции. Армяне. Персия. Армянка. 2471- 93.

№ 16. Челобитная сорока армян, приехавших из Персии в Россию о разрешении им исповедаться в русской христианской церкви.

л.1. Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю (т.) бьют челом Шаховой области арменья Стенка Моисеев, Гришка Матвеев, Сафарко Назаров, Богдашко Салтанов, Бабка Туресов с товарыщи сорок человек.

Ходили мы иноземцы арменья с торговыми своими промыслишки и своми товаришки в Кизилбашское и в Турецкое и в Ындейское и в Немецкия государства, а веруем мы арменья православную христианскую веру и в Кизилбашском и в Турецком государстве нас арменьев живет много и церкви христианския у нас такия же построены, а в Ыедейском государстве и в немецких государьствах как мы иноземцы бываем с товаришки своими и там наши церкви християнския есть же и мы будучи в Ындейском государстве и в немецких государьствах в церквах божиих богу молимся и кому случитца скорбь и смерть без исповедывания и без причастия не помираем, а как мы иноземцы будучи в твоем великого государя Российском государстве и нас иноземцев в церкви божии богу молитца не пускают и которое из нас божием изволением лучитца болезными смерть и к исповеданию исповедатца отца духовного призвать нам нельзя никоторой священник к нам не идет и наша государь братья помирает без исповедания и бес причастия и погибают наши души, что иноверныя ли бесурманския, а мы иноземцы не иноверныя и не бесурманы, веруем православную христианскую веру и в арменьях у нас такия же православныя христианския церкви есть и монастыри построены и про ту нашу веру ведают вселенския папа и патриархи.

И ныне, государь, божиею волею твой государев сафиянной мастер арменин Арапет Мартинов лежит при смерти, а никоторой священник к нему не идет ни исповедать, ни причестить. А которыя государь твои великого государя русския торговыя люди бывают в нашей арменской земле и божиейю волею случитца им скорбь или смерть и наши священники их исповедают и причещают и будучи твои великого русские торговыя люди в

нашей арменской земли без исповедания и без причастия не помирают и которыя государь наша братья арменья торговые люди жили в посацких людех в Казани и в Астрахани и видя то, что их их в церкви божии богу молитца не пускают и они поехали все в Кызылбашскую землю.

Милосердный государь, царь и великий князь Алексей Михайлович (т.), пожалуй нас иноземцев, вели государь нас в церкви божии богу молитца пускать и божией волею кому случитца из нас скорбь или смерть, вели государь нас священникам исповедовать и тела и крови Христови причещать. И мы иноземцы будучи в церквах божиих учнем богу молитца и такоже что и протчи христиани и за тебя великого государя бога молить и будет пожалуешь великий государь нас иноземцов в церкви божие пускать с протчими християны и исповедовать и причещать и послышат то наша братья арменья многия на твое великого государя имя выедут и учнут жить за тобою великим государем в посацких людех в Астрахани и в Казани и выных твоих великого государя городех и вели государь ево сафьянного мастера поновить и причестить, чтоб ему без исповедывания и без причастия не умереть. Царь, государь смилуйся.

ЦГАДА, ф. Сношения России с Арменией, 1666 г., д. № 4, лл. 1-3.

№ 17. Письмо кандзасарского патриарха Петра Алексею Михайловичу с просьбой покровительствовать испаганским армянским купцам и всему армянскому народу.

Перевод з грамоты армянского письма, что писал к великому
л. 4 об. государю, князю Алексею Михайловичю (т.) армянской Петр патриарх с армянином з Григорием Лусиковым в нынешнем во 181-м году декабря в 2 день.

Христововенчанный царь, благородный, светлейший, сильнейший ко врагам самодержец и благоверный боголюбивый Христохранитель Алексей Михайлович, Христос всех иже благодатной сподобил тебя на высочайший и богоугодный отечества твоего престол.

Раб божий Петр Католик [ос] армянский молитвами Григория великого великие Армении, патриарх священного места Канцасар идеж святые мощи Иоанна Крестителя и Горигория великого десница и Иосифа Арима фейского и прочих иже зде усопших, коих молит
л. 5 вами и всех апостолов помощи Иисуса Христа и посещение святаго духа буди над твоим царствующим градом Москвою и по всем государствам твоим.

Ведомо тебе великому государю чиню, что ты великий государь пожаловал грамотою армянина Григория Лусикова и прочих армян, которую грамоту шах Сулейманово величество выразумев об ней достаточно в любовь принял. И посланного от себя Григорья Лусикова к тебе великому государю послал для договору о котором он будет говорить, обнадеживая, что то ево объявление вам великому государю будет в любовь, а армянские лутшие люди, которые есть в Испогани тот уговор слушали, и великое приятство то себе ставят. И писали челобитною и отдали и отдали ему Григорью.

Еще тебе ж великому государю вестно чиню, что торговые люди живут аки овцы где нет зверей там почасту пребывают безопасно, и против твоей великого государя грамоты их армян шахово величество пожаловал с торговым промыслом в твои великого государя государства ездить велел

безопасно и просим и молим у тебя великого государя, чтоб твои великого государя над ними торговыми людьми милость была, чтоб они безопастно ездили в твои государства. Еще молим у господа бога, чтоб государства и хвалу твою умножил и утвердил и покорил всех врагов подножие ног твоих яко Соломон и к нашему народу о заступлении и чтоб мы меж нечестными без исцеления не оставались, да и сносдобит тя господь бог з благочестивым и святым царем Константином и с прочими во царствии небесном царствовати со всем благочестивым родом твоим.

А году и месяца и числа в той грамоте не написано.

л. 6. Да того ж армянского патриарха с ним же Григорьем прислан лист к посольскому боярину, кому государственные дела належат. И в том листу писано против того ж.

ЦГАДА, ф. Сношения России с Арменией, 1672 г., д. № 3, лл. 4 об.- 6.